

**МИНОБРНАУКИ РОССИИ
ФЕДЕРАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ БЮДЖЕТНОЕ
ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ
«БАШКИРСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ПЕДАГОГИЧЕСКИЙ
УНИВЕРСИТЕТ им. М. АКМУЛЛЫ»**

**ПРОФИЛАКТИКА ДЕСТРУКТИВНОГО ПОВЕДЕНИЯ
В МОЛОДЕЖНОЙ СРЕДЕ**

ХРЕСТОМАТИЯ

Уфа 2019

УДК 343.85(075)
ББК 74.005.56я7-3

Подготовлено в рамках реализации Плана мероприятий по обеспечению подготовки специалистов с углубленным знанием истории и культуры ислама в 2017-2020 гг., утвержденного Распоряжением Правительства Российской Федерации №2452-р от 18 ноября 2016 года.

Профилактика деструктивного поведения в молодежной среде [Текст] / Составители И.Ф. Шиляева, Ю.А. Федорова. – Уфа: Изд-во БГПУ, 2019. – 169 с.

В хрестоматии представлены публикации, раскрывающие феноменологические особенности деструктивного поведения, факторы деструктивного поведения современной молодежи, основные подходы в организации профилактической работы.

Пособие адресовано преподавателям исламского профессионального образования, педагогам медресе, студентам, магистрантам, аспирантам, а также всем интересующимся.

Составители: И.Ф. Шиляева, канд. филос. наук, доцент
Ю.А. Федорова, канд. пед. наук, доцент

Рецензенты:

Н.К. Зиганшина – председатель общероссийской общественной организации «Союз мусульманок России»;

Т.С. Чуйкова – канд. психол. наук, профессор.

ISBN 978-5-907176-44-7

© Изд-во БГПУ им. М.Акмуллы, 2019
© Шиляева И.Ф., Федорова Ю.А., 2019

СОДЕРЖАНИЕ

ПРЕДИСЛОВИЕ.....	5
ГЛАВА 1. ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ АНАЛИЗА ФЕНОМЕНА ДЕСТРУКТИВНОГО ПОВЕДЕНИЯ В СОВРЕМЕННЫХ УСЛОВИЯХ.....	6
1.1. Феномен деструктивного поведения: категориально-понятийный и библиометрический анализ, <i>А.А. Сухова</i>	6
1.2. Типология деструктивного поведения, <i>Ю.А. Клейберг</i>	12
1.3. Обзор теоретических аспектов деструктивного поведения личности, <i>М.Н. Кузнецова</i>	21
1.4. Социально-деструктивное поведение в современной России <i>С.П. Елшанский, Д.В. Семенов</i>	24
1.5. Аддиктивное поведение: факторы риска и условия формирования, <i>М.С. Симонов, Д.Л. Симонова</i>	27
1.6. Философия агрессии в цифровую эпоху, <i>А.А. Лисенкова</i>	33
1.7. Психолого-правовой анализ деструктивных проявлений в сети Интернет, <i>Е.В. Васкэ, О.И. Горюнова</i>	41
ГЛАВА 2. ФАКТОРЫ ДЕСТРУКТИВНОГО ПОВЕДЕНИЯ В МОЛОДЕЖНОЙ СРЕДЕ.....	50
2.1. Аутодеструктивное поведение в подростковом и юношеском возрасте, <i>Н.А. Польская, Н.В. Власова</i>	50
2.2. Взаимосвязь личностных характеристик и предрасположенности к деструктивному поведению у подростков, <i>М.Н. Кузнецова, Л.С. Рычкова</i>	53
2.3. Неблагополучная семья как фактор деструктивного развития самосознания личности подростка, <i>З.М. Гаджимурадова, М.О. Омарова</i>	57
2.4. Личностные факторы рискованного поведения подростков, <i>И.Ф. Шиляева</i>	62
2.5. Влияние СМИ на суицидальное поведение молодежи, <i>И.Ф. Шиляева, З.Ю. Ишбаева</i>	70
2.6. Деструктивная интернет-игра «Синий кит» как девиантологический феномен: постановка проблемы, <i>Ю.А. Клейберг</i>	74
2.7. Акцентуации характера как факторы риска развития аддиктивного поведения, <i>М.Н. Усцева</i>	81
ГЛАВА 3. ПРОФИЛАКТИКА ДЕСТРУКТИВНОГО ПОВЕДЕНИЯ В МОЛОДЕЖНОЙ СРЕДЕ	86
3.1. Профилактика конфликтного и агрессивного поведения.....	86

3.1.1. Представления о родителях и семейных конфликтах в неформальной подростковой субкультуре, <i>М.В.Разин</i>	86
3.1.2. Проблема конфликта в подростковом возрасте, <i>Т.В. Драгунова</i>	96
3.1.3. Психолого-педагогическое исследование гендерных различий агрессивности подростков, <i>А.Д. Иванова, Д.Ф. Шамсутдинова</i>	111
3.1.4. Школьная служба примирения как средство сохранения психологического здоровья участников образовательного процесса, <i>Е.Ю. Колотева, П.П. Кучегашева</i>	114
3.2. Профилактика буллинга в молодежной среде	120
3.2.1. Потенциал первичного коллектива в профилактике буллинга среди подростков, <i>Д.Н. Соловьев</i>	120
3.2.2. Теоретические основания развития системы социально-педагогической работы по профилактике школьного буллинга, <i>И.Н.Дашук., К.В. Дашук</i>	123
3.2.3. Семья как фактор профилактики и риска виктимного поведения, <i>А.А. Реан</i>	129
3.2.4. Работа социального педагога по профилактике школьного буллинга, <i>К.В. Лященко</i>	135
3.2.5. Кибербуллинг: травля в пространстве современных технологий, <i>А.А. Бочавер, К.Д. Хломов</i>	141
3.3. Профилактика экстремизма	153
3.3.1. Профилактика экстремизма в молодежной среде, <i>Г.А. Стюхина, К.В. Макарова</i>	153
3.3.2. К вопросу о профилактике экстремизма среди несовершеннолетних, <i>Н.С. Чукарина, С.А. Кучерова</i>	157
3.3.3. Воспитание толерантности школьников как педагогическая проблема, <i>Г.С. Алексеев</i>	161
3.3.4. Экстремизм в современном интернет пространстве, <i>О.С. Зубкина</i>	163

ПРЕДИСЛОВИЕ

Деструктивное поведение является одним из центральных предметов внимания в современной психологии, педагогике и социологии. Проблема деструктивного поведения среди подрастающего поколения активно исследуется учёными с начала XX века. Именно с этого периода появляются попытки объяснить предпосылки поведения деструктивной направленности. Особый интерес вызывает осмысление особенностей деструктивного поведения у современной молодежи.

Анализируя причины девиаций, Л.С. Выготский отмечал, что в основе большинства подобных случаев лежит психологический конфликт между ребёнком и средой, или между отдельными сторонами и слоями личности ребёнка. Деструктивный вид поведения представляет собой отклонение от общепринятой нормы поведения и морали и носит разрушающий характер. Разрушения затрагивают все сферы жизни человека: здоровье, отношения с друзьями, социализацию и т.д.

Анализ специализированной литературы показывает, что условия становления личности современного человека изменились кардинально, у подрастающего поколения формируются своеобразные личностные отношения к себе, к миру, к окружающим людям. Именно в периоды подросткового и юношеского возрастов такая форма отклоняющегося встречается наиболее часто ввиду своего переходного возраста, отсутствия достаточного внимания со стороны взрослых, влияния улицы, подмены настоящих ценностей, приоритетов и ряда других причин. Для того, чтобы справиться с такой проблемой, нужно понять, что вызвало такое поведение.

Необходимостью решения данной задачи и продиктована идея создания данной хрестоматии. Хрестоматия состоит из 3 глав. В первой главе «Теоретический анализ феномена деструктивного поведения в современных условиях» (сост. И.Ф. Шиляева) представлен материал, включающий категориально-понятийный анализ феномена деструктивного поведения, характеристику его типов и особенностей формирования в современной России.

Вторая глава «Факторы деструктивного поведения в молодежной среде» (сост. И.Ф. Шиляева) посвящена анализу причин формирования деструктивного поведения. Представлены публикации, раскрывающие аутодеструктивное поведение в подростковом и юношеском возрасте, взаимосвязи личностных характеристик и предрасположенности к деструктивному поведению. Показана роль семьи, Интернета и социальных сетей в формировании деструктивного поведения.

В третьей главе «Профилактика деструктивного поведения в молодежной среде» (сост. Ю.А. Федорова) представлены материалы, раскрывающие особенности организации профилактики конфликтного и агрессивного поведения. Особое внимание уделено профилактике буллинга, подчеркнута роль педагогов и родителей в решении данной задачи. Обозначены особенности кибербуллинга, возникающего в условиях информатизации и компьютеризации. Показана актуальность и необходимость предупреждения экстремизма в молодежной среде.

ГЛАВА 1. ТЕОРЕТИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ ФЕНОМЕНА ДЕСТРУКТИВНОГО ПОВЕДЕНИЯ В СОВРЕМЕННЫХ УСЛОВИЯХ

1.1. Феномен деструктивного поведения: категориально- понятийный и библиометрический анализ

А.А. Сухова¹

Поведение как объект психологического анализа попадает в поле научно-исследовательского интереса с конца 19 века. За более чем столетнюю историю исследований поведение изучается как со стороны его структурной организации, видовой специфики, нормы и патологии его проявления. Деструктивное поведение, являясь одновременно и качественной характеристикой, и видом, и способом его организации, исследуется через сопряжение с агрессивным, девиантным, делинквентным, криминальным поведением и т.д.

Таким образом, с одной стороны сложилась глубокая исследовательская традиция в изучении деструктивного поведения, с другой стороны противоречия и многозначность исследовательского материала не дает возможность осуществлять критериально-сравнительную оценку изучаемого феномена [14].

Целью исследования является библиометрический и категориально-понятийный анализ для изучения степени разработанности феномена деструктивного поведения в отечественной психологии в период 2004–2013 гг.

Объект исследования – деструктивное поведение.

Определение степени научной разработанности проблемы изучения деструктивного поведения осуществлялось с использованием метода библиометрического анализа количественных и качественных показателей информационного пространства психологических исследований [7], анализ осуществлялся на базе информационного пространства «eLIBRARY» [16] по ключевым словам «деструктивное поведение» в период с 2004 по 2013 год.

Общий объём исследований в системе РИНЦ составляет 4,59%, что говорит о малой освоенности данного вопроса.

Выявлена неравномерность распределения частот исследовательской активности в период с 2004 по 2013 гг. С 2004 по 2006 гг. отмечается не проработанность проблематики данного феномена. Анализ динамики публикационной активности в направлении изучения феномена деструктивного поведения за период 2004–2013 гг., указывает на интенсивный рост количества публикаций, начиная с 2007 года. По содержанию представленные научные публикации за период 2004–2013 гг. преимущественно носят теоретический характер 75,4%, доля исследований эмпирического характера составляет 24,6%.

¹ [Электронный ресурс] // SCI-ARTICLE.RU. 2015. № 17 URL: <http://sci-article.ru/stat.php?i=1421145889>
(дата обращения: 19.09.2019).

В рамках библиометрического анализа осуществлялось тематическое секторирование научных публикаций по проблеме деструктивного поведения. В результате секторирования анализируемых научных исследований были выделены следующие группы: факторы возникновения деструктивного поведения; коррекция, прогноз, профилактика; феноменология; теоретико-методологический анализ; разработка методики.

Преобладающим направлением исследования деструктивного поведения является анализ факторов возникновения, включающие в себя: личностные особенности (39%), влияние профессиональной деятельности (24%), психологическое воздействие (19%), детско-родительские отношения (11%), трудности адаптации (3%), физиологические процессы (2%), параметры межполушарной асимметрии (2%). Значимая роль отводится феноменологии, коррекции, прогнозу и профилактике.

С целью систематизации содержания понятия «деструктивного поведения» был проведен категориально-понятийный анализ, осуществляющийся на базе информационного пространства «eLIBRARY» [16] в период с 2004 по 2013 год. Оценка осуществлялась по ключевому словосочетанию «деструктивное поведение».

На основании результатов библиометрического анализа была сформирована подборка научных публикаций, теоретико-методологического характера, на которой был проведен категориально-понятийный анализ.

Весь объем исследований, описывающих содержание феномена деструктивного поведения в рамках категориально-понятийного анализа, был разделен на 2 группы. Ряд авторов использует раннее данные определения понятия «деструктивное поведение» (Е.В. Ермасов; С.С. Богдан; Л.Г. Гребенщикова; Н.В. Майсак; Р.В. Бисалиев, А.С. Кубекова, А.В. Хаджимурадов) (таблица 1); другие авторы предлагают своё понимание этого феномена (В.Б. Куликов, К.В. Злоказов; Ю.А. Клейберг; Н.Н. Кошкарова, С.Г. Нестерцова; Н.Н. Ниязбаева; В.Ц.Цыренов; Л.Г.Гребенщикова; З.К. Давлетбаева; Е.В. Ермасов; С.О. Ларионова) (таблица 2).

Таблица 1

Категориально-понятийный анализ понимания феномена деструктивного поведения в различных психологических направлениях, осуществленный на базе информационной системы «eLIBRARY» в период 2004-2013 гг.

<i>Автор (год)</i>	<i>Определение понятия</i>	<i>Методологическое основание</i>
Е.В. Ермасов (2009)	Деструктивное поведение является одним из проявлений девиантного поведения, отклоняющегося от наиболее важных	Интегративный подход (Е.В. Змановская)

	социальных норм, причиняющего реальный ущерб обществу и самой личности, а также сопровождающей ее социальной дезадаптацией [5].	
С.С. Богдан (2010)	Деструктивность-вторичный, реактивный феномен, возникающий в результате неудовлетворения «базовых» потребностей или как производная множества детерминант (культура, среда, научение) [2].	Гуманистический подход (А. Маслоу)
Л.Г. Гребенщикова (2011)	Деструктивное поведение-это удовлетворение субъектом своих потребностей за счёт прямого или косвенного, чаще не осознанного, насилия над личностью другого человека, (или) за счёт открытого или завуалированного отвержения социальных норм, нарушения прав личности [3].	Интегративный подход (В.И. Гинецинский)
Н.В. Майсак (2013)	Деструктивное поведение-альтернативный способ адаптации отдельных индивидов и социальных групп к стрессогенному характеру жизни [12].	Интегративный подход (Е.В. Змановская)
Р.В. Бисалиев, А.С. Кубекова, А.В. Хаджимурадов (2013)	Деструктивное поведение рассматривается как агрессивное поведение, которое проявляется в действиях, базирующихся на агрессивности и направленные на причинение физического, морального или иного ущерба людям или другим	Интегративный подход (Т.Б. Дмитриева)

	объектам окружающего мира, сопряженные с насилием против них [1].	
--	---	--

Исходя из полученных результатов можно сделать вывод о том, что большее количество авторов используют в качестве методологического основания интегративный подход, в единичном случае используется гуманистический подход.

Таблица 2

Категориально-понятийный анализ авторских определений феномена деструктивного поведения, осуществленный на базе информационной системы «eLIBRARY» в период 2004-2013 гг.

<i>Автор (год)</i>	<i>Определение понятия</i>
В.Б. Куликов К.В. Злоказов (2006)	Деструктивное поведение - поступки личности, которые направлены на разрушение внешних структур и опосредованы индивидуальными особенностями системы [8].
Ю.А. Клейберг (2008)	Деструктивное поведение – это поведение нарушающее, разрушающее или приводящее к распаду любой социальной связи [6].
Н.Н. Кошкарлова С.Г. Нестерцова (2010)	Деструктивное поведение рассматривается через категорию агрессии, которая выступает как целенаправленное разрушительное поведение, противоречащее нормам и правилам существования людей, принятым в том или ином обществе, наносящее вред объектам нападения (одушевленным и неодушевленным), причиняющее физический ущерб людям или вызывающее у них психологический дискомфорт (отрицательные переживания, состояние напряженности, страха, подавленности и т.п.) [7].
Н.Н. Ниязбаева (2010)	Деструктивное поведение – наиболее активная реакция отчуждения, характеризующая в целом все разрушительные действия человека [13].
В.Ц.Цыренов (2010)	Деструктивное поведение – любое поведение, в результате которого

	осуществляется причинение вреда другим людям [15].
Л.Г.Гребенщикова (2011)	Деструктивное поведение – специфическая форма активного отношения субъекта к миру или самому себе, основным содержанием которой является разрушение существующих объектов и систем, остается разрушительным в любых условиях [3].
З.К. Давлетбаева (2011)	Деструктивное поведение есть асоциальное поведение, которое включает – собирательное – обобщающее понятие для агрессивного, аморального, делинквентного и криминального поведения [4].
Е.В. Ермасов (2011)	Деструктивное поведение как тип переживания стресса в условиях изоляции [5].
С.О. Ларионова (2013)	Деструктивное поведение понимается как негативная и неодобряемая система поступков или отдельные поступки, действия, жесты, слова, высказывания человека, не соответствующие или противоречащие официально установленным или фактически сложившимся в социуме и государстве нормам, правилам, принципам, представлениям и ролевым предназначениям, а именно ценностно-нормативной системе, на определенном этапе функционирования и развития общества как результат воздействия неблагоприятных факторов, обуславливающих нарушение процесса становления и социализации личности [7].

Обобщая данные категориально-понятийного анализа, можно сделать вывод, что деструктивное поведение является социально-психологическим явлением, которое характеризуется у всех авторов разрушительностью и негативным воздействием на окружающий мир и самого себя. В ряде работ деструктивное поведение выступает синонимом агрессивному поведению.

Выводы:

1. В результате использования библиометрического метода, была выявлена интенсивная положительная динамика исследовательского интереса к феномену деструктивного поведения.

2. В результате использования библиометрического метода, выявлено, что основное внимание в изучении деструктивного поведения сосредоточено на факторах его возникновения.

3. В результате использования библиометрического метода установлено, что проблема профилактики и коррекции деструктивного поведения по-прежнему является актуальной (24,6% исследований эмпирического характера, в сравнении с 75,4% исследований практического характера).

4. В результате категориально-понятийного анализа выявлено, что большинство авторов, обращаясь к пониманию содержания деструктивного поведения, дают собственное определение, что связано с отсутствием единой теоретико-методологической концепции. Отмечается отсутствие содержательной дифференциации терминов «агрессия» и «деструктивное поведение».

Литература

1. Бисалиев Р.В., Кубекова А.С., Хаджимурадов А.В. Агрессивное поведение в структуре соматических расстройств / Бисалиев, Р.В., Кубекова, А.С., Хаджимурадов, А.В. // Современные проблемы науки и образования. 2013. – № 5. – С. 619.

2. Богдан С.С. Экзистенциально-гуманистический подход к проблеме человеческой деструктивности. / С.С. Богдан // Система ценностей современного общества. – 2010. – № 16. – С. 42–46.

3. Гребенщикова Л.Г. К вопросу о соотношении понятий «деструктивное», «агрессивное» и «девиантное» поведение / Л.Г. Гребенщикова // Сборники конференций НИЦ Социосфера. – 2011. – № 19. – С. 61–67.

4. Давлетбаева З.К. Асоциальное поведение: понятийный аспект. / З.К. Давлетбаева // Актуальные проблемы гуманитарных и естественных наук. – 2011. – № 6. – С. 190–198.

5. Ермасов Е. Типология переживания стресса в условиях изоляции /Е.Ермасов// Социальное пространство развития личности. – 2011. – №1. – С.92–118.

6. Клейберг Ю.А. Типология деструктивного поведения /Ю.А.Клейберг // Вестник Краснодарского университета МВД России. – 2008. – №1. – С.130–135.

7. Кошкарлова Н.Н., Нестерцова С.Г. Индивидуализация обучения как средство контроля над речевой агрессией педагога / Н.Н. Кошкарлова, С.Г. Нестерцова // Система ценностей современного общества. – 2010. – №12. – С. 345–351.

8. Куликов В.Б., Злоказов К.В. Деструктивное поведение: теоретико-методологический аспект /В.Б. Куликов, К.В. Злоказов // Психопедагогика в правоохранительных органах. – 2006. – № 3. – С. 89–92.

9. Ларионова С.О. Девиантное поведение как научно-педагогическая проблема / С.О. Ларионова // *Фундаментальные исследования*. 2013. № 1–1. – С. 90–94.

10. Лысак И.В. *Философско-антропологический анализ деструктивной деятельности современного человека*. Ростов-на-Дону – Таганрог: Изд-во СКНЦ ВШ, Изд-во ТРТУ, 2004. – 160с.

11. Лысак И.В. *Человек – разрушитель: деструктивная деятельность человека как социокультурный феномен*. Таганрог: Изд-во ТРТУ, 1999. – 55с.

12. Майсак Н.В., Великанова, Л.П. Девиативные тенденции в профессиях: сравнительные аспекты / Н.В. Майсак, Л.П. Великанова // *Фундаментальные исследования*. – 2013. – № 10–4. С. 879–885.

13. Ниязбаева Н.Н. Экзистенциальные основания отчуждения личности в педагогическом взаимодействии / Н.Н.Ниязбаева // *Мир науки, культуры, образования*. – 2010. №5. – С.80–82

14. Никишина В.Б. Деструктивные семейные отношения как фактор возникновения нарушений психического развития у детей. / В.Б.Никишина // *Ярославский педагогический вестник*.- Ярославль,2003.- №3-4(№37). –С.101-105.

15. Цыренов В.Ц. Агрессивное поведение молодежи как социально-педагогическая проблема /В.Ц. Цыренов // *Вестник Бурятского университета*. Серия 7, Педагогика. – Улан-Удэ: БГУ, 2010. – вып.1. – С. 49–54.

16. [<http://elibrary.ru/defaultx.asp>]

1.2. Типология деструктивного поведения

Ю.А. Клейберг²

Типологию понимают как научный метод, в основе которого лежат модели или типы. Типологизация (построение моделей) имеет большое значение в стратегии научного поиска, потому что она обеспечивает возможность более дифференцированного и, вследствие этого, более адекватного описания объектов. Типологизация может носить как теоретический, так и эмпирический характер. Теоретическая типология отличается от эмпирической тем, что в последней «устойчивость свойств типа находится путем многократного перебора, тогда как в теоретической типологии критерии свойств выявляются путем логического анализа» (А.В. Ядов, 1979).

Разработка теоретических типов направлена на поиск существенных характеристик объектов и нахождение у них общих черт. Теоретические типологии должны иметь четкое эмпирическое соотнесение, в противном случае они будут нейтрализованы из-за трудности эмпирической верификации (истинности, чистоты исследования) и операционализации (преобразования) понятий, характеризующих ту или иную типологию.

Деструктивность человека и его склонность к деструктивному поведению существенно детерминируется особенностями его индивидуального опытного

² Вестник Краснодарского университета МВД России. – 2008. – №1. – С. 130–135.

развития и непосредственным социальным окружением. Хотя деструктивность нередко воспринималась и воспринимается сейчас как врожденное свойство каждого человека, сформированное миллионами лет эволюции в условиях острой борьбы за существование. Между тем опыт развития философии, социологии, биологии, психологии, нейропсихологии и психофизиологии в XIX–XX столетиях привел к накоплению фактов, позволяющих аргументировать вопрос не о врожденной, а социально-исторической природе деструктивности поведения людей, формируемой в процессе социализации личности в условиях исторически противоречивого социума. Основой данного подхода понимания природы деструктивного поведения человека, безусловно, является культурно-историческая психология Л.С. Выготского [1]. Он четко отграничил друг от друга биологическое созревание и культурное развитие каждой личности. Первое – это врожденная почва формирования личности, которую, безусловно, нельзя не учитывать. Второе – это формируемое и развиваемое в процессе социализации содержание личностного развития, являющегося плодом интериоризации реальных отношений в окружающем каждого человека социуме. Ведущие отечественные психологи – С.Л. Рубинштейн [2], А.Н. Леонтьев [3], В.Н. Мясищев [4] – и их последователи по-своему, но едино развили взгляд, согласно которому особенности личности каждого человека в первую очередь определяются внешними условиями.

Этими условиями являются реальные модели поведения и отношений родителей, воспитателей, более широкого референтного окружения, а также общественные отношения в целом. Позиция культурно-исторической психологии была полностью подтверждена данными нейропсихологии (прежде всего учением А.Р. Лурии) о формировании и переструктурировании в процессе социализации личности сложных динамических церебральных систем – основы целенаправленной деятельности и поведения человека [5].

Подходы культурно-исторической психологии и отечественной нейропсихологии находятся в полном соответствии с новейшими данными этнологами XX в., изучающих не только социально-экономические, но также психологические аспекты жизни первобытных племен. Эти данные обобщены Э. Фроммом, который поставил психологов и социологов мира перед фактом существования недеструктивных племен (в его классификации – «группа племен А»), не знающих (до столкновения с «цивилизацией») института войны, внутриплеменных раздоров, обладающих при относительной скудности жизненных средств высоким уровнем общественной направленности и взаимной доброжелательности. Все эти факты, согласно выводу самого Э. Фромма, показывают: «деструктивность не является ни врожденным элементом, ни структурным компонентом всякой “человеческой природы”» [6].

Врожденные свойства эволюционно изменяются в масштабе сотен тысяч и даже миллионов лет, в человеческом же обществе коренные изменения характера общественных отношений происходят в масштабе тысячелетий, столетий, а порой и десятков и даже единиц лет.

Таким образом, в социологии оказывается несостоятельной опора на социал-дарвинизм, биологизирующий деструктивное поведение людей и уподобляющий исторически сменяемые, подчас остро негативные, общественные закономерности однобоко понимаемым и неправомерно абсолютизируемым в общественной жизни принципам борьбы за существование. Однако социально-историческое развитие, в котором деструктивное поведение людей – самого общественного вида животных (!), а также общественных групп и классов оказалось детерминированным исключительно социально-экономическими закономерностями, поляризующими общество.

Существуют различные теории, раскрывающие механизмы формирования индивидуальной склонности к деструктивному поведению.

В соответствии с одной из них данная тенденция формируется под влиянием деструктивной субкультуры посредством усвоения определенных взглядов, образа жизни и стиля поведения.

Другая теория определяет деструктивную направленность как реакцию на длительные лишения.

Третья гипотеза вытекает из теории Э. Эриксона и рассматривает деструктивные группы как результат негативной идентичности ее участников. Наконец, существует точка зрения, в соответствии с которой обращение к террору, в частности, связано с ранней нарциссической травмой. В последнем случае ярость и насилие становятся индивидуальным способом защиты от ощущения беспомощности [7].

Э. Фромм в своей книге «Бегство от свободы» ставит главную экзистенциальную дилемму – индивидуальная свобода или отказ от нее. Свобода привлекательна, но опасна, поскольку требует высокой степени ответственности и грозит одиночеством. Фромм анализирует несколько механизмов «бегства от свободы», «избавления», возникающие из неуверенности индивида, с помощью которых современный человек преодолевает свое противостояние миру, чувство одиночества и бессилия.

Первый механизм Э. Фромм обозначил как «авторитаризм», «авторитарный характер». Авторитарная личность стремится восстановить утраченное единство с миром через отказ от собственного «Я» и выстраивание отношений господства – подчинения. Или, по Фромму, «мазохистских и садистских традициях, существующих в той или иной степени и у невротиков, и у здоровых людей» [8].

Фромм назвал общую цель садизма и мазохизма – симбиоз, который в психологическом смысле является союзом личности с другой личностью (или иной внешней силой), где каждая сторона теряет целостность структуры своего «Я» [8].

А. Адлер не рассматривает мазохизм и садизм, как его понимает З. Фрейд, а как «чувство неполноценности» и «стремление к власти». Адлер видит лишь рациональную сторону этих явлений [8].

Второй механизм – деструктивность. Она направлена на разрушение собственного отчуждения, на превращение всего живого в мертвое и простое. Однако «уровень разрушительности в индивиде пропорционален той степени, до какой ограничена его экспансивность» И далее «чем больше проявляется стремление к жизни, чем полнее жизнь реализуется, тем слабее разрушительные тенденции; чем больше стремление к жизни подавляется, тем сильнее тяга к разрушению» [8]. Фромм определил деструктивность как «результат непрожитой жизни», подчеркивая ее социально-психологическое, а не биологическое происхождение.

Третий механизм бегства Фромм назвал «автоматизирующим конформизмом» и признал его характерным для большинства нормальных индивидов в современном обществе. При этом человек утрачивает индивидуальность и полностью усваивает тип личности, навязанный ему общепринятым шаблоном. В итоге стираются различия между «Я» и остальным миром, формируется невротическое «Я», в котором «личность» теряется и превращается в «псевдоличность».

Поэтому эта потеря собственного «Я» «вынуждает приспособливаться дальше, добывать себе «Я» из непрерывного признания и одобрения других людей» [8].

Безусловно, утрата своего «Я» вызывает глубокие сомнения в собственной личности и тем самым усиливает потребность в приспособлении. Э. Фромм настаивает на том, что такая потеря собственной сущности «превращает конформизацию в императив: человек может быть уверен в себе лишь в том случае, если живет в соответствии с ожиданиями других. Если мы живем не по общепринятому сценарию, то рискуем не только вызвать неодобрение и возросшую изоляцию, но и потерять уверенность в своей сущности, что угрожает психическому здоровью» [8].

Во всех трех случаях человек становится рабом кого-либо или чего-либо из-за отказа от своей индивидуальной свободы. Механизмы бегства противостоят позитивной свободе – подлинной связи с миром. Но позитивная свобода «состоит в спонтанной активности всей целостной личности человека», в свободной, творческой деятельности личности, «ибо личность сильна постольку, поскольку она деятельна» [8]. Человек может стать творческим и продуктивным, жить в гармонии и любви с другими людьми, делиться с ними плодами своего труда, развивать самоуважение. В этом случае он выступает в качестве индивидуально действующего человека, уважающего себя и самого себя реализующего, способствующего возникновению более прогрессивного общества.

В современном обществе, по мнению Фромма, отношения между людьми характеризуются конкуренцией, эксплуатацией, паразитизмом и враждебностью [9].

В рамках анализа деструктивности Э. Фромм выделял два различных вида агрессии: *оборонительная или доброкачественная агрессия*, по его мнению «это филогенетически заложенный импульс к атаке или бегству в

ситуации, когда возникает угроза жизни», такая агрессия служит самосохранению и выживанию вида; *злокачественная агрессия* – «это деструктивность и жестокость, которые свойственны только человеку... они не имеют филогенетической программы, не служат биологическому приспособлению и не имеют никакой цели» [9].

Злокачественная агрессия, в свою очередь, проявляется в двух основных видах:

а) садизм, или страстное влечение к неограниченной власти над другим существом;

б) некрофилия, или страсть к разрушению жизни, привязанность ко всему мертвому, неживому, механическому.

Деструктивность и жестокость, по Фромму, скрываются не в инстинктах и влечениях человека, а в его характере. Фромм называет их влечениями характера или страстями. Он приходит к парадоксальному выводу – деструктивность не характерна ни для животных, ни для примитивных народов, она является следствием культурного и технического развития человечества.

Что же влияет на усиление деструктивности людей? Среди причин, рассматриваемых Фроммом, следующие: отчуждение человека от природных корней, рост городов и скученность проживания, повсеместное вытеснение человека машинами, мужское господство и эксплуатация мужчинами женщин, власть символов, несправедливость социальной жизни, вера и страх перед авторитетом.

Э. Фромм указывает, что деструктивность возникает как результат противоречия между социальными условиями и экзистенциальными потребностями людей. Страсть к разрушению и садизм являются одним из способов компенсации фрустрированных экзистенциальных потребностей.

Страсть человека к разрушению научно описал еще З. Фрейд: наряду с либидо она является одним из двигателей развития общества. Фрейдовская теория рассматривает агрессивность как деструктивную силу, которая подавляется с помощью Супер-Эго [10].

Г. Паренс (Parrens, 1979, 1997) разделяет два вида агрессии:

1. Недеструктивная агрессия – настойчивое невраждебное самозащитное поведение, направленное на достижение цели. Это врожденный механизм, служащий для адаптации в среде, удовлетворения желаний, достижения целей развития познания и способности положиться на себя. Он начинает работать с момента рождения и побуждает человека к конкуренции в окружающем мире, защите своих прав.

2. Враждебная деструктивность – злобное поведение, неприятие, ненависть, ярость, мстительность. Это тоже разновидность самозащиты, которая активизируется в результате сильных неприятных переживаний (боль, дистресс). Сюда же относится желание причинить боль и удовольствие, получаемое от этого (садизм) [11].

Х. Хекхаузен (1986) считает, что культура задает норму, определяет тип и частоту деструктивных форм поведения. А. Эллис выделяет здоровую и

нездоровую агрессию. Первая, с его точки зрения, предполагает стремление человека к сохранению жизни, к счастью, к успешной адаптации в социальной группе, к установлению близких отношений с окружающими. В основе второй формы агрессии лежит тенденция к блокированию или разрушению стремления к этим основным человеческим целям [12].

Ц.П. Короленко и Т.А. Донских (1990) делят все расстройства поведения на две большие группы: нестандартное и деструктивное [13]. Нестандартное поведение, по мнению авторов концепции, может иметь форму нового мышления, новых идей, а также действий, выходящих за рамки социальных стереотипов поведения. Подобная форма предлагает активность хотя и выходящую за рамки принятых норм в конкретных исторических условиях, но играющую позитивную роль в прогрессивном развитии общества. Авторы специально подчеркивают, что данные виды поведения не соответствуют критериям «девиантности» и не могут быть признаны отклоняющимся поведением в подлинном смысле этого понятия.

Деструктивное поведение классифицируется в зависимости от его целей. В одном случае это внешнедеструктивные цели, направленные на нарушение социальных норм, и, соответственно, внешнедеструктивное поведение (аддиктивное и антисоциальное поведение). Во втором – внутридеструктивные цели, направленные на дезинтеграцию непосредственно личностной организации, ее регресс, и, соответственно, внутридеструктивное поведение (суицидальное, конформистское, нарциссическое, фанатическое и аутистическое поведение). Отклоняющееся поведение рассматривается как деструктивное по своей сути, т.е. причиняющее вред человеку и обществу, разрушающее их.

Все перечисленные формы деструктивного поведения, как считают Ц.П. Короленко и Т.А. Донских, отвечают основным критериям девиантности, поскольку они сопровождаются ухудшением качества жизни, снижением критичности к своему поведению, когнитивными искажениями (восприятия и понимания происходящего), снижением самооценки и эмоциональными нарушениями. Наконец, они с большей вероятностью приводят к состоянию социальной дезадаптации личности вплоть до полной ее изоляции.

Таким образом, по нашему мнению, деструктивное поведение является специфическим видом девиантного поведения и имеет ряд схожих черт и феноменологических характеристик.

В рамках общей теории девиантности (Я.И. Гилинский, Ю.А. Клейберг, Е.В. Змановская, А.Ю. Егоров, В.Д. Менделевич, И.А. Фурманов и др.) можно осуществить классификацию типов деструктивного поведения на основе следующих критериев:

- 1) тип нарушаемой социальной нормы;
- 2) направленность деструкции;
- 3) характер и степень деструкции и деструктивного поведения в целом (причиняемого или причиненного ущерба).

Деструктивное поведение, по моему мнению, – это поведение нарушающее, разрушающее или приводящее к распаду любой социальной связи. На личностном и групповом уровнях результатом деструктивного поведения является социальная дезадаптация (т.е. нарушенная, искаженная адаптация).

Вероятно, проблема определения социальных и психологических критериев типологизации деструктивного поведения может быть рассмотрена с позиций общепсихологических характеристик личности в системе ее отношений. Важным интегрирующим признаком здесь выступает статус личности в структуре ее неформальных связей и зависимостей. В качестве критерия типологизации он позволяет с достаточной степенью надежности определить как минимум две страты, характеризующих статус личности, ее «встроенность» в социум, степень соответствия личности направленности социальным ожиданиям и требованиям.

Использование данных критериев позволяет с достаточной степенью объективности осуществить типологизацию деструктивного поведения с использованием шкалы «адаптация – дезадаптация».

Исходя из нашего определения и проведенного анализа опубликованной научной литературы можно говорить, как нам думается, о двух типах деструктивного поведения: доброкачественно-адаптивном и деструктивно-дезадаптивном. На этом основании мы можем выделить три группы деструктивного поведения:

1. *Внешнедеструктивное* (антисоциальное) поведение, противоречащее нравственным и правовым нормам, нарушая и разрушая их, поведение, угрожающее социальному порядку и благополучию окружающих людей (алкоголизм, проституция, наркомания, аддикции, а также любые действия или бездействия, запрещенные законодательством);

2. *Косвенно-деструктивное* (асоциальное) поведение, нарушающее и разрушающее морально-нравственные нормы и межличностные связи и отношения (агрессия, насилие, открытое хамство, конфликт, бродяжничество и пр.);

3. *Аутодеструктивное* (диссоциальное) поведение, нарушающее и разрушающее медицинские и психологические нормы, угрожающее целостности и развитию самой личности и, как итог, – приводящее к ее распаду (суицид, злоупотребление психоактивными веществами, пищевые аддикции, конформизм, нарциссизм, фанатизм, аутизм) (Рис.1).

В структурированном виде деструктивность проявляется в виде деструктивного поведения и деструктивных действий. Деструктивные действия выступают в качестве:

1. Средства достижения какой-либо значимой цели.
2. Способа психологической разрядки.
3. Способа удовлетворения потребностей в самореализации и самоутверждении (если не принимают аутодеструктивные формы).

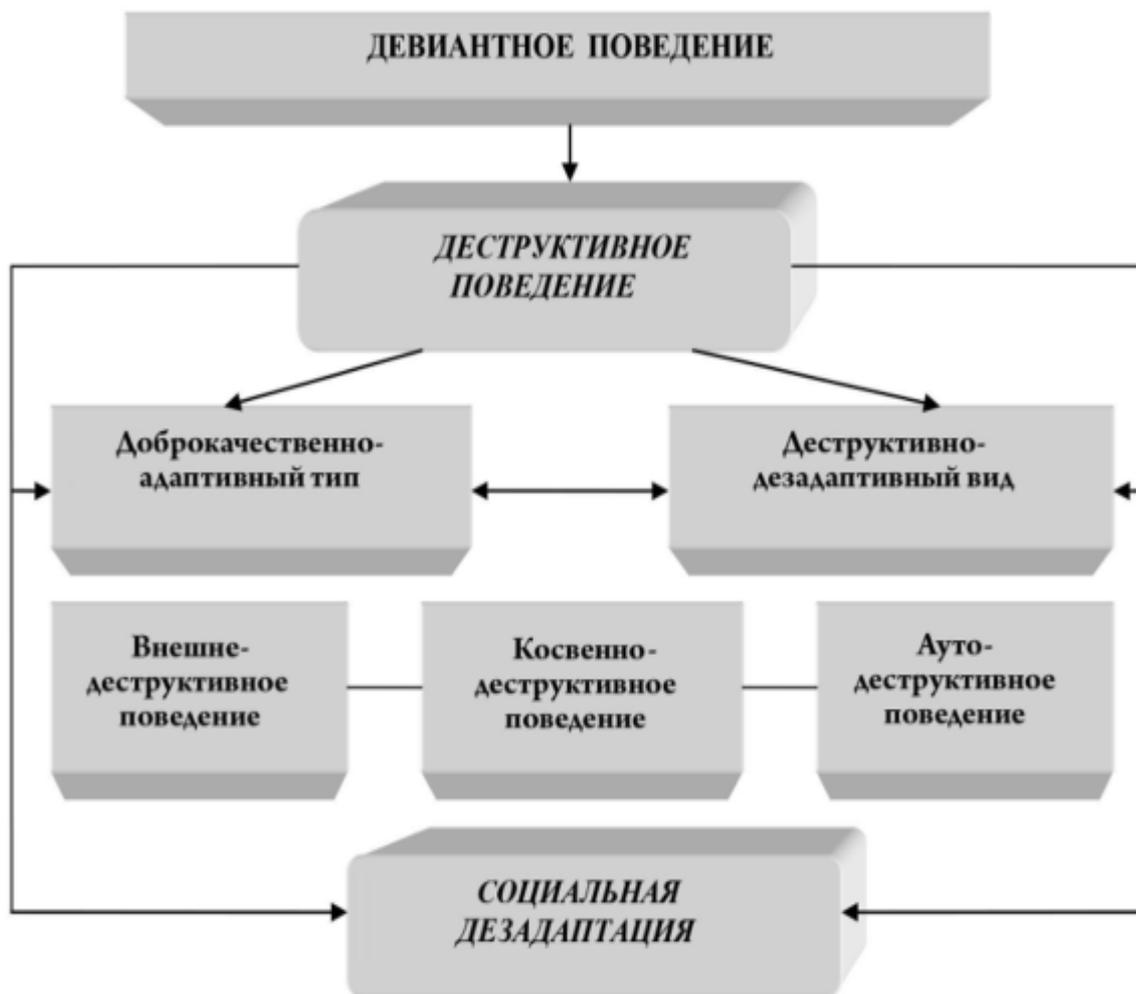

Рис.1. Типология деструктивного поведения

Деструктивное поведение, как нам представляется, складывается из трех компонентов: познавательного, эмоционального и волевого.

Познавательный компонент включает в себе понимание ситуации, выделение объекта и обоснование мотива для проявления поведения.

Эмоциональный компонент представляет собой легкое возникновение отрицательных эмоций (гнева, отвращения, презрения, злости).

Наконец, *волевой* компонент – это целеустремленность, настойчивость, решительность и инициативность (качества сами по себе положительные).

Степень выраженности компонентов в этой триаде может варьироваться. Все они связаны с физиологическими свойствами личности – темпераментом, интроверсией и экстраверсией и др.

Среди социально-психологических особенностей, провоцирующих деструктивное поведение, обычно выделяют следующие:

- а) недостаточное развитие интеллекта;
- б) сниженная самооценка;
- в) низкий уровень самоконтроля;
- г) неразвитость коммуникативных навыков;

д) повышенная возбудимость нервной системы вследствие различных причин (болезни, травмы и пр.).

Таким образом, деструктивность поведения и отношений людей как социально-психологическое явление, разрушающее сотрудничество и отталкивающее их друг от друга, – не врожденное видовое качество, а исторически временное следствие противоречивости развивающихся общественных отношений, причем противоречащее биологическое природе человека как самого общественного животного на Земле. Для человека оно противоестественно. Источник устранения деструктивности поведения и, шире, отношений – нравственное здоровье интерперсональных, групповых и общественных микро- и макросоциумов, которое создается исключительно нравственной активностью людей каждого поколения.

Литература

1. Выготский Л.С. История развития высших психических функций // Выготский Л.С. Собр. соч. – М., 1983. – Т. 3.
2. Рубинштейн С.Л. Принципы и пути развития психологии // Рубинштейн С.Л. Избр. философско-психологические труды. Основы онтологии, логики и психологии. – М., 1997.
3. Леонтьев А.Н. Проблемы развития психики. – М., 1980.
4. Мясищев В.Н. Социальная психология и психология отношений // Мясищев В.Н. Психология отношений: Избр. психол. тр. – М.-Воронеж, 1995.
5. Лурия А.Р. Высшие корковые функции человека и их нарушения при локальных поражениях мозга. – М., 1969.
6. Фромм Э. Анатомия человеческой деструктивности / Пер. с англ. – М., 1994.
7. Змановская Е.В. Основы прикладного психоанализа. – СПб., 2005.
8. Фромм Э. Бегство от свободы / Пер. с англ. – М., 2007.
9. Фромм Э. Анатомия человеческой деструктивности / Пер. с англ. – М., 1994.
10. Фрейд З. Введение в психоанализ. – М., 1989.
11. Бреслав Г.Э. Психологическая коррекция детской и подростковой агрессивности. – СПб., 2007.
12. Фурманов И.А. Агрессия и насилие: диагностика, профилактика и коррекция. – СПб., 2007.
13. Короленко Ц.П., Донских Т.А. Семь путей к катастрофе. – Новосибирск, 1990.

1.3. Обзор теоретических аспектов деструктивного поведения личности *М.Н.Кузнецова*³

В условиях сегодняшнего экономического кризиса отмечается высокий темп жизни человека: люди вынуждены больше работать и подрабатывать, все меньше уделяя времени на культурный отдых. Стрессовая обстановка влечет за собой неуверенность в завтрашнем дне и страх остаться без средств к существованию. Подобные переживания находят свое отражение в поведении человека, которые выражаются в деструктивных действиях – убийства, наркомания, немотивированная агрессия, суицид. На сегодняшний день в обществе наблюдается рост подобных деструктивных действий среди населения. Современная ситуация в стране выражает значимость и актуальность исследования проблемы деструктивного поведения человека. Целью исследования явилось изучение теоретических аспектов деструктивного поведения личности, при помощи аналитического обзора специальной литературы.

РЕЗУЛЬТАТЫ И ИХ ОБСУЖДЕНИЕ. Обзор литературы по проблеме деструктивного поведения человека показал, что существует недостаточное количество определений деструктивности и деструктивного поведения. Этимологически слово «деструкция» с латинского *destructio* означает «нарушение» или «разрушение». В «Большом энциклопедическом словаре» деструкция понимается как нарушение, разрушение нормальной структуры чего-либо. В «Новейшем словаре иностранных слов и выражений» данное понятие трактуется как разрушение, нарушение правильного, нормального строения чего-либо, а деструктивность – это разрушительность; стремление к порче; неплодотворность.

С точки зрения Ц.П. Короленко [2] деструктивное поведение – это отклоняющееся поведение, наносящее ущерб, как человеку, так и обществу в целом. Ю.А. Клейберг [1] считает, что «деструктивное поведение – это поведение нарушающее, разрушающее или приводящее к распаду любой социальной связи». В.Б. Куликов и К.В. Злоказов [3] рассматривают деструктивность как вид активности, в процессе которой человек изменяет социальные объекты при помощи нарушения или разрушения.

В ходе анализа литературы можно сделать вывод о том, что исследования деструктивности делятся на две группы. К первой группе относятся работы учёных, которые считали, что деструктивность – это врожденное свойство, рассматривали биологические факторы деструктивного поведения (А. Бланк, К. Лоренц, Ф. Гальтон, Ч. Ломброзо, У. Шелдон, Р. Кречмер). Ко второй группе относятся труды исследователей, которые считали, что деструктивное поведение человека формируется в процессе социализации личности под влиянием социокультурных факторов (Э. Фромм, Э. Дюркгейм, Р. Мертон,

³ Ученые записки университета имени П.Ф. Лесгафта. – 2018. – № 2 (156). – С.340–343.

П. Уорсли, Т. Парсон, Л.С. Выготский, С.Л. Рубинштейн, А.Н. Леонтьев, В.Н. Мясищев) [1, 4].

Впервые социокультурный аспект деструктивного поведения исследуют зарубежные учёные, именно труды Э.Дюркгейма (1897) являются начальными разработками данного аспекта. Далее его идеи продолжили Т. Парсон (социальные нормы и контроль), Р. Мертон (несогласованность между культурными целями), П. Уорсли (абсолютные и культурные нормы и отклонения), Н.Дж. Смелзер (социальные детерминанты коллективных девиаций). Г. Паренс (1997) рассматривал деструктивность как агрессию, он выделяет два вида агрессии – недеструктивная агрессия (врожденный механизм как самозащитное поведение, служит для адаптации в среде) и враждебная деструктивность (злостное поведение, ярость, жестокость). По мнению Х. Хеккаузена (1986) именно культура определяет норму, тип и частоту проявлений деструктивного поведения у человека [1, 4].

Социологические формы деструктивного поведения исследуются в XX веке с конца 60-х годов. Отечественные учёные (В.П. Стрельцова, Ю.В. Столбун, К.О. Чедия, 2002) [5, 6] считают, что на личность человека оказывают влияния внешние условия, в частности, большую роль играют модели поведения и отношений родителей, учителей, сверстников и в целом окружения.

Ц.П. Короленко и Т.А. Донских (1990) [2] выделяют две группы расстройств поведения человека – нестандартное (идеи, мысли, действия, которые выходят за рамки стереотипов, принятых в обществе) и деструктивное (нарушение социальных норм и самой личности). В зависимости от цели выделяют две группы деструктивного поведения. К первой группе авторы относят поведения с внешнедеструктивными целями – это аддиктивное и антисоциальное поведение. Ко второй группе относятся поведения, имеющие внутридеструктивные цели – конформистское, суицидное, аутическое, нарциссическое, фанатическое поведение.

Ю.А. Клейберг (2008) [1] предлагает классификацию типов деструктивного поведения: по типу нарушаемой социальной нормы (доброкачественно-адаптивный тип; деструктивно-дезадаптивный тип), по направленности деструкции (внешнедеструктивное; косвенно-деструктивное; аутодеструктивное).

И.В. Лысак (2004) [4] выделяет цели внешнедеструктивного поведения человека: разрушение предметов, разрушение общественных отношений и уничтожение человека. Таким образом, можно сделать вывод о том, что отечественные и зарубежные ученые рассматривали взаимосвязь деструктивности и деструктивного поведения с такими компонентами, как – агрессия, девиантное поведение, творчество, активность личности (результаты представлены в таблице 1).

Анализ взаимосвязи деструктивного поведения
с различными компонентами

<i>Компонент</i>	<i>автор</i>	<i>Суть теории</i>
Агрессия	Э. Фромм	Деструктивность, как разновидность агрессии – доброкачественная агрессия (псевдоагрессия, игровая, оборонительная) и злокачественная агрессия (деструктивность).
	Х. Томэ, Х. Кэхеле	Рассматривали деструктивность в контексте с агрессией, считали агрессию неотъемлемой частью деструкций.
	Ю.М. Антонян	Три компонента агрессии – конструктивный, деструктивный, дефицитарный.
	Г. Паренс	Два вида агрессии – недеструктивная агрессия и враждебная деструктивность.
Девиантное поведение	Ц.П. Короленко, Т.А. Донских	Две группы поведенческих девиаций: нестандартное и деструктивное поведение.
	О.С. Осипова.	Две направленности девиантного поведения – созидательная и деструктивная направленность
	Ю.А. Клейберг	Деструктивность как вид девиантного поведения.
	В.Н. Дружинин	Два вида преобразования: творческое поведение и разрушающее.
	Е.В Змановская	Выделяет группы отклоняющегося поведения: антисоциальное (делинквентное) поведение, асоциальное (аморальное) поведение, аутодеструктивное (саморазрушительное).
Творчество	Б. Карлоф	В творчестве присутствуют деструкции. Два вида поведения – адаптивное и креативное («созидательное разрушение»).
	Ю. Козелецкий	Два вида трансгрессии (стремление к преодолению своих достижений): конструктивная и деструктивная.
Активность личности	В. Райх	Деструкция как функция живого на службе у влечения.
	В.Б. Куликов К.В. Злоказов	Деструктивное поведение как вид активности человека, который путем разрушения изменяет социальные объекты.

Литература

1. Клейберг Ю.А. Типология деструктивного поведения / Ю.А. Клейберг // Вестник Краснодарского университета МВД России. – 2008. – № 1. – С. 130–135.
2. Короленко Ц.П. Семь путей к катастрофе / Ц.П. Короленко, Т.А. Донских. – Новосибирск: Наука, 1990. – 222 с.
3. Куликов В.Б. Деструктивное поведение: теоретико-методологический аспект / В.Б. Куликов, К.В. Злоказов // Психопедагогика в правоохранительных органах. – 2006. – № 3 (27). – С. 89–92.
4. Лысак И.В. Философско-антропологический анализ деструктивной деятельности современного человека / И.В. Лысак; Таганрогский радиотехнич. ун-т. – Ростов-на-Дону, Таганрог, 2004. – 160 с.
5. Столбун Ю.В. Некоторые причины деструктивности и возможности ее преодоления // Деструктивность человека: истоки и перспективы в детстве: Материалы III регион. науч.-практ. конф. – Ижевск, 2004. – С. 60–63.
6. Чедия К.О. К вопросу о природе деструктивного поведения // Деструктивность человека: истоки и перспективы в детстве: Материалы III регион. науч.-практ. конф. – Ижевск, 2004. – С. 39–50.

1.4. Социально-деструктивное поведение в современной России *С.П. Елианский, Д.В. Семенов⁴*

К сожалению, многим в нашем обществе приходилось сталкиваться с различными формами социально-деструктивного (разрушительного) поведения, часто немотивированного. Явления физического и психологического насилия настолько распространены, что часто воспринимаются как обычные. Причем с этими явлениями человек может столкнуться где угодно. Это может быть моббинг (травля) на работе, троллинг в Интернете (например, в социальных сетях), агрессия на улице, в транспорте или в каком-то еще общественном месте и т.п. При этом в обществе определенно существует некоторое довольно значительное по размеру множество людей, которых можно обозначить как источники или носители социальной деструкции в самых разных ее формах. С точки зрения психиатрии это часто люди с признаками различных психических отклонений, в частности, таких как диссоциальное расстройство личности (также известное как антисоциальное расстройство личности, социопатия; антисоциальная психопатия и др.), эмоционально-неустойчивое расстройство личности (если рассматривать это расстройство в плоскости психопатий, то сюда относятся эмоционально-лабильный тип психопатии, взрывчатая, аффективная, импульсивная, возбудимая, эпилептоидная психопатии), некоторые формы шизофрении и ряд других. Также носителями социально-деструктивного поведения часто являются наркоманы и алкоголики. Однако в силу несовершенства системы психиатрической и наркологической помощи в нашей стране, такие люди порой никак и никогда не попадают в сферу

⁴ Гуманитарные научные исследования. – 2015. – № 2. – [Электронный ресурс]. URL: <http://human.snauka.ru/2015/02/9457> (дата обращения: 21.04.2019).

внимания этой системы и проживают свои жизни, часто ежедневно нанося вред и страдания окружающим. При этом для таких людей характерно стремление к власти, они стремятся стать начальниками на работе, различными чиновниками, часто идут на службу в правоохранительные органы и охранные структуры, им нравится быть медицинскими работниками и учителями, поскольку это также дает им власть над пациентами или учащимися.

В психологии явления социальной деструкции отчасти изучены в рамках исследований девиантного и делинквентного поведения. Однако в целом, несмотря на очевидную массовость явлений и проявлений социально-деструктивного поведения в нашем обществе, эта проблема остается малоизученной и неисследованной. Поэтому с целью оценки социальной значимости и вредоносности социально-деструктивного поведения в нашем обществе была разработана оригинальная анкета и проведено анкетирование жителей г. Москвы. Результаты опроса представлены в данной работе.

Анкета включала вопросы и утверждения, с которыми надо было согласиться или нет. Всего было опрошено 47 человек. 35 женщин (74,47% выборки) и 12 мужчин (25,53%). Большинство респондентов были студентами вечернего и заочного отделений Института психологии, педагогики и управления человеческими ресурсами МГГУ им. М.А. Шолохова, а также преподавателями данного вуза. Возраст респондентов варьировал от 18 до 53 лет...

Результаты опроса показали, что подавляющее большинство респондентов так или иначе сталкивались в своей жизни с немотивированной агрессией, более половины сталкивались с ней несколько раз, а почти четверть опрошенных – многократно...

Случаи оскорблений или унижений в нашем обществе фактически носят массовый характер, с этим сталкивалось подавляющее большинство опрошенных. Причем хамство и попытки унижения исходят от всех представленных в анкете категорий лиц...

По вопросу «Считаете ли Вы, что в нашем обществе мы сталкиваемся с проявлениями социально опасного (деструктивного) поведения?» подавляющее большинство респондентов согласно, что в нашем обществе мы довольно часто сталкиваемся с проявлениями социальной деструкции...

По вопросу «Действующая в нашей стране правоохранительная система создает благоприятную почву для безнаказанного агрессивного поведения, различных форм хамства, унижения человека человеком и т.п.» большинство респондентов согласно или «отчасти согласно» с утверждением, что действующая в нашей стране правоохранительная система создает благоприятную почву для безнаказанного агрессивного поведения, различных форм хамства, унижения человека человеком и т.п. Этот результат дает основания предположить, что большинство людей в нашей стране не чувствуют себя в безопасности и не надеются на защиту со стороны тех государственных структур, которые должны им эту безопасность гарантировать и обеспечивать...

По вопросу «Я думаю, что в нашем обществе очень большое число социально опасных людей» значительная часть респондентов сталкивалась на работе с явлениями социальной деструкции...

Можно предположить, что наличие в трудовом коллективе лиц, склонных к социально-деструктивному поведению, не только создает психологический дискомфорт членам этого коллектива, но и отрицательно влияет на производительность труда и вообще на трудовую эффективность данного коллектива. Вместо того чтобы работать, люди вынуждены участвовать в конфликтах, выяснениях отношений, противостоять хамству и т.п. Порождаемый носителями социальной деструкции у тех, кому приходится с ними совместно трудиться, стресс часто является серьезным препятствием для осуществления нормальной эффективной трудовой деятельности...

Анализ гендерных различий (критерий Манна-Уитни, $p < 0,05$) обнаружил значимые различия для трех показателей. Это частота, с которой респондент сталкивался с немотивированной агрессией со стороны незнакомого человека (людей) в общественных местах (на улице, в магазинах и т.п.), частота попыток как-то унижить или оскорбить респондента со стороны работников правоохранительных органов и согласие респондента с тем, что социально-деструктивное (разрушительное) поведение это «следствие того, что само общество крайне несовершенно». При этом мужчины чаще (чем женщины) сталкивались с немотивированной агрессией со стороны незнакомого человека (людей) в общественных местах (на улице, в магазинах и т.п.); мужчины чаще могут вспомнить попытки как-то унижить или оскорбить их со стороны работников правоохранительных органов; и также мужчины чаще считают, что социально-деструктивное (разрушительное) поведение это следствие того, что само общество крайне несовершенно.

Анализ корреляций (метод Спирмена, $p < 0,05$) между возрастом респондентов и уровнями исследовавшихся показателей обнаружил, что чем старше респондент, тем чаще он сталкивался с агрессией со стороны работников правоохранительных органов, а также что старшие респонденты чаще считают, что в нашем обществе мы сталкиваемся с проявлениями социально опасного (деструктивного) поведения ...

Полученные результаты опроса позволяют сделать следующие выводы.

Явления социально-деструктивного поведения носят в нашем обществе фактически массовый и зачастую повседневный характер, представляя реальную угрозу подавляющему большинству популяции. Эти явления также определенно создают значительный психологический дискомфорт в обществе, могут выступать причиной негативных типов стресса, невротических расстройств и психосоматических заболеваний.

Социальная значимость и вредоносность социально-деструктивного поведения в нашем обществе может быть обозначена как чрезвычайно высокая. Жертвой социально-деструктивного поведения в той или иной форме в нашей стране может стать практически любой человек.

Проявления социальной деструкции затрагивают все сферы человеческого существования, с ними можно столкнуться и в общественных местах, и на работе, и в семье. Распространенность явлений социальной деструкции настолько высока, что часто эти факты воспринимаются людьми как нормативные, «нормальные», не ассоциируются у них с психической патологией.

Идеи о причинах социально-деструктивного поведения в популяции различны, однако доминирует мнение о том, что такое поведение может быть следствием плохого воспитания.

Устранение проявлений социально-деструктивного поведения и профилактика такого поведения определенно является насущной задачей общества и государства (которое пока, к сожалению, практически ничего в этом отношении не делает, а многие обладатели власти порой сами склонны к такому поведению).

1.5. Аддиктивное поведение: факторы риска и условия формирования *М.С. Симонов, Д.Л. Симонова⁵*

Для определения аддиктивного поведения требуется рассмотреть такие термины, как поведенческая норма, поведенческая патология и девиантное поведение.

Отсутствие зависимости предполагает, что индивид соответствует понятиям поведенческой нормы. Норма же (по мнению К.К. Платонова) – это явление группового сознания в виде разделяемых группой представлений и наиболее частных суждений членов группы о требованиях к поведению с учетом их социальных ролей, создающих оптимальные условия бытия, с которыми эти нормы взаимодействуют и, отражая, формируют его.

Поведенческая патология (по П.Б. Ганнушкину) подразумевает наличие в поведении человека таких признаков, как склонность к дезадаптации, тотальность, стабильность. Под склонностью к дезадаптации понимается существование шаблонов поведения, не способствующих полноценной адаптации человека в обществе, в виде конфликтности, неудовлетворенности, противостояния или противоборства реальности, социально-психологической изоляции. Признак тотальности указывает на то, что патологические поведенческие стереотипы способствуют дезадаптации в большинстве ситуаций, в которых оказывается человек, т. е. они проявляются «везде». Стабильность отражает длительность проявления дезадаптивных качеств.

Поведенческая патология может быть обусловлена психопатологическими факторами, а также базироваться на патологии характера, сформированной в процессе социализации.

Девиантным поведением человека можно обозначить систему поступков или отдельные поступки, противоречащие принятым в обществе

⁵ Вестник ТГУ, т.16, вып.1, 2011. – С. 300–303.

нормам и проявляющиеся в виде несбалансированности психических процессов, неадаптивности, нарушении процесса самоактуализации или в виде уклонения от нравственного и эстетического контроля над собственным поведением (В.Д. Менделевич, 2003).

Аддиктивное поведение (от англ. addiction – пагубная, порочная склонность) – одна из форм деструктивного, девиантного, поведения, которая выражается в стремлении к уходу от реальности посредством изменения своего психического состояния (Большой психологический словарь, 2003).

Наличие аддиктивного поведения указывает на нарушенную адаптацию к изменившимся условиям микро- и макросреды. Аддиктивное поведение, по определению Короленко и Сигала (1991), характеризуется стремлением к уходу от реальности посредством изменения своего психического состояния.

Определение аддиктивного поведения относится ко всем его многочисленным формам. Уход от реальности путем изменения психического состояния может происходить при использовании разных способов. В жизни каждого человека бывают моменты, связанные с необходимостью изменения своего психического состояния, не устраивающего его в данный момент. Для реализации этой цели человек «вырабатывает» индивидуальные подходы, становящиеся привычками, стереотипами.

Проблема аддикций начинается тогда, когда стремление ухода от реальности, связанное с изменением психического состояния, начинает доминировать в сознании, становясь центральной идеей, вторгающейся в жизнь, приводя к отрыву от реальности. Происходит процесс, во время которого человек не только не решает важных для себя проблем, но и останавливается в своем духовном развитии (Ц.П. Короленко, Н.В. Дмитриева, 2001).

Механизм ухода от реальности выглядит следующим образом. Выбранный человеком способ подействовал, понравился и зафиксировался в сознании как наконец-то найденное действующее средство, обеспечивающее хорошее состояние.

В дальнейшем встреча с трудностями, требующими принятия решения, автоматически заменяется приятным уходом от проблемы с переносом ее решения «на завтра». Постепенно волевые усилия снижаются, т. к. аддиктивные реализации «бьют» по волевым функциям, способствуя выбору тактики наименьшего сопротивления. Снижение переносимости трудностей, уход от их преодоления приводит к накоплению нерешенных проблем.

Процессу появления и развития аддиктивного поведения могут способствовать биологические, психологические и социальные влияния (Ц.П. Короленко, Н.В. Дмитриева, 2000).

Под *биологическими* предпосылками подразумевается определенный, своеобразный для каждого способ реагирования на различные воздействия, например, на алкоголь. Замечено, что лица, изначально реагирующие на алкоголь как на вещество, резко изменяющее психическое состояние, более предрасположены к развитию алкогольной аддикции. Американские ученые

также выделяют такой фактор, как генетическая предрасположенность к различным формам аддиктивного поведения, передающаяся по наследству.

Под *социальными факторами*, влияющими на развитие аддиктивного поведения, понимаются дезинтеграция общества и нарастание изменений с невозможностью к ним своевременно адаптироваться. Большое значение в возникновении аддикций имеет такой фактор, как психологические травмы детского возраста и насилие над детьми, отсутствие заботы с предоставлением детей самим себе.

Большинство отклонений в поведении несовершеннолетних: безнадзорность, правонарушения, употребление психоактивных веществ, имеют в своей основе один источник – социальную дезадаптацию, корни которой лежат в дезадаптированной семье. Социально дезадаптированный ребенок, подросток, находясь в трудной жизненной ситуации, является жертвой, чьи права на полноценное развитие грубо нарушили. Семьи, для которых характерны наиболее глубокие дефекты социализации, вольно или невольно провоцируют детей на раннее употребление психоактивных веществ и совершение правонарушений. Криминологи выделяют следующие типы дисфункциональных, неблагополучных семей.

Псевдоблагополучная семья отличается ярко выраженным деспотическим характером, безоговорочным доминированием одного из родителей, полным подчинением ему остальных членов семьи, наличием жестоких взаимоотношений, применением физического наказания.

Неполная семья. Дефекты в структуре родительской семьи в современных условиях могут отрицательным образом сказаться на формировании личности ребенка, подростка и также способствуют его десоциализации.

Проблемная семья характеризуется соперничеством между родителями за главенствующее положение в семье, отсутствием всякого сотрудничества между членами семьи, разобщенностью, изоляцией между родителями и детьми.

Аморальная семья. В ней наблюдаются такие отрицательные факторы, как правонарушения, совершаемые родителями и иными членами семьи, пьянство и алкоголизм, систематические конфликты, выливающиеся в скандалы и драки, развратное поведение родителей.

Криминогенная семья. Такая семья, члены которой совершают преступления. Иногда приходится констатировать, что криминальная деятельность является основным видом деятельности конкретного лица или семьи в целом.

К **психологическим факторам** относятся личностные особенности, отражение в психике психологических травм в различных периодах жизни.

Провоцирующими факторами отклоняющегося, аддиктивного поведения считаются нервно-психическая неустойчивость, акцентуации характера (гипертимный, неустойчивый, конформный, истероидный, эпилептоидный типы), поведенческие реакции группирования, реакции эмансипации и другие особенности подросткового возраста (А.Е. Лично, 1986, В.А. Жмуров, 1994,

Я.Д. Шабанов, О.Ю. Штакельберг, 2000, Р.В. Овчарова, 2000 и др.). К этим факторам необходимо отнести особенности, обусловленные характерными для этого периода реакциями: эмансипации, группирования, увлечения (хобби) и формирующимися сексуальным влечениям (А.Е. Личко, 1986).

Основным мотивом поведения подростков, склонных к аддиктивным формам поведения, является бегство от невыносимой реальности. Но чаще встречаются внутренние причины, такие как переживание стойких неудач в школе и конфликты с родителями, учителями, сверстниками, чувство одиночества, утрата смысла жизни, полная не востребованность в будущем и личная несостоятельность во всех видах деятельности и мн. др.

За последнее время увеличилось число синдромов, относящихся к аддиктивному и компульсивному поведению. Под *компульсивным* поведением подразумевается поведение или действие, предпринимаемое для интенсивного возбуждения или эмоциональной разрядки, трудно контролируемое личностью и в дальнейшем вызывающее дискомфорт (А.В. Гоголева, 2002). Такие паттерны поведения могут быть внутренними (мысли, образы, чувства) или внешними (работа, игра). Компульсивное поведение дает возможность имитации хорошего самочувствия на короткий период, не разрешая внутриличностных проблем. Такое поведение можно считать патологическим, если оно отражает единственный способ совладения со стрессом (С.А. Кулаков, 2000).

Анализируя особенности аддиктивной личности, В.Д. Менделевич ссылается на Э. Берна и через призму его теории раскрывает сущность аддиктивной личности. По мнению Э. Берна, у человека существует шесть видов голода: голод по сенсорной стимуляции, голод по признанию, голод по контакту и физическому поглаживанию, сексуальный голод, структурный голод или голод по структурированию времени, голод по инициативе.

У аддиктивной личности каждый вид голода обостряется. Они не находят удовлетворения чувству голода в реальной жизни и стремятся снять дискомфорт и неудовлетворение реальностью стимуляцией тех или иных видов деятельности. Таким образом, основным в поведении аддиктивной личности является стремление к уходу от реальности, страх перед обыденной, наполненной обязательствами и регламентациями «скучной» жизнью, склонность к поиску эмоциональных запредельных переживаний даже ценой серьезного риска для жизни и неспособность быть ответственным за свои поступки.

Гемблинг (лудомания) – патологическая склонность к азартным играм (F63.0 по МКБ-10), «заключается в частых повторных эпизодах участия в азартных играх, что доминирует в жизни субъекта и ведет к снижению социальных, профессиональных, материальных и семейных ценностей, не уделяется должного внимания обязанностям в этой сфере» (МКБ-10, 1994).

С развитием компьютерных технологий и расширением рынка игрового программного обеспечения растет число людей, увлекающихся компьютерными играми. Об этом можно судить по нескольким объективно

наблюдаемым факторам: активное развитие игрового компьютерного бизнеса, расширение рынка игрового программного обеспечения, увеличение игровых компьютерных журналов и газет, рост количества игровых веб-серверов в сети Интернет. Игровые аддикты испытывают устойчивую потребность в игре, но вместе с тем не могут полностью удовлетворить ее, т. е. находятся в состоянии фрустрации, хотя и имеют возможность удовлетворять потребность.

Ключом к пониманию этого парадокса может стать разделение психической реальности аддиктов на виртуальный мир и реальный мир. В процессе игры их настроение существенно улучшается, а наблюдения показывают, что в процессе игры у человека присутствуют положительные эмоции. Положительные эмоции, сопровождающиеся подъемом настроения, бывают, по словам аддиктов, также в ситуации «предвкушения» компьютерной игры. Но после выхода из виртуального мира настроение снова ухудшается, быстро возвращаясь на исходный уровень, оставаясь на нем до следующего «вхождения» в виртуальный мир.

Понижение настроения при окончании игры объясняется самими причинами игровой потребности – уход от реальности и принятие роли. Для игрового аддикта реальный мир скучен, неинтересен и полон опасностей, т. к. большинство аддиктов – люди, плохо адаптирующиеся в социуме. Вследствие этого человек пытается жить в другом мире – виртуальном, где все дозволено, где он устанавливает правила игры. Логично предположить, что выход из виртуальной реальности болезнен для аддикта – он вновь сталкивается с ненавистной для него реальностью, что и вызывает снижение настроения и активности, ощущение ухудшения самочувствия. Таким образом, одна из возможных причин снижения настроения у аддиктов – это наличие постоянной потребности в компьютерной игре и, одновременно с этим, невозможность полного удовлетворения этой потребности.

Другая возможная причина отклонений в эмоциональной сфере аддиктов – это, по мнению профессора М.А. Шапкина, субъективное переживание аддиктами на сознательном уровне практической бесполезности увлечения компьютерными играми и, вследствие этого, собственной бесполезности наряду с невозможностью прекращения увлечения в силу психологической зависимости.

Наблюдения показали, что игровые аддикты не нормально адаптируются в социуме. К проблеме высокой тревожности у аддиктов может быть два подхода: высокая тревожность как причина зависимости от компьютерных игр и высокая тревожность как следствие этой зависимости.

В последнее время проблема азартных игр приобрела исключительно большее значение в связи с включением в ее сферу все более распространяющихся денежных игровых автоматов и повсеместного открытия казино. Разнообразное, привлекающее внимание своим красивым видом, мелькающими огоньками, приятными акустическими эффектами оборудование оказывает сильное суггестивное влияние на многих людей. Имеет

немаловажное значение также кажущаяся легкой возможность выиграть значительную сумму денег в течение очень короткого времени.

Игровые автоматы чрезвычайно широко распространились во многих странах, успешно вытесняя другие виды развлечений. Так, например, уже в конце 70-х гг. XX в. в Великобритании, особенно в небольших городах, возникла проблема низкой посещаемости кинотеатров, вплоть до необходимости их закрытия, за счет возрастающей популярности залов игровых автоматов. В США, по данным Conrad (1978), количество «проблемных гэмблеров» – аддиктивных игроков, зависимых от игровых автоматов настолько, что их жизнь оказывалась полностью подчиненной этой страсти, колебалось от 4 до 10 млн.

Азартные игры как форма досуга или развлечения существуют повсеместно, и подавляющее большинство людей иногда играет в казино, на игровых автоматах, ходят на бега, бьются об заклад, покупают лотерейные билеты. Однако число тех, кого считают патологическими игроками, в большинстве стран, где проводились соответствующие исследования, постоянно. Оно составляет 3,7 % населения.

Существует большое разнообразие игр, ставших демократичными и доступными практически для каждого человека. Аддикция к игре начинается тогда, когда после участия в ней человек продолжает с большим постоянством думать об игре и стремится снова участвовать в ней. В связи с восторженностью он поначалу рассказывает об этом, приглашает посетить это действо. Постепенно этот способ проведения времени все более часто повторяется, становясь самым лучшим способом проведения времени, предпочитаемым всем другим, тем самым, оказывая на человека деструктивное влияние.

Ц.П. Короленко и Т.А. Донских (1990) выделяют ряд признаков, характерных для азартных игр как одного из видов аддиктивного поведения. К ним относятся следующие.

1. Постоянная вовлеченность, увеличение времени, проводимого в игре.
2. Изменение круга интересов, вытеснение прежних мотиваций игровой, постоянные мысли об игре, преобладание в воображении ситуаций, связанных с игровыми комбинациями.
3. «Потеря контроля», выражающаяся в неспособности прекратить игру как после большого выигрыша, так и после постоянных проигрышей.
4. Состояния психологического дискомфорта, раздражения, беспокойства, развивающиеся через сравнительно короткие промежутки времени после очередного участия в игре, с труднопреодолимым желанием снова приступить к игре. Такие состояния по ряду признаков напоминают состояния абстиненции у наркоманов, они сопровождаются головной болью, нарушением сна, беспокойством, сниженным настроением, нарушением концентрации внимания.
5. Характерно постепенное увеличение частоты участия в игре, стремление к все более высокому риску.

6. Периодически возникают состояния напряжения, сопровождающиеся игровым «драйвом», все преодолевающим стремлением найти возможность участия в азартной игре.

7. Быстро нарастающее снижение способности сопротивляться соблазну, что выражается в том, что лица, решившие раз и навсегда покончить с играми, при малейшей провокации (встреча со старыми знакомыми по игре, разговор на эту тему, участие в обычной, неазартной игре и др.), как правило, возобновляют участие в азартных играх.

1.6. Философия агрессии в цифровую эпоху

А.А. Лисенкова⁶

В современном, новом, постоянно изменяющемся, слабо прогнозируемом мире в состоянии постоянной политической, экономической, культурной турбулентности и хаотичности, при невероятной скорости и плотности информационных потоков и новой интегрированной во все сферы человеческой повседневности цифровой реальности агрессия становится не только способом самовыражения и защиты индивида, но и способом репрезентации и идентификации.

Сегодня в условиях сложившейся социальной напряженности, изменения форм и механизмов коммуникации, фрагментарности восприятия и мышления, с одной стороны, с другой стороны, усиливается интеграция человека в глобальное сообщество, наблюдается все большая дивергенция и поиск доверительного круга «своих». Современный мир рождает «массы отчужденных людей». Наиболее ярко эти тенденции проявляются в цифровом пространстве. Неоднородность и избыточность информации становится источником, возбуждающим эмоциональную сферу человека, а возможности Интернет-коммуникации (открытость, анонимность, доступность) позволяют реализовывать негативные эмоции и настроения, вовлекая в этот процесс незнакомых собеседников, размывают границы между девиацией и нормой. Появление цифровой культуры Web2.0, которая во многом определяет характер современной эпохи, так называемой «эры постмодерна», «цифровой эры» привело к интеграции, глобализации, фрагментаризации и виртуализации всех процессов человеческой жизни. Цифровое пространство стало средой, в которой человек находится от рождения до смерти, и даже после смерти, так как аккаунты пользователей существуют и после того как человек ушел в мир иной.

Смещаются акценты, меняется картина мира, сжимаются временные рамки, течение жизни подчиняется другим нормам и правилам, которые в свою очередь постоянно меняются. Это все приводит к психологическим кризисам и травмам людей, которые не успевают вписываться в новую картину мира. Поэтому исследование новых форм коммуникации и их влияние на повседневную жизнь индивида включено в контекст новой культурной

⁶ Философия агрессии в цифровую эпоху // Философские науки. – 2017. – № 6. – С. 137–147.

реальности, сформировавшейся и продолжающей формироваться и развиваться под влиянием постоянной трансформации цифровых технологий. Цифровые технологии стали основанием не просто нового типа коммуникации, но основанием нового типа культуры в целом.

Материальная дифференциация, рост темпа жизни, снижение культурного уровня людей и т.п. стимулируют рост агрессии. Разобщенность общества по ценностным установкам делит и сетевое сообщество на группы «своих» и «чужих». Многие пользователи не уважают свободу «другого» и в принципе не готовы принять его существование, замыкаясь в своих узких сообществах. Появление «других» вносит хаос в привычный ход вещей и ставит под сомнение «правильность» системы ценностей, принятых в группе, стимулируя агрессию в первую очередь в молодежной среде. Интернет-среда стала пространством демонстрации моды на агрессию, преумножая и тиражируя эти тенденции. В этом сложном процессе интеграции человек также обретает новые коммуникативные интерфейсы и сам интерпретирует и транслирует события общественной жизни. Данные интерпретации и трансляции склонны к взаимному умножению и наложению, тем самым создавая диссонанс и множественность голосов, в результате чего человек ощущает постоянный информационный шум, информационное давление и перенасыщение информацией. Индивид находится в условиях, когда он не способен воспринять тот информационный поток, который на него ежедневно обрушивается, являясь одним из основных стимулов стрессогенности и порождая немотивированную агрессию и взаимную ненависть. Информационный повод вытеснен информационным шумом. Возросшие объемы информации, доступ к цифровым массовым коммуникациям привели к гиперинформационной нестабильности и хаосу.

Это приводит к росту готовности к агрессивному поведению в связи с необходимостью эмоциональной разрядки инстинктивных (витальных) агрессивных побуждений и мотивов, связанных с ростом и увеличивающейся плотностью современных мегаполисов, в которых при видимом скоплении людей, индивид ощущает себя совершенно одиноким. Стирание границ и рамок между нормой и девиацией, тем, что разрешено и тем, что запрещено, дозволенным и недозволенным приводит к массовому изменению поведения, неумению встраиваться в постоянно меняющиеся правила игры, ко все большему расслоению и неравенству в обществе. Цифровые технологии выступили, с одной стороны, пространством эмоционального выброса, разрядки и реализации возможных девиаций, с другой стороны – катализатором агрессивных настроений общества.

Рост агрессии мы наблюдаем ежедневно на экранах телевизоров и мониторов, сегодня ни одна программа или сюжет не обходится без сообщений об актах насилия. Благодаря развитию цифровых средств коммуникации и массовой информации появилась возможность быть постоянно включенным и обучаться агрессивному поведению, а снижение уровня толерантности только усугубляет данный процесс. Интернет за счет безнаказанности и удаленности

дает большие возможности для реализации различных вариантов агрессивного поведения. Истеричность сюжетов в традиционных СМИ перетекает в агрессивный дискурс в цифровой среде. Публичная истерика стала новым информационным трендом нашего времени.

По данным исследования интернет-портала Pew Research Center, 73% пользователей сети были свидетелями агрессии в отношении других, 40% испытали ее лично на себе и 20% ответили на агрессию агрессией [Агрессия 2017]. Важным видится тот факт, что сетевая агрессия – это, как правило, преднамеренное, добровольное действие, и любой из участников коммуникации без последствий может покинуть сетевое пространство в любой момент, не отвечая агрессору, но это происходит далеко не всегда, так как главная цель агрессора втянуть собеседника в процесс коммуникации. Например, сегодня более 40% обращений, поступающих в службу поддержки «Дети онлайн», связаны с агрессией в интернет-среде. 17 слов из каждой тысячи, написанных в сообщениях пользователями социальной сети «ВКонтакте», содержат ненормативную лексику. В 79,3% фактов агрессивного поведения в Интернете агрессором является незнакомый для жертвы человек, т.е. не имеющий чувства личной неприязни к собеседнику [Агрессия 2017].

В разное время к феномену агрессии формировалось разное отношение. К проблеме агрессии обращаются психологи, философы, культурологи, находя истоки агрессии не только в удовлетворении первичных (витальных) физиологических потребностей человека, но и в противостоянии мотивов, потребности в доминировании, вызывающих острую психологическую напряженность.

С появлением и развитием цифровых технологий, тех возможностей и угроз, которые стали доступны современному человеку, актуальность изучения феномена агрессии, несомненно, приобретает глобальный и остро насущный характер.

Феномен агрессии исследовали в различное время философы, психологи, культурологи, социологи, лингвисты, среди которых наибольший интерес представляют работы Ф. Ницше, Э. Фромма, З. Фрейда, К. Лоренца, А. Бандуры, Г.Э. Бреслава, К.С. Лебединской, Р. Бэрона, А. Налчаджяна, Н.Д. Левитова, Ю.Б. Можгинского, П.А. Ковалева, Ю.В.Щербининой, А. Патерсона, Д. Коннора, А.А. Реана, М.М. Райской, Д. Ричардсона, И.А. Фурманова, Л.М. Семенюк, О.И. Шляхтиной, Г. Спенсера.

В современных исследованиях феномена агрессии существует два направления, объясняющих возникновение агрессивного поведения: биологическое и психологическое.

Наиболее полно современные подходы к исследованию проблем агрессии в обществе отражены в работах Барбары Крэйхи. Биологический подход объясняет возникновение агрессии с трех позиций: этологической (в качестве основного стимула агрессивного поведения выступает внутренняя энергия индивида), социобиологической (агрессия, выступает как результат эволюции)

и генетического поведения человека (агрессия, в качестве наследственной предрасположенности).

Психологический подход обозначает другие ключевые позиции в отношении агрессивного поведения: в первую очередь, это психологический подход З. Фрейда, в котором агрессия рассматривается как человеческий инстинкт разрушения (стремление к Танатосу). Агрессию в качестве целенаправленного побуждения и действия, связанного с ростом мотивационной напряженности и фрустрированного поведения индивида, анализируют и представляют теории фрустрации К. Лоренца, Э. Фромма и А. Бандуры. «Стимулы, которые постоянно связаны с факторами, провоцирующими агрессию, или с самой агрессией, могут постоянно склонять индивида, ранее спровоцированного или фрустрированного, к агрессии» [Бандура 2000, 430]. Следующий подход рассматривает появление агрессии в качестве ключевой реакции на отрицательные эмоции, – таков когнитивный неоассоцианизм Л. Берковица: «Препятствия провоцируют агрессию лишь в той степени, в какой они создают негативный аффект» [Берковиц 2001, 187].

В рамках психологических теорий также рассматривается модель Д. Зильманна связывающая степень агрессии со степенью возбуждения индивида. Чрезвычайно важным с точки зрения функционирования коммуникационных процессов в цифровой среде видится социально-когнитивный подход в рамках психологических и философских теорий агрессии, ставящий степень агрессии в прямую зависимость от объема и скорости переработки и искажения информации, что приводит к искаженной картине мира. Теория научения Б. Скиннера и А. Бандуры описывает агрессию как результат специфического социального поведения, основанного на приобретении опыта агрессии и усвоении примеров агрессивного поведения: «Личность наблюдает образец поведения или читает о нем, но не демонстрирует его открыто, пока не возникнут соответствующие обстоятельства» [Бандура 2000, 52].

Таким образом, все ведущие подходы к исследованию феномена агрессии в обществе, представленные разными научными направлениями и школами, можно разделить на две большие группы, первая из которых включает биологические подходы, где агрессия – это фундаментальное свойство человека, основанное на витальных инстинктах. Вторая группа включает антропосоциогенные теории, основанные на утверждении социальных причин агрессии, обусловленных особенностями и способами взаимодействия индивидов в обществе.

С этих позиций мы видим, что современное общество формирует и задает нормативные рамки существования человека в современном мире, «научает» его агрессивному поведению и дозволенным и поощряемым формам его проявления. Как отмечал Х. Хекхаузен, «культура формирует и задает норму, которая определяет тип и частоту агрессивных форм поведения... декларирует и санкционирует свои специфические нормы и критерии, тем самым, предопределяя, что можно разрешать, что запрещать и что поощрять» [Хекхаузен 2003, 83]. Более того, актуальные и популярные сегодня средства

массовой информации диктуют и формируют моду на агрессию, для этого достаточно обратить внимание на темы передач в вечерней сетке вещания телевизионных каналов, или ТОП-5 новостей поисковой системы «Яндекс». Как отмечал Э. Фромм, «если в человеке и развиваются дурные наклонности, то причиной этого являются дурные обстоятельства, дурное воспитание и дурные примеры» [Фромм 2004, 279]. Образцы деструктивного, агрессивного поведения человек как правило черпает и усваивает из трех источников: семья, субкультура в которой он в данное время находится и символическое поле, которое его окружает, диктуемое средствами массовой информации. Индивид находит источник одновременно и вдохновения, и эмоциональной разрядки и проявления девиаций в средствах массовой информации, особенно цифровых, где он может выступать не только пассивным зрителем, но и творцом, быть не только ведомым и управляемым, но и сам манипулировать другими, управляя собственным стрессом в поисках выплеска негативных эмоций.

К сожалению, виртуальная коммуникация сегодня выступает не только средством управления состоянием стресса, но и источником его возникновения и тиражирования. Проблема агрессии в Интернете, ее распространение на все сферы бытия человека связана с тем, что в цифровом пространстве, как в зеркале, отражаются проблемы современного социума: рост агрессивности, снижение толерантности. Параллельно протекают два процесса: падение уровня культуры и связанный с этим явлением рост агрессии, что приводит к потере культуры толерантной коммуникации в цифровой среде. Повсеместный доступ к информации о процессах, формирующих установки толерантного поведения и сознания сегодня не обеспечен.

Проблема толерантных отношений в современном обществе не только не нивелируется в связи с декларируемым прогрессом, а наоборот обостряется и выходит на передний план с усложнением и интенсификацией жизни современного общества. Происходит усиление чувства интолерантности, отчужденности и одиночества в повседневных человеческих отношениях, что только усугубляет сложившийся комплекс коммуникативных проблем и увеличивает степень коммуникативного стресса общества в целом. Интернет-общение принимает форму негативного, агрессивного диалога, так как сама конфликтная ситуация не обременяется последствиями, а зачастую служит фактором разрядки или самоутверждения участников коммуникации за счет порицания, противопоставления, унижения друг друга, обесценивания интересов, норм и ценностей оппонента.

Цифровая интернет-среда становится пространством, где можно безнаказанно выплеснуть негативные чувства и эмоции, ненависть, агрессию, гиперсексуальность. Интернет объединил сотни миллионов участников по всему миру независимо от возраста, национальной принадлежности, пола и уровня образования. Огромное количество маргинальных групп принесло в сеть стабильность, банальность и агрессию. Интернет-коммуникации создали особое, до сих пор не осознанное пространство потоков и смыслов, представляющее многозначную, многомерную и насыщенную среду,

привлекательную для манипуляции как отдельными людьми, так и большими сообществами, без выхода в реальное пространство действия.

Эта тенденция породила невиданную «эпидемию» словесной (вербальной) агрессии в пространстве Интернета. Бестелесность, анонимность, мнимая свобода и открытость породили целый ряд деструктивных и негативных явлений в сети, которые выразились в различных вербально-агрессивных формах: замечаниях, взаимных обвинениях, угрозах, порицании, оскорблении оппонентов, враждебности по отношению к «другим»/«не таким», конфликтность и конформизм. Как правило, все эти яркие проявления агрессии, по мнению исследователей коммуникативной интернет-среды, связаны с «неблагополучным социокультурным положением в большинстве современных логосфер: с ростом асоциальности, с общим снижением уровня речевой культуры, инвективизацией и вульгаризацией речи, пропагандой насилия в средствах массовой информации, с существенным ослаблением коммуникативных механизмов, традиционно сдерживающих проявления агрессии слова» [Щербинина 2006, 6].

Негативное выражение эмоций через агрессию в интернет-пространстве выступает альтернативой реальному физическому действию, и критическая масса сетевой агрессии растет пропорционально росту социальной напряженности и снижению уровня толерантности в обществе, трансформируясь в сетевую форму «языка вражды». Как отмечал Э. Фромм, «задушенная» внутренняя свобода провоцирует появление агрессивности. Насмешки, жаргонизация, уничижительное отношение, грубость, доходящая до откровенного хамства, угрозы, травля – все эти бесконечные попытки доминирования, управления и манипулирования сознанием человека стимулируют рост напряженности и конфликтности во всех группах нашего общества.

Интернет стал благоприятной средой для продвижения криминальных установок и ценностей, обеспечивая анонимную коммуникацию внутри и между преступными группами. В последнее время агрессия в интернет-среде стала модной формой удовлетворения тщеславия и негативной репрезентации «явления себя миру», благодаря возможности трансляции «вещных доказательств» и «героизма», снятых на различные гаджеты сцен жестокости, насилия и агрессии. Тенденция выкладывать в социальные сети ролики со сценами избиения, насилия, унижения других приобретает пугающие масштабы. Интернет стал благоприятной средой «научения», распространения и тиражирования моды на жестокость и агрессию. Становясь средством объединения различных субкультур, интернет-среда и особенно среда социальных медиа создала невиданные возможности для консолидации «своих» и дивергенции «чужих» по различным признакам. Стремление к самовыражению, привлечению публичного внимания и самопродвижению спровоцировало рост девиантных проявлений в социуме.

Сетевые формы агрессии стали определяться условиями и характером интернет-дискурса, темой и контентом ресурса, в границах которого они

существуют, настроениями и темами актуальными сегодня в обществе, а также рамками и границами общественно поощряемых и порицаемых тем. Анонимность, влекущая за собой безнаказанность, расширение состава участников коммуникации за счет маргинальных групп повысили градус сетевой нетерпимости и повлекли за собой формирование негативных форм поведения у всех участников коммуникационного процесса. Различные виды сетевой агрессии: пранкерство, троллинг, кибербуллинг, флуд, хайтерство, астротурфинг, флейминг – создают деструктивный фон для сетевого взаимодействия. Для данных групп примитивность, деструктивное поведение, позволяет не только провоцировать собеседников и привлекать внимание, репрезентируя себя миру, но и служит способом и мотивом обретения собственной идентичности в противопоставлении себя массе, объединению в группы «своих» и противопоставлении себя «чужим».

Формы социальной агрессии в интернет-среде имеют свои уникальные характеристики. Во-первых, они могут существовать исключительно в виртуальных сообществах, так как в реальных условиях у индивида возникает гораздо больше барьеров и ограничений для проявления агрессии по отношению к другому участнику коммуникационного процесса. Во-вторых, они обладают специфическими механизмами мгновенного возбуждения лавинообразной неконтролируемой агрессии, быстро распространяющейся на всех участников виртуального сообщества. И в-третьих, необходимо учесть, что уникальность виртуальных сетевых форм социальной агрессии состоит в том, что у потенциальной жертвы конфликта отсутствует возможность физического или визуального контакта с инициатором самой конфликтной ситуации.

Все эти формы проявления агрессии в интернет-среде рассматриваются как пусковой механизм создания ситуации скандала, жесткой провокации и служат виртуальным средством с возможностью организации физических агрессивных акций.

По мнению исследователя цифрового контента интернета Дж. Сулера [Suler 2004, 321–326], существуют шесть основных причин «цифрового раскрепощения» и агрессивного поведения пользователей.

1. Асинхронность (ощущение безвременья, того, что все протекает не в реальном времени).
2. Анонимность (невозможность, по мнению пользователей, соотнести поступок с личностью).
3. Невидимость (того, кого не видят невозможно осудить).
4. Солипсическая интроекция (попытка, не видя людей угадать их намерения).
5. Диссоциативное воображение (ощущение несуществующего, нереального мира в сети).
6. Отсутствие авторитетов (свобода и обезличенность коммуникации).

На современном этапе состояние коммуникативных агрессий характеризуется расширяющейся практикой их виртуального проявления,

технологической оснащённостью и спонтанностью вовлечения разных социальных сил в данный процесс, но чем более общество в идеологическом плане маргинализировано, криминализировано по незначительным преступлениям, так называемым «преступлениям без жертв», чем более оно интолерантно к любым проявлениям инаковости, тем более оно агрессивно, и эта агрессия способна вылиться из виртуального дискурса в реальное столкновение. В этой связи опасения вызывают те коммуникативные агрессии, которые активизируют различные по статусу социальные группы – от широко информированных верхов до непросвещенного низа – способные консолидировать участников сетевых сообществ вокруг радикальных идей, воспользовавшись их зреющей готовностью к переносу агрессии из символического виртуального пространства в физическое реальное действие.

Разобщённость общества по ценностным кластерам возвращает в группах с разной ориентацией фундаментализм, но пока виртуальный, «беззубый». Многие интернет-пользователи не только не готовы уважать мнение и свободу «другого», но и признавать сам факт его существования, так как в тех группах, где они преимущественно общаются, «других» нет. Если «другой» появляется на территории «чужого кластера», то он априори становится врагом, так как само его существование ставит под сомнение и угрозу систему ценностей, которая сложилась в группе.

Ситуацию спасает то, что для пользователей сети характерна ориентация на избегание реальных действий, которая выражается в замене действиями виртуальными. В этой связи необходимо снижать градус истеричности и публичного поощрения негативных форм девиации в виртуальном пространстве, поощряя все формы толерантного поведения, предоставляя возможности для дискуссий и различных видов творчества, декриминализируя незначительные правонарушения и создавая условия для плюрализма различных точек зрения. Сегодня остро необходима выработка конструктивных превентивных мер в ответ на провокации, формирование методов критического анализа информационного потока, снижение информационного неравенства и образования, обеспечение доступа к различным источникам информации всех групп населения через создание альтернативных средств массовой информации.

Проявление агрессии в интернет-среде – это сложное и многогранное явление современной действительности, требующее дальнейшего изучения и анализа, с целью создания инструментов, снижающих градус недоверия, вражды в обществе, механизмов, способных защитить его. Для этого необходим многоаспектный анализ информационно-коммуникативных процессов, протекающих в виртуальном пространстве. С целью прогнозирования возникающих угроз и девиаций необходимо всестороннее изучение феномена цифровой агрессии, понимание истоков деструктивности и методов минимизации негативных отклонений.

Литература

Агрессия 2017 – Агрессия в Интернете: статистика и выводы. – URL: <https://geektimes.ru/post/248068/> (дата обращения 16.03.2017)

Бандура 2000 – Бандура А. Теория социального научения. – СПб.: Евразия, 2000.

Берковиц 2001 – Берковиц Л. Агрессия: причины, последствия и контроль. – СПб.: Прайм – ЕВРОЗНАК, 2001.

Фромм 2004 – Фромм Э. Анатомия человеческой деструктивности. – М.: АСТ, 2004.

Хекхаузен 2003 – Хекхаузен Х. Мотивация и деятельность. – СПб.: Питер, М.: Смысл, 2003. Щербинина Ю.В. – Щербинина Ю.В. Вербальная агрессия. – М.: Ком- Книга, 2006.

Suler 2004 – Suler J. The online disinhibition effect // *Cyberpsychology & behavior*. 2004. Vol. 7. № 3. P. 321–326.

1.7. Психолого-правовой анализ деструктивных проявлений в сети Интернет *Е.В. Васкэ, О.И. Горюнова⁷*

Вопрос о границах распространения различного рода информации в глобальной сети Интернет становится все более актуальным, привлекая внимание специалистов разных областей знаний – юристов, психологов, психиатров, социологов, филологов, педагогов. С одной стороны, такие границы четко определены специальными нормативно-правовыми актами, с другой – законодатель не всегда может успеть за быстроразвивающейся сферой бесконечно изменяющегося контента, в связи с чем в сети Интернет появляется и бесконтрольно распространяется неопределенному кругу лиц огромный объем деструктивной информации.

Согласно п. 1, 6 ст. 10 Федерального закона от 27.07.2006 г. № 149-ФЗ «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» распространение информации в РФ осуществляется свободно при соблюдении требований, установленных законодательством РФ. При этом распространение информации, за распространение которой предусмотрена уголовная или административная ответственность, запрещено. В соответствии со ст. 14 Федерального закона от 24.07.1998 г. № 124-ФЗ «Об основных гарантиях прав ребенка в Российской Федерации» органы государственной власти Российской Федерации принимают меры по защите ребенка от информации, пропаганды и агитации, наносящих вред его здоровью, нравственному и духовному развитию, в том числе от национальной, классовой, социальной нетерпимости, от рекламы алкогольной продукции и табачных изделий, от пропаганды социального, расового, национального и религиозного неравенства, от информации

⁷ Вестник Новгородского университета им. Н.И.Лобачевского. – 2018. – №6. – С. 104–110.

порнографического характера, от информации, пропагандирующей нетрадиционные сексуальные отношения, а также от распространения печатной продукции, аудио- и видеопродукции, пропагандирующей насилие и жестокость, наркоманию, токсикоманию, антиобщественное поведение.

Федеральным законом от 29 декабря 2010 года № 436-ФЗ «О защите детей от информации, причиняющей вред их здоровью и развитию» устанавливаются требования к распространению среди детей информации, в том числе требования к осуществлению классификации информационной продукции, ее экспертизы, государственного надзора и контроля за соблюдением законодательства Российской Федерации о защите детей от информации, причиняющей вред их здоровью и (или) развитию. В статье 5 данного Федерального закона к информации, запрещенной для распространения среди детей, относится информация, в том числе, способная вызвать у детей желание употребить наркотические средства, психотропные и (или) одурманивающие вещества, табачные изделия, алкогольную и спиртосодержащую продукцию, принять участие в азартных играх, заниматься проституцией, бродяжничеством или попрошайничеством.

С вступлением в законную силу Федерального закона от 7 июня 2017 года № 120-ФЗ «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и статью 151 Уголовно- процессуального кодекса Российской Федерации в части установления дополнительных механизмов противодействия деятельности, направленной на побуждение детей к суицидальному поведению» предусмотрена уголовная ответственность за склонение к совершению самоубийства или содействие в его совершении, а также уголовная ответственность за организацию деятельности, направленной на побуждение граждан к совершению самоубийства. При этом возможна досудебная блокировка информации, направленной на побуждение несовершеннолетних к совершению суицида. Кроме того, в соответствии со ст. 15.1 Федерального закона от 27.07.2006 г. № 149-ФЗ (ред. от 25.11.2017) «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.01.2018) возможно ограничение доступа к сайтам в сети Интернет в досудебном порядке.

При этом возможна досудебная блокировка информации, направленной на побуждение несовершеннолетних к совершению суицида. Кроме того, в соответствии со ст. 15.1 Федерального закона от 27.07.2006 г. № 149-ФЗ (ред. от 25.11.2017) «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.01.2018) возможно ограничение доступа к сайтам в сети Интернет в досудебном порядке. Однако, несмотря на наличие законодательных запретов, установленной административной и уголовной ответственности, в социальных сетях по-прежнему распространяется информация деструктивной направленности, закамуфлированная под конструктивный и/или исключительно развлекательный контент. Так, в ходе проведения настоящего исследования проведен анализ 228 групп, созданных на платформе социальной сети «ВКонтакте» и (или) Instagram, с общим

количеством участников более 5 миллиона человек. Понятно, что с введением правовых рычагов противодействия распространению в сети Интернет информации, оказывающей деструктивное влияние на неокрепшую психику несовершеннолетних, многие группы (в первую очередь так называемые «группы смерти») потеряли свою популярность у подростков, но на смену им «пришли» и аналогичные в «другой упаковке», и совсем новые, различной направленности.

Так, в течение последних трех лет достаточно популярными у определенной части молодежи остаются группы «АЕ», объединяющие различные контенты, пропагандирующие «воровскую жизнь». Несколько месяцев назад в социальных сетях появились, стремительно набрав «градус» популярности, «мужские» группы под условным названием «З», участники которых за денежное вознаграждение выкладывают видеоролики боев и жестоких драк. Набирают «обороты» группы «СН», использующие на своих аккаунтах околосексизмскую символику, слоганы и призывы к проявлению брутальной физической агрессии, а также «женские» группы «А», пропагандирующие различные радикальные способы похудения. Определить половую принадлежность участников групп и их точный возраст возможно только в социальной сети «ВКонтакте» через анализ «аватарки» (главной фотографии на странице), альбомов пользователя, записей, сделанных на «стене». В социальной сети Instagram большая часть аккаунтов имеет статус «закрытый». Тем не менее визуальный осмотр страниц и открытых аккаунтов показал, что основными участниками групп «АЕ» и «А» являются несовершеннолетние в возрасте от 14 до 25 лет, а групп «З» – от 15 до 23 лет, групп «СН» – от 14 до 17 лет, групп «ЗК» и «КС» – от 13 до 17 лет, групп «АН» – от 12 до 19 лет.

Кроме того, выявленная на интернет-платформе «ВКонтакте» группа с условным названием «КлС», отражающим открытую аутоагрессивную направленность поведения участников, является закрытой. В настоящий момент авторами проводится ее анализ на предмет выявления суицидального контента.

Психологический анализ интернет-ресурсов на предмет выявления деструктивных интернет-контентов показал, что, наряду с продолжающейся активностью в «старых», стремительно набирают популярность новые группы и паблики, содержащие в себе суицидальный и околосуицидальный контент, а также околосексизмскую направленность. Типовая страница «АЕ» представляет собой набор записей на «стене», смысловую направленность которых можно разделить на несколько групп:

– записи с изображением молодых людей с оружием, на дорогих машинах, демонстрирующих свою силу и власть (например, «смелее будьте. Живем один раз, один единственный раз», «если я плохой, то покажите мне хороших»);

– записи с изображением православных храмов и икон, сопровождающиеся текстами о почитании родителей, любви к братьям и боязни Бога (например, «Мать люби, Отца уважай, Брата цени, Любимую

защищай, бойся Бога одного и никого кроме него», «и жить надо так – чтобы родителям не было стыдно за тебя»);

– записи с изображением полуобнаженных девушек с молодым человеком или без, которые сопровождаются текстом о доступности девушек, о вседозволенных отношениях с ними (например, «отцы о скромности им говорили, а они (нецензурное слово) полюбили»; «у красивой девушки не бывает хорошей репутации»; «я дал тебе свободу, а ты испортилась»);

– записи, которые в совокупности можно охарактеризовать как юношескую браваду и максимализм (например, «ты не боишься, что у тебя права заберут? У меня их нет»; «если нет выхода, то я сделаю его сам»; «самый внимательный водитель тот, который едет без прав»; «че по кайфу, то и делай»);

– записи с прикрепленными аудио, как правило, музыкальных произведений жанра «тюремный или блатной шансон».

В данных группах организована быстрая возможность сбора денежных средств, которая представляет собой отдельный технический сервис. Если кликнуть по надписи «отправить деньги», происходит автоматический переход на онлайн-сервис перевода денег. Более того, администраторами организован мини-интернет-магазин так называемых мерчевых товаров, которые представляют собой одежду с логотипами, лозунгами, фотографиями.

Всю информацию, распространяемую в аккаунтах с соответствующими названиями и представляющую собой совокупность видеороликов жестоких драк, администраторы групп призывают снимать самих участников, после чего присылать ролики боев, которые они готовы размещать за деньги. Размер вознаграждений в ряде пабликов зависит от количества просмотров и «лайков» видеоролика. Описание пабликов часто содержат в себе выражения, которые признаны экстремистскими. При еже дневном мониторинге аккаунтов на протяжении месяца (в период с 1 мая 2018 года по 1 июня 2018 года) было выявлено, что в аккаунтах наблюдается высокая активность: размещение новых роликов, комментирование роликов, обсуждение роликов, изменение описания паблика.

Результаты проведенного исследования показали, что группы «З» представляют собой новое ответвление от субкультуры футбольных фанатов-хулиганов, о чем свидетельствуют прямые указания в аккаунтах групп, размещение символики той ли иной команды, в основу сленга положена терминология «футбольных фанатов», адаптированная под цели групп «З», а также символика националистического толка и скандинавские символы, характерные для использования «футбольными фанатами» [1, 2].

Появившиеся в интернет-пространстве группы «СН», пропагандирующие проявление физической агрессии и насилия, по своей направленности схожи с группами «З» и «АЕ». При этом в группах и пабликах «СН» открыто размещаются запрещенная в России нацистская символика, призывы к противоправным действиям в отношении лиц определенной национальности с

соответствующими иллюстрациями, унижающими честь и достоинство граждан.

Интернет-группы «ЗК» и «КС» с самым юным возрастом несовершеннолетних участников (от 12 до 17 лет) представляют собой аналог запрещенных групп суицидальной направленности, открыто призывающих к совершению суицида через полное подчинение администратору и/или куратору при системном выполнении заданий.

Как показало проведенное исследование, суицидальный контент имеют и многие из групп «АН», а также интернет-игры аналогичной направленности. Причем сложность выявления деструктивного характера обусловлена тем, что около 60% из общего числа групп «АН» носят информационно-развлекательный характер.

Особый интерес представляет типовое информационное наполнение групп «А», названия которых не содержат в себе каких-либо признаков камуфлирования и являются, по Международной классификации болезней 10-го пересмотра (МКБ-10), термином, обозначающим заболевание, относящееся к категории поведенческих синдромов, связанных с физиологическими нарушениями и физическими факторами. Проведенное исследование соответствующего интернет-контента показало, что более 100 сообществ в разных, но аналогичных контекстах имеют в своем названии данный медицинский, но широко известный и «модный» в среде подростков и молодежи термин.

Причем общий посыл администраторов групп направлен на формирование у участников исключительно позитивного отношения к этому, в определенных случаях смертельному, заболеванию, к прохождению через него и/или вместе с ним «особого жизненного пути». Более того, в названиях большинства групп «А» болезнь наделяется признаками живого существа, которое способно любить и быть другом, к которому нужно относиться бережно и трепетно, с заботой о сохранении [3, 4]. При этом необходимо сказать о таком приеме психологического воздействия, активно используемого в деструктивных сектах, как «марафоны», упорно навязываемые участникам администраторами групп «А» [5, 6]. Марафоны предполагают, с одной стороны, постоянные «обсуждения» с «поддержкой в трудную минуту», а с другой – строгую отчетность и контроль при исключении участника за опоздание (вовремя не прислали фотографию и анкету), за попытку обмануть организаторов конкурса, за невозможность администратора или куратора связаться с участником.

Очевидно, что, как во всех подобных сообществах, истинные цели администраторов тщательно сокрыты от участников, а «стена» группы и ее наполнение содержат в себе огромное количество мотивирующих постов по достижению своих целей. Компиляция общей цели в словесном выражении и совершенно четкого посыла в изображении, безусловно, ведет к восприятию подростком данного поста как призыва, который условно можно обозначить как «достигни своей цели – стань как она». В представленных на «стене»

историях всегда есть «злодей» или «враг» в лице родителей, молодого человека, подруги, а все жизненные неудачи связываются только с внешним видом девушки, которой нужно бросить протестный вывоз обществу и, главное, своим близким.

В ходе исследования групп «А» авторами выявлено более 100 сленговых выражений и специальных, непонятных для окружающих, терминов, обозначающих, в том числе, и серьезные медицинские препараты (антидепрессанты, транквилизаторы, слабительные средства и т.д.) [7]. Нередко посты с информацией о потенциальной опасности препарата сопровождаются комментариями о том, что «можно попробовать», «с одной таблетки ничего не будет», что значительно усиливает интерес и желание несовершеннолетних «пойти на риск».

Проведенный анализ материалов групп «АЕ», «З», «СН», «А» позволяет сделать однозначный вывод о том, что в группах различными способами осуществляется мощное психологическое воздействие. Как известно, психологическое воздействие – это активная, целенаправленная деятельность, продуктом которой является изменение параметров психики (мотивов, целей, отношений, установок, потребностей) объекта воздействия, значимых для достижения целей воздействующего [7]. Направленность психологического воздействия в исследуемых группах имеет специфические черты в зависимости от самой группы. Психологическое воздействие в группах «АЕ», «З», «СН» направлено на формирование у участников устойчивой мотивации применения brutальной физической агрессии, пропаганду насилия и жестокости, попрание прав граждан и охраняемых законом интересов общества, а также на действия, противоречащие этическим и культуральным установкам общества. Кроме того, психологическое воздействие выражается в формировании у пользователей устойчивого антиобщественного, разрушительного поведения и антисоциальных ценностей в виде непризнания общественной морали, обесценивания морально-нравственных норм социума, неподчинения власти и законам, вседозволенности, ценности исключительно одномоментных удовольствий, решению проблем путем применения силы и оружия.

Если психологическое воздействие на участников групп «АЕ», «З» и «СН» со стороны администраторов / кураторов направлено на формирование у них агрессивной, разрушительной мотивации, то в группах «ЗК», «КС», «КлС», а также некоторых из числа «АН» оно носит выраженный аутоагрессивный, суицидальный характер.

Кроме того, результаты проведенного исследования показали, что механизм психологического воздействия на участников группы «А» по формированию у них аутоагрессивного, саморазрушительного поведения аналогичен используемому в запрещенных суицидальных группах.

Так, применяя манипулятивные, известные в психологии техники воздействия, администраторы и кураторы групп целенаправленно формируют в сознании участников групп мотивацию полного, безальтернативного погружения в смертельную болезнь. В болезнь, которая наделяется признаками

живого существа, способного любить, быть подругой, самым близким существом, к которому нужно относиться трепетно, любить его, беречь, сохранять и никогда не расставаться с ним. При этом регулярное прохождение марафонов закономерно ведет к физическому и психическому истощению участников, снижению их когнитивных функций, перцептивных процессов и способности к сопротивлению внешним воздействиям, делая неокрепшую психику несовершеннолетних еще более доступной для внедрения в сознание подростков любых установок.

Таким образом, во всех исследуемых группах по своему глубинному, скрытому смыслу действия администраторов исследуемых групп направлены на формирование у пользователей психологии полного подчинения через постепенное воспитание принятия ими любых указаний и инструкций, исходящих от значимого лица, без критического осмысления (по типу «адептов» и «гуру») [4, 8].

В результате проведенного исследования авторами сделаны следующие выводы.

1. Группы «АЕ» содержат в себе деструктивную информацию, которая представляет собой противоречивое сочетание несочетаемой пропаганды общечеловеческих ценностей (любви к матери, богу, друзьям, братьям, сестрам) при одновременном призыве к сверхагрессивным действиям, устрашению силой, использованию оружия с отсылкой к информации о «романтичности» тюремной жизни, «справедливых» «воровских» законах. В данных группах содержится большое количество нецензурной брани, возбуждается интерес к сексу и нарушению норм общественного порядка и закона. Распространение подобного рода информации содержит состав административного правонарушения, предусмотренный ст. 13.21. КоАП РФ, более того, ведет к формированию маргинальных личностей. Администраторами таких групп активно ведется предпринимательская деятельность по реализации различных товаров, размещению рекламы за вознаграждение. Можно предположить, что организаторы группы осуществляют такую деятельность незаконно (без образования юридического лица, регистрации в качестве индивидуального предпринимателя) и без соответствующей уплаты налогов. Полагаем, что системные привлечения администраторов подобных групп к административной ответственности и назначение штрафов приведут к их массовому закрытию самими администраторами.

2. Группы «З» как совокупность видеороликов жестоких групповых драк и избиений представляют собой новый вид или ответвление ярых и агрессивных «футбольных фанатов» по типу «хульс». Об этом свидетельствует аналогичный сленг, использование скандинавских символов и нацистской атрибутики, аналогичная деятельность по организации массовых драк, прямые указания на свою принадлежность к «футбольным фанатам». Полагаем, что группы «З», как и группы «СН», представляют особую опасность, т.к. в них синтезируются различные идеологии агрессивного толка с

националистическими наслоениями, что потенциально может привести к образованию экстремистских организаций и совершению преступлений.

3. Группы «ЗК», «КС», а также значительная часть из групп информационно-развлекательного паблика «АН» аналогичны группам суицидального контента.

4. Группы «А» с информацией о болезни, приводящей к смерти (летальному исходу), представляют собой аналог суицидальных групп с формированием администраторами/кураторами устойчивой аутоагрессивной, саморазрушительной мотивации у ее участников, направленной на изменение эмоционального восприятия болезни (романтизации смерти/болезни), отношения к смерти (уничтожение страха перед смертью/болезнью) с помощью смыслового наполнения терминов (нивелирование понятия смерти/болезни, одушевление болезни) и создания привлекательного образа (благородных синих китов/красивых, стройных порхающих бабочек).

5. Психологическое воздействие со стороны администраторов и кураторов исследуемых групп («АЕ», «З», «А», «СН», «ЗК», «КС», «АН») направлено на формирование у участников, в большинстве своем несовершеннолетних, психологии полного подчинения администратору и/или куратору при безоговорочном, системном выполнении всех предлагаемых заданий и требований. Информация, представленная в исследуемых пабликах, несет в себе мощное психологическое воздействие на неокрепшую психику несовершеннолетних в виде различных манипуляций, понуждения, провоцирования, побуждения импульса к подражанию, направленное на формирование у подростков устойчивой мотивации совершения агрессивных или аутоагрессивных действий, а также их готовности к деструктивному поведению.

6. В целях уменьшения распространения данного контента необходимо проводить системный мониторинг таких групп и их досудебную блокировку. В рамках реализации политики по защите детей от деструктивной информации и информации, ведущей к нарушению психического и физического здоровья, считаем необходимым принять меры по расширению перечня оснований для досудебной блокировки сайтов, побуждающих несовершеннолетних к разрушительному и саморазрушительному поведению.

7. Для профилактики агрессивного и аутоагрессивного поведения несовершеннолетних необходимо проведение масштабных просветительских мероприятий типа «Безопасность детей – забота взрослых» в виде лекториев и обучающих семинаров с использованием интерактивных форм подачи материала для разных категорий слушателей: работников образовательных учреждений, непосредственно взаимодействующих с детьми и подростками, и родителей несовершеннолетних по тематике деструктивных проявлений в сети Интернет, психотехнологиям установления психологического контакта и доверительного общения с детьми и подростками, раннего распознавания суицидальной направленности и интернет-зависимости у детей и подростков.

Примечания

1. Все содержащиеся в настоящей статье названия групп и соответствующие сленговые выражения используются авторами исключительно в научных целях, в связи с чем мы обобщаем их по тематике («АЕ», «З», «А», «СН» и т.д.), несмотря на то, что в социальных сетях представлено большое количество вариаций названия данных групп.

2. Опыт проведения авторами указанных мероприятий, охвативших 1400 сотрудников общеобразовательных учреждений (директоров школ, зам. директоров школ по воспитательной работе, социальных педагогов, председателей школьных методических объединений классных руководителей), более 1300 родителей и 180 школьных психологов, показал, что у подавляющего большинства слушателей отсутствовала информация о существовании деструктивных интернет-групп и, соответственно, методах защиты детей от их негативного влияния.

Литература

1. Богданович Н.В., Будыкин А.В. Психологические особенности информационной безопасности несовершеннолетних с девиантным поведением [Электронный ресурс] // Психология и право. – 2017. – № 4 (7). – С. 59–78.

2. Васько Е.В., Куракина О.И. Психологические факторы в формировании личности экстремиста // Отечественная наука в эпоху изменений: постулаты прошлого и теории нового времени. – 2014. – № 12–2 (40).

3. Васько Е.В., Куракина О.И. Идеология человеконенавистничества. Психолого-правовой анализ современных проявлений экстремизма // Вестник Нижегородского университета Н.И. Лобачевского. – 2014. – № 3 (1).

4. Васько Е.В. Стратегии психологического воздействия в ходе проведения допроса: теоретический и прикладной аспекты // Приволжский научный журнал. – 2010. – № 1 (13). – С. 256–263.

5. Секераж Т.Н., Кузнецов В.О. Комплексная судебная психолого-лингвистическая экспертиза: формы, виды, перспективы развития // Теория и практика судебной экспертизы. – 2016. – № 4 (44). – С. 98–107.

6. Смирнова С.А., Секераж Т.Н., Кузнецов В.О. Междисциплинарные исследования в судебно- экспертных учреждениях Минюста России: актуальные направления лингвистической и психологической экспертизы.

7. Аврамцев В.В. Профессиональное общение в деятельности юриста: Учебное пособие. – Н. Новгород: Изд-во «Общество «Интелсервис», 2000.

8. Васько Е.В. Психическое и психологическое воздействие в уголовном процессе – к определению понятий // Российский психологический журнал. – 2010. – Т. 7. – № 1. – С. 25–36.

9. Литвина Д.А., Остроухова П.В. Дискурсивное регулирование женской телесности в социальных сетях: между худобой и анорексией // ЖИСП. – 2015. – №1.

10. Сафуанов Ф.С., Секераж Т.Н. Деятельность, направленная на побуждение детей к суицидальному поведению: возможности судебно-психологической экспертизы [Электронный ресурс] // Психология и право. – 2017. – № 2 (7). – С. 33–45.

ГЛАВА 2. ФАКТОРЫ ДЕСТРУКТИВНОГО ПОВЕДЕНИЯ В МОЛОДЕЖНОЙ СРЕДЕ

2.1. Аутодеструктивное поведение в подростковом и юношеском возрасте

Н.А. Польская, Н.В. Власова⁸

Аутодеструктивное поведение – это поведение, связанное с разными формами саморазрушения: от высокорискованных действий, нацеленных на поиск новых ощущений, до самоповреждений и суицидальных актов. Аутодеструктивное поведение определяют как намеренное причинение себе вреда, или совершение действий, которые имеют негативные последствия для индивида. Чаще всего под этим понятием подразумевают суицидальное и самоповреждающее поведение, реже – алкогольную и наркотическую зависимость, расстройства пищевого поведения [Van der Kolk, Perry, Herman, 1991], вербальную аутоагрессию [Cohen et al., 2010], рискованное сексуальное поведение [Scourfield, Roen, McDermott, 2008].

Одной из наиболее радикальных форм аутодеструктивного поведения является суицид. В информационном бюллетене ВОЗ (август, 2015), посвященном проблеме самоубийства, отмечается, что самоубийства являются второй ведущей причиной смерти среди молодых людей 15–29 лет, причем на страны с низким и средним уровнем дохода приходится 75% самоубийств в мире. Акты самоповреждения (как не имеющие суицидальной направленности) и суицидальные акты специалистами ВОЗ не разделяются, так как весьма трудно доказать наличие или отсутствие суицидального намерения и в тех, и в других случаях.

Актуальность исследований проблем, связанных с аутодеструктивным поведением, объясняется наблюдаемой в мире тенденцией к усугублению и расширению диапазона расстройств психического и физического здоровья, являющихся следствием прямых или косвенных действий, направленных на саморазрушение. Подростковый и юношеский возраст рассматривают в качестве фактора риска различных проявлений аутодеструктивного поведения, и прежде всего таких социально контагиозных форм, как суициды, самоповреждения и аддикции [Амбрумова, Трайнина, Уманский, 1989; Амбрумова, Трайнина, 1991; Холмогорова, Гаранян, Горошкова, Мельник, 2009; Польская, 2010, 2014].

Этот критический период, определяющий поведение во взрослой жизни в отношении табакокурения и употребления алкоголя, питания и физической активности [Graham, Power, 2004], оказывается в прямом смысле переломным для многих подростков и юношей, вынужденных делать жизненно важные выборы в ситуации чрезмерного давления, пренебрежения или завышенных ожиданий со стороны общества. В отчете ВОЗ, посвященном социальным детерминантам здоровья и благополучия подростков Европейского региона, указывается на связь между неблагоприятными социальными условиями и

⁸ Консультативная психология и психотерапия. – 2015. – Том 23. – № 4. – С. 176–190.

повышенными рисками для здоровья. Такие социальные компоненты, как поддержка семьи, отношения со сверстниками, школьная среда и среда проживания (микрорайон) могут выступать в качестве как позитивных, так и негативных факторов, оказывающих непосредственное влияние на поведение детей школьного возраста в отношении своего здоровья [Социальные детерминанты здоровья и благополучия подростков, 2012]. Негативные аспекты этого влияния отражаются на частоте и интенсивности формирования рискованных форм поведения, которые нередко представляют собой разные по степени тяжести способы психологического, психического и физического саморазрушения.

Несомненно, усугубляющими тяжесть аутодеструктивного поведения являются социально-экономическая нестабильность, стремительное развитие новых технологий и неконтролируемое их использование во всех важных сферах жизни общества, а также современные нам процессы социальной трансформации, связанные с возникновением новых социальных угроз (например, угроза терроризма), и опосредованные ими социальные страхи и тревоги.

Нам приходится наблюдать, как неограниченная в условиях интернет-технологий доступность информации способствует формированию деструктивных и аутодеструктивных сообществ анонимных пользователей интернета, нередко провоцируя психопатологизацию наиболее уязвимых их участников – детей, подростков и юношей. «Переходный возраст, – писал Л.С. Выготский, – это возраст оформления мировоззрения и личности, возникновения самосознания и связанных представлений о мире» [Выготский, 1982, с. 122]. Культурная среда, в которой происходит развитие, является основой формирования личности подростка: ценностей, предпочтений, нравственных приоритетов и мировоззрения.

Современная информационная среда, особенности семейного воспитания, контакты со сверстниками, особенности места проживания, экономическая обстановка и политические тенденции – все это составляет тот самый контекст культурного развития ребенка, в рамках которого эти влияния выступают в форме систем искусственно созданных стимулов, «назначение которых состоит в воздействии на поведение» [Выготский, 1983, с. 81].

Деструктивные тенденции современной культуры и жизни общества оказываются той почвой, на которой происходит формирование высокой готовности к саморазрушению, что психологически закрепляется в таких структурах, как личностные черты (например, тревожность, депрессивность, дисфоричность и т. п.), ценности (например, ценность новизны, риска, пренебрежения опасностью, ценность морфологической трансформации, т. е. радикального изменения своего тела) и ценностные суждения («все бессмысленно», «не вижу смысла к чему-то стремиться», «моя жизнь ничего не стоит», «жизнь людей ничего не стоит»).

Свойственные этому возрасту трудности саморегуляции находят свое выражение в импульсивности, тревожности, проблемах самооценки и

управления эмоциями [Польская, 2010, 2014]. Нарушения саморегуляции отражают диспозициональную предрасположенность к саморазрушению и выступают в качестве медиатора отношений между склонностью к аутодеструктивным действиям и различными ситуативными факторами (например, психической травмой).

С другой стороны, далеко не для всех аутодеструктивные мотивы являются определяющими в личностном становлении и социальной идентификации. Исходя из этого, важным является изучение личностных факторов, связанных с развитием аутодеструктивного поведения.

В рамках данного исследования были изучены когнитивно-личностные факторы регуляции эмоций, суицидального риска, психопатологической симптоматики и самоповреждающего поведения, взаимосвязь которых позволяет определить содержательные особенности аутодеструктивного поведения.

Гипотезой выступило предположение, что повышение риска аутодеструктивного поведения (в качестве его маркеров выступают акты самоповреждения) взаимосвязано с деструктивными когнитивными стратегиями, личностными факторами самоповреждающего и суицидального поведения и психопатологической симптоматикой. Неэффективные, малоадаптивные стратегии регуляции эмоций выступают в качестве предикторов аутодеструктивного поведения[...].

В исследовании приняли участие 101 респондент в возрасте от 13 лет до 21 года [...].

Результаты: выявлены взаимосвязи между шкалами суицидального риска, психопатологической симптоматики, самоповреждающего поведения, когнитивной регуляции эмоций; выделены различия между группами, разделенными по критериям «инструментальные самоповреждения» и «соматические самоповреждения»; выделены предикторы аутодеструктивного поведения на основе регрессионной модели. Выводы: соматизация, тревожность и психотизм взаимосвязаны с факторами самоповреждающего поведения; выявлена взаимосвязь способов и факторов самоповреждающего поведения и факторов суицидального риска; нарушения когнитивной регуляции эмоций (руминация, самообвинение, обвинение других) выступают предикторами аутодеструктивных форм поведения и психопатологической симптоматики [...].

В исследовании была подтверждена гипотеза о взаимосвязи факторов самоповреждающего и суицидального поведения, психопатологической симптоматики и деструктивных стратегий когнитивной регуляции эмоций. За аутодеструктивным поведением и психопатологическими симптомами стоят общие нарушения когнитивной регуляции эмоций, которые сужают спектр стратегий саморегуляции и повышают непереносимость негативных эмоций. В данной ситуации аутодеструктивные проявления (в частности, акты самоповреждения) могут брать на себя функцию саморегуляции и регуляции межличностных отношений.

Литература

Амбрумова А.Г., Трайнина Е.Г. К вопросу о саморазрушающем поведении подростков // Саморазрушающее поведение у подростков. – Л, 1991. – С. 29–36.

Амбрумова А.Г., Трайнина Е.Г., Уманский Л.Я. Аутодеструктивное поведение подростков // Сравнительно-возрастные исследования в суицидологии. – М. 1989. – С. 52–62.

Выготский Л.С. Собрание сочинений: в 6-ти т. Т. 1. Вопросы теории и истории психологии/ под ред. А.Р. Лурия, М.Г. Ярошевского / М.: Педагогика, 1982. – 488 с.

Выготский Л.С. Собрание сочинений: В 6-ти т. Т.3. Проблемы развития психики/ Под ред. А. М. Матюшкина / М.: Педагогика. – 1983. – 368 с.

Диагностика личности / Сост. Т. Н. Разуваева / Шадринск: Исеть. – 1993. – С. 17.

Польская Н.А. Особенности самоповреждающего поведения в подростковом и юношеском возрасте // Известия Саратовского университета. Серия Философия. Психология. Педагогика, выпуск 1. – 2010. – Том 10. – С. 92–97.

Польская Н.А. Причины самоповреждения в юношеском возрасте (на основе шкалы самоотчета) // Консультативная психология и психотерапия. – 2014. – № 2 (81). – С. 140–152.

Польская Н.А. Структура и функции самоповреждающего поведения // Психологический журнал. – 2014а. – Т. 35. – № 2. – С. 45–56.

Расказова Е.И., Леонова А.Б., Плужников И.В. Разработка русскоязычной версии опросника когнитивной регуляции эмоций // Вестник Моск. Ун-та. Сер.14. Психология. – 2011. – № 4. – С. 161–179.

Социальные детерминанты здоровья и благополучия подростков. Исследование «Поведение детей школьного возраста в отношении здоровья»: международный отчет по результатам обследования 2009–2010 гг. / Под ред. Currie С. и др. / Копенгаген, Европейское региональное бюро ВОЗ. – 2012 г. – 252 с.

Холмогорова А.Б., Гаранян Н.Г., Горошкова Д.А., Мельник А.М. Суицидальное поведение в студенческой популяции // Культурно-историческая психология. – 2009. – № 3. – С. 101–110.

2.2. Взаимосвязь личностных характеристик и предрасположенности к деструктивному поведению у подростков

М.Н. Кузнецова, Л.С. Рычкова⁹

ВВЕДЕНИЕ

Актуальность проблемы деструктивного поведения среди подростков обуславливается изменениями, происходящими в стране за последние пять лет. И как в следствии – увеличение случаев деструктивных действий у молодого

⁹ Ученые записки университета имени П.Ф. Лесгафта. – 2019. – № 5 (171). – С. 432–435.

поколения. К таким изменениям можно отнести – деформация ценностной ориентаций, деградация культуры, ускорившийся темп жизни среди подрастающего поколения, осложнение социально-экономического положения в семье и в стране в целом, рост числа неблагополучных семей, насилия, наркомании, суицидов [2; 3; 4]. В силу своей неопытности, подростки остро переживают различные перемены и неблагоприятные изменения. Они не могут или не умеют конструктивно разрешать проблемные ситуации. Вследствие чего, у них можно наблюдать деструктивные проявления в поведении – агрессия, оскорбление, негативизм, ярость, жестокость, склонность к неоправданному риску, несоблюдение существующих норм и правил [1; 5].

Цель – выявить взаимосвязь между личностными характеристиками и предрасположенностью к деструктивному поведению у подростков.

Исследование проводилось на базе Южно-Уральского государственного университета. В исследовании приняли участие 120 школьников 7–8 классов МОУ СОШ г. Челябинска, в возрасте от 13 до 15 лет, из них 60 девочек и 60 мальчиков.

В процессе исследования использовались следующие методики: методика склонности к отклоняющемуся поведению (А.Н. Орел); методика «самооценка личности» (О.И. Мотков); опросник агрессивности (Л.Г. Почебут); оценка отношений подростка с классом (Л.А. Головей, О.Р. Рыбалко); методика исследования акцентуаций характера (Г. Шмишек), детский вариант. Для подтверждения гипотезы были использованы методы математической статистики: метод кластерного анализа (кластеризация К-средними); метод ранговой корреляции Спирмена.

РЕЗУЛЬТАТЫ И ИХ ОБСУЖДЕНИЕ

В начале исследования выборка школьников была разделена с помощью кластерного анализа (кластеризация К-средними) на три группы: «деструктивные» (36 учеников), «менее деструктивные» (40 учеников) и «конструктивные» подростки (44 ученика). Критерии для отбора в группу были следующие: склонность к преодолению норм и правил, склонность к самоповреждению и саморазрушающему поведению, склонность к аддиктивному поведению, склонность к агрессии и насилию, контроль эмоциональных реакций, склонность деликвентному поведению (по методике А.Н. Орла).

С помощью методики склонности к отклоняющемуся поведению (А.Н. Орел) был определен уровень выраженности показателей предрасположенности к деструктивному поведению среди школьников. Наиболее выраженными показателями являются низкий волевой контроль эмоциональных реакций (41 чел.), склонность к агрессии и насилию (39 чел.), преодолению норм и правил (37 чел.), и самоповреждающему поведению (25 чел.). Также у 13 учеников наблюдается предрасположенность к деликвентному поведению и у 10 учеников к аддиктивному поведению. Можно предположить, что таким подросткам свойственно нежелание или не умение контролировать поведенческие проявления своих эмоциональных

реакций, они могут реализовывать негативные эмоции в поведении, использовать агрессию и насилие во взаимоотношениях с окружающими, у них отмечается низкая ценность собственной жизни и склонность к риску.

Далее с помощью методики «Самооценка личности» (О.И. Мотков) был определен уровень самооценки у учащихся трех групп (деструктивные, менее деструктивные и конструктивные подростки). У 25 (69%) учеников с деструктивным поведением неадекватный уровень самооценки (заниженная или завышенная), у 13 (31%) подростков диагностируется адекватная самооценка. Можно предположить, что подросткам с завышенной самооценкой свойственно наличие амбиций и отсутствие самокритичности, а у подростков с заниженной самооценкой могут наблюдаться депрессивные состояния, самобичевание после сильной неудачи.

Далее с помощью опросника агрессивности (Л.Г. Почебут) были определены уровни выраженности типов агрессии среди школьников трех возрастных групп. Деструктивным подросткам свойственна вербальная, физическая и предметная агрессии. Можно предположить, что подростки выражают свое агрессивное отношение к человеку через словесные оскорбления, ругательства, в ходе конфликтных ситуаций могут применить физическую силу, насильственные действия, а также могут проявлять свою агрессию через окружающие их предметы.

Далее с помощью опросника оценки отношений подростка с классом (Л.А. Головей, О.Р. Рыбалко) был определен тип восприятия группы. Были получены следующие результаты – у 18 (50%) учеников с деструктивным поведением выявлен прагматичный тип восприятия группы. Можно предположить, что подростки воспринимают группу как средство достижения индивидуальных целей, группа оценивается ими как полезная или бесполезная. Они могут отдавать предпочтение компетентным членам группы, которые смогут решить сложные проблемы. У 16 (44%) учеников наблюдается индивидуалистический тип восприятия группы. Это может свидетельствовать о том, что подросток может воспринимать группу как помеху своей деятельности, в некоторых случаях может относиться нейтрально. Учащийся может уклоняться от совместных форм деятельности, для него группа не представляет самостоятельной ценности.

Далее с помощью методики исследования акцентуаций характера (Г. Шмишек), были выявлены типы выраженности акцентуаций. По результатам методики можно отметить, что наиболее выраженными типами акцентуаций характера являются возбудимый, циклотимный, тревожный и экзальтированный. Можно предположить, что подросткам свойственна импульсивность поведения, низкая терпимость в отношениях с окружающими. Также может отмечаться смена гипертимических и дистимических состояний, в которых может замедляться реакция и мышление, снижение эмоционального отклика. Далее, с помощью метода ранговой корреляции Спирмена, был проведен корреляционный анализ личностных характеристик и предрасположенности к деструктивному поведению у подростков.

Были получены следующие статистически значимые связи:

- высокая связь между волевым контролем эмоциональных реакций и уровнем вербальной агрессии ($r=0,83$; $p<0,05$). Чем ниже уровень волевого контроля эмоциональных реакций, тем выше уровень вербальной агрессии;
- высокая связь между волевым контролем эмоциональных реакций и уровнем физической агрессии ($r=0,69$; $p<0,05$). Чем ниже уровень волевого контроля эмоциональных реакций, тем выше уровень физической агрессии;
- высокая связь между волевым контролем эмоциональных реакций и уровнем предметной агрессии ($r=0,58$; $p<0,05$). Чем ниже уровень волевого контроля эмоциональных реакций, тем выше уровень предметной агрессии;
- высокая связь между волевым контролем и уровнем самооценки ($r=0,61$; $p <0,05$). Низкому уровню волевого контроля эмоциональных реакций соответствует неадекватно низкий или высокий уровень самооценки;
- высокая связь между преодолением норм и правил и типом восприятия группы ($r=0,49$; $p<0,05$). При высоком уровне предрасположенности к преодолению норм и правил, соответствует прагматический тип восприятия группы;
- высокая связь между склонностью к агрессии и насилию и типом акцентуации характера ($r=0,35$; $p<0,05$). Подросткам, с высоким уровнем предрасположенности к агрессии и насилию, свойственен возбудимый тип акцентуации;
- высокая связь между волевым контролем эмоциональных реакций и типом акцентуации ($r=0,33$; $p<0,05$). При высоком уровне волевого контроля эмоциональных реакций, соответствует циклотимный и экзальтированный типы акцентуации;
- высокая связь между склонности к самоповреждениям и самоповреждающему поведению и типом акцентуации ($r=0,33$; $p<0,05$). При высоком уровне склонности к самоповреждениям и самоповреждающему поведению, соответствует тревожный тип акцентуации.

Таким образом, по результатам исследования можно сделать вывод, что подростки, предрасположенные к деструктивному поведению имеют следующие личностные характеристики – низкий волевой контроль эмоциональных реакций; склонность к агрессии (вербальной, физической, предметной) и насилию; возбудимость; циклотимность; неадекватно заниженную или завышенную самооценку; тревожность; склонность к преодолению норм и правил; экзальтированность; прагматический тип восприятия группы; склонность к самоповреждению, саморазрушающему, деликвентному и аддиктивному поведению.

Литература

1. Гогуева М.М. Специфика негативного влияния субкультуры на развитие личности подростка / М.М. Гогуева // Вестник Томского государственного педагогического университета. – 2010. – № 5 (95). – С. 153–159.

2. Злоказов К.В. Социально-психологические предпосылки деструктивного поведения подростков в школе / К.В. Злоказов // Педагогическое образование в России. – 2016. – № 5. – С. 71–81.

3. Кузнецова М.Н. Теоретические аспекты психологии деструктивного поведения у подростков // Научный поиск: материалы X научной конференции аспирантов и докторантов / Министерство образования и науки РФ, Южно-Уральский государственный университет. – Челябинск: Издательский центр ЮУрГУ, 2018. – С. 124–131.

4. Трошина Н.В. Формы агрессивного выражения деструктивности в современном обществе / Н.В. Трошина // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. – 2017. – № 7 (81). – С. 193–195.

5. Фетискин Н.П. Личностные особенности несовершеннолетних делинквентов / Н.П. Фетискин // Пенитенциарное право: юридическая теория и правоприменительная практика. – 2017. – № 1 (11). – С. 105–108.

2.3. Неблагополучная семья как фактор деструктивного развития самосознания личности подростка

З.М. Гаджимурадова, М.О. Омарова¹⁰

Каждая эпоха характеризуется новыми идеями и ценностями, которые доминантно влияют на структурное содержание самосознания личности. Однако во все времена семья, как самая древняя форма структурирования мира, оставалась главнейшим условием и фактором психологического благополучия и социального статуса личности.

Семья воздействует на человека на протяжении всей его жизни. И то, что в детстве приобретается в семье, переносится в дальнейшие периоды жизни, а усвоенная модель семейного воспитания транслируется из поколения в поколение.

Сегодня в связи с кризисным состоянием всего мирового сообщества исследователи семейных отношений отмечают нарушение стабильности семьи, обострение таких негативных явлений, как ухудшение эмоционального самочувствия ее членов и взаимоотношений между ними, нарушение прав детей. Растет число так называемых неблагополучных (проблемных) семей, пораженных смещением моральных ценностей и ориентаций.

Неблагополучные семьи – это семьи с низким социальным статусом в какой-либо из сфер жизнедеятельности или нескольких одновременно, не справляющиеся с возложенными на них функциями. Их адаптивные способности существенно снижены, процесс семейного воспитания ребенка протекает с большими трудностями, медленно, малорезультативно [8, 45].

Исследователи подросткового самосознания убедительно утверждают, что дисгармония внутрисемейных отношений деструктивно влияет на развитие Я-образа подростка, на формирования его характера и самооценки [5, 78].

¹⁰ Вестник Дагестанского научного центра РАО. – 2013. – №1. – С. 18–22.

Такие негативные новообразования как подростковая жестокость, насилие, рост преступности, алкоголизм, наркомания, проституция обязаны своим существованием, в первую очередь, проблемам в семье [4, 25].

В доказательство этих слов приведем несколько мнений авторов классических направлений психотерапии (К. Хорни, А. Адлера, Э. Фромма, К. Юнга, Э. Эриксона и др.) о том, что главным фактором, действующим на формирование личности человека, являются особенности его взаимоотношений в детстве со своими родителями.

Так, по мнению К. Хорни, травмирующие переживания в семье способствуют развитию у подростка особого склада характера, который она называет «базальной тревожностью». В данном случае у подростка развивается чувство собственной незначительности, беспомощности, подверженности опасности, обидам, обману, нападкам, оскорблениям, предательству. К. Хорни отмечает, что чем больше подросток скрывает недовольство своей семьей, например, путем подчинения установкам родителей, тем в большей степени он проецирует свою тревожность на внешний мир, приобретая таким образом убеждение в том, что мир в целом опасен и страшен.

Подросток лишается уверенности в своей нужности, ценности для других, становится ранимым и обидчивым, неспособным к самозащите. Подобные острые реакции, как результат частых провоцирующих ситуаций, постепенно кристаллизуются в данный склад характера [3, 54].

Э. Фромм, исследуя проблему становления личности в современном обществе, справедливо утверждал, что характер ребенка является слепком с характера родителей и развивается в ответ на их характер [8, 144].

Э. Эриксон установил зависимость личностных особенностей подростка от его отношений с родителями на различных стадиях развития. По мнению автора, в подростковом возрасте формируется так называемая идентификация личности, когда перед подростком встает задача понять его различные социальные роли (сына или дочери, ученика, друга). Выработанные на предыдущих стадиях положительные качества значительно повышают шансы на успешную психосоциальную идентификацию. Естественно, что у недоверчивого, стыдливого и неуверенного в себе подростка с повышенным чувством вины и чувством собственной неполноценности возникают трудности с идентификацией [5, 214].

Основную причину невроза (понимая невроз как нарушенный стиль жизни) австрийский психолог А. Адлер видит в неправильном воспитании ребенка, указывая при этом на две крайности в воспитании: вседозволенность и отвергание ребенка, лишение его необходимой поддержки. В итоге у ребенка формируется нереалистичное представление о своем «Я», чувство неполноценности и стремление к его компенсации [6, 56].

К. Юнг уверенно констатировал, что «...нервные и психические нарушения у детей, вплоть до подросткового возраста, основаны исключительно на нарушениях психической сферы родителей». Настаивая на идее о том, что на развитие нервной патологии у ребенка сильное влияние

оказывают психическое состояние, проблемы и образ жизни его родителей, а также атмосфера в семье и методы воспитания, ученый утверждал, что именно родители почти всегда являются «...либо прямыми инициаторами невроза у ребенка, или, по крайней мере, его важнейшими компонентами» [4,17].

Таким образом, в период подросткового возраста все стороны развития подвергаются качественной перестройке, возникают и формируются психологические новообразования. Этот период представляет собой переход от детства к взрослости. Данный процесс преобразования и определяет все основные особенности личности в подростковом возрасте. Рост самостоятельности подростка ведет к появлению «нового взгляда» на себя, желанию разобраться в себе и всесторонне себя оценить. Все эти изменения и есть тот источник, тот основной фактор, который стимулирует развитие самосознания подростка.

В этом плане, одним из компонентов или измерений самосознания выступает самоотношение (самооценка) подростка, представляющая собой ценность, которая приписывается индивидом самому себе или отдельным своим качествам и эмоционально переживается им. Основным критерием оценивания здесь выступает система личностных смыслов. Главные функции, выполняемые самооценкой – регуляторная, на основе которой происходит решение задач личностного выбора, и защитная, обеспечивающая относительную стабильность и независимость личности.

Важным способом обеспечения устойчивости самооценки является поиск подростком одобрения себя и своего поведения со стороны окружающих людей. В зависимости от одобрения или порицания этого поведения у одних подростков наблюдается излишняя ранимость, неуверенность в себе, у других, наоборот, – самоуверенность, зазнайство, а у третьих начинается процесс приспособления к требованиям окружающих. В подобных условиях подросткам просто необходима помощь конгруэнтного (соответствующего своему статусу) взрослого, т.к. именно взрослый может показать подростку и пути самосовершенствования, и средства их реализации [5, 69].

Говоря о роли семьи в развитии личности подростка, необходимо также указать, какое огромное влияние она оказывает и на его социализацию, то есть на процесс усвоения индивидом образцов поведения, психологических установок, социальных норм и ценностей, знаний, навыков, позволяющих ему успешно функционировать в обществе.

В своем исследовании мы солидаризируемся с мнением американского социолога Ч. Кули, который отводит решающую роль в социализации индивида первичной группе – семье. Особое значение автор придает мнениям и представлениям окружающих подростка лиц. Под их влиянием у индивида развивается так называемое «Зеркальное Я»: другие люди – это зеркала, в которые смотрится индивид, в постоянном общении с другими формируется его собственное «Я» как сумма зеркальных Я (т.е. человеческое «Я» оказывается результатом взаимодействия индивида с окружающими его людьми). Фактически его «Зеркальное Я» становится важнейшим элементом

самосознания подростка. Благодаря этому у него формируется самооценка, умение смотреть на себя другими глазами окружающих людей. «Зеркальное Я» подростков несет в себе и множество негативного, что логично развивает низкую (неадекватную) самооценку [7, 54].

Необходимо также отметить, что социализация может рассматриваться в узком и широком смыслах. В широком смысле слова социализация может длиться всю жизнь. В узком смысле – ограничивается периодом взросления личности до совершеннолетия. И поэтому пониматься она тоже может двояко: с одной стороны как подготовка к будущим семейным ролям, с другой – как влияние, оказываемое ее семьей на формирование социально компетентной зрелой личности. Личность подростка, формирующаяся в процессе социализации и сталкивающаяся с неблагоприятными условиями в семье, несет в себе ядро негативизма, выражающееся в психических нарушениях (страхи, нервозность, беспокойство, неуверенность, фрустрация, агрессивность, отчужденность). Итог подобного формирования заключен в искаженном усвоении определенных норм и ценностей – асоциализация или ущербная социализация. Полагаем, что под «ущербной социализацией» следует понимать искаженное, негативное усвоение норм и ценностей, принятых в обществе.

Основой проведенного нами специального психологического исследования самосознания подростков из неблагополучных семей послужило научное предположение о том, что на позитивное развитие самосознания подростка, помимо совокупности различных взаимосвязанных между собой внешних и внутренних факторов, доминантно влияет семья. Неблагополучная семья деструктивно влияет на психологическое самочувствие подростков. Самосознание личности в подростковом возрасте характеризуется высокой чувствительностью к социальным влияниям извне и, особенно к влиянию со стороны значимых взрослых (родители, ближайшие родственники, педагоги и пр.).

В качестве методов исследования нами использовались: «Диагностика самооценки тревожности» (личностный и реакционный) Ч.Д. Спилберга, Ю.Л. Ханина (данный тест является надежным и информативным способом самооценки уровня реактивной тревожности, тревожности как состояния и личностной тревожности, т.е. как устойчивой характеристики личности), «Оперативная оценка самочувствия, активности и настроения» (САН) (данная методика помогает оперативно оценить самочувствие, активность и настроение) и «Дифференциально-диагностический опросник» Кейрси (методика выявления самооценки личности; самооценка считается низкой, если ее показатели находятся в диапазоне от 46 до 128 баллов).

Исследование проводилось в период с 2010 по 2013 год на базе гимназии №13. В исследовании приняло участие 58 подростков (учащиеся 9–11 классов) в возрасте 14–16 лет. Критериями неблагополучия семей в проведенном исследовании выступали: конфликты в семье, бытовое пьянство, носящее систематический затяжной характер, психологическое давление, фрустрация и физическое причинение вреда детям (ушибы, побои, травмы). С помощью

методов опроса, беседы и экспертных оценок были выявлены семьи, которые попали под критерии неблагополучных.

Полученные эмпирические данные на материале проблем семей были подвержены математической обработке, результаты которой показали, что подростки из неблагополучных семей имеют: По оперативной оценке самочувствия, активности и настроения (САН) у испытуемых преобладали оценки «5» и ниже, указывающие на снижение самочувствия, активности и настроения. Низкие индексы полученных результатов уровень данных показателей указывает на то, что исследованные нами подростки испытывают трудности в адаптации и нуждаются в психолого-педагогической помощи.

По диагностике самооценки Ч.Д. Спилберга, Ю.Л. Ханина, выявлено, что из 58 испытуемых средний уровень тревожности имеют 23 подростка (баллы этого уровня колеблются от 17 до 27). Остальные 35 подростков имеют высокий уровень тревожности, количество баллов составляет от 45 и выше. Это результат того, что широкий веер самых незначительных событий для подростков становится угрожающим для Я-концепции подростка. Из этого мы можем сделать вывод, что у испытуемых из неблагополучных семей (и особенно у детей подросткового возраста) наблюдается высокий уровень тревожности, что говорит о повышенном напряжении, беспокойстве и нервозности.

По дифференциально-диагностическому опроснику Кейрси, выявлено, что у всех подростков из неблагополучных семей низкий уровень самооценки. Его показатель составляет 93,7 балла. Заниженная самооценка характеризуется робостью, молчаливостью, подавленным настроением а так же склонностью к самообвинениям. Подросток выбирает задачи более легкие, чем он способен решить. Он не уверен в себе и поэтому слишком скромн и застенчив в тех ситуациях, в которых он реально мог бы вести себя более активно.

Проведенное исследование подтвердило мнение психологов классиков о том, что семья является значимым фактором формирования личности подростка. Подтверждена гипотеза исследования о том, что неблагополучие в семье практически всегда ведет к неблагополучию психического развития подростка, порождая при этом агрессивность, запаздывание социальной зрелости, неуверенность в себе, низкую самооценку, – все это как черты личности подростка формируются вследствие деструктивных стилей поведения родителей в отношении своих детей.

Литература

1. Асмолов А.Г. Психология личности. – М., 2009.
2. Майерс Д. Социальная психология / Пер. с англ. – СПб.: Питер Ком, 2003. – 688с.
3. Райс Ф. Психология подросткового и юношеского возраста. – СПб.: Питер, 2005. – 368с.
4. Ремшмидт Х. Подростковый и юношеский возраст. Проблемы становления личности. – М.: Мир, 2004. – 360с.

5. Репина Т.А. Анализ теорий полоролевой социализации в современной западной психологии // *Вопр. психологии.* – 2004. – №2. – С.17–19.

6. Румянцева Т.Г. Проблема неблагополучной семьи // *Вопросы психологии.* – 2002. – №5–6. – С.20–25.

7. Социальная педагогика: Курс лекций / Под общей ред. М.А. Галагузовой. – М., 2010.

8. Фромм А. Азбука для родителей. – М., 2003. – 365с.

2.4. Личностные факторы рискованного поведения подростков

*И.Ф. Шиляева*¹¹

ВВЕДЕНИЕ

В современном мире очевидным является широкое распространение рискованных способов проведения досуга, опасных развлечений, соревнований и т. д. Риск выступает как отличительный признак жизнедеятельности не только отдельной личности, но и общества в целом. Особенно это касается подрастающего поколения, которое вступает на сложный путь взросления, кардинальной трансформации тела, гормональных и эмоциональных изменений.

Анализ подходов отечественных и зарубежных исследователей показывает отсутствие единства по вопросу оценки склонности к рискованному поведению как естественного или аномального состояния. С точки зрения психоаналитической концепции, такая модель поведения обусловлена патологией мозга и она не является нормой [1].

Наряду с этим И.С. Кон подчеркивает нормальность такой особенности человека, поскольку она способствует его развитию, познанию и самопознанию [2]. Поведение, основанное на риске, многие даже выделяют как атрибут и предпосылку лидерства [3].

Основой такой противоречивости в понимании феномена риска выступает его неоднозначность. На первый взгляд риск представляется как ответственность за принятые решения, но, в то же время, риск может быть неоправданным и даже нежелательным.

Для одних риск является необходимым умением и условием жизни в социуме, для других он может быть смыслом жизни, зависимостью, а для кого-то риск – следствие непродуманных поступков. Все это обусловлено субъектом, по отношению к которому данное явление рассматривается.

Кроме того, риск может быть как характеристикой деятельности, так и возможным итогом данной деятельности. Мы придерживаемся такого понимания риска, как «действия наудачу в надежде на счастливый исход» [4]. При этом «склонность» мы трактуем как избирательную направленность

¹¹ Вектор науки Тольяттинского государственного университета. Серия: Педагогика, психология. 2019. – №1 (35). – С. 69–74.

человека на конкретную деятельность, побуждающую его заниматься. Склонность к риску рассматривается как направленность личности, эмоциональная предпочтительность к видам действий и ситуаций, связанных с риском. Склонность к риску предполагает выбор вариантов альтернатив, сопряженных с большей вероятностью угрозы потери.

Рискуя, индивид всегда действует наугад, надеясь на положительный исход того или иного поступка. В некоторых случаях это может быть обусловлено необходимостью. И все же неоправданный риск доминирует в жизни подростков. Так, например, стремясь обрести популярность, юноши и девушки часто решаются на риск из-за впечатляющей фотографии, могут спрыгнуть с моста, поставить большую сумму на любимую команду и т. д. Рискуют подростки прежде всего именно потому, что они таким образом экспериментируют, исследуют и пытаются самоутвердиться. И.В. Цветкова на основе социологического исследования выделяет три группы подростков: 1) «осторожные», избегающие риск; 2) «подверженные влиянию», с ориентацией на достижение успеха любой ценой; 3) подростки, «склонные к риску», с претензией на лидерство [5].

В ходе анализа проблемы рискованного поведения важно отметить, что склонность к риску в молодежной среде может проявляться в конструктивной и деструктивной формах [6].

Конструктивное рискованное поведение, как правило, способствует адаптации к условиям динамичной современной жизни, способствует самораскрытию и самореализации подростка. Такая модель поведения не наносит вреда здоровью и не снижает качество жизни человека. Рискованное поведение неконструктивного типа изначально может быть опасным для здоровья и жизни, препятствовать осуществлению жизненных планов, открытию своего настоящего «Я».

В качестве внешних факторов рискованного деструктивного поведения чаще всего выступают информационное влияние референтной группы, нормативное влияние аффилированных групп, материально-бытовые условия и т. д. [7]. К внутренним факторам могут быть отнесены особенности формирования личности ребенка (жизненные приоритеты, уровень самооценки, мотивы поведения) [7]. А.Г. Ковалинская, исследуя феномен подростковой экстремальности, подчеркивает, что ключевым фактором рискованного поведения выступает неблагоприятная семейная ситуация и безнадзорность подростка [8].

Особое внимание современные исследователи в контексте рискованного поведения уделяют Интернету [9]. Интернет дает возможность реализовать новые качества и роли личности, которые не находят воплощения в реальной жизни или скрываются. Сеть позволяет проиграть и реализовать любое фантастическое «Я», то есть самореализоваться в новом качестве, не свойственном привычным социальным ролям в реальной жизни [10]. Но, наряду с этим, такие факторы, как отсутствие границ, цензуры и ограничений,

анонимность, снижение уровня ответственности, провоцируют рискованное поведение [11].

Американский психолог Л. Стейнберг провел эксперимент, где участники эксперимента в видеоигре симулировали вождение автомобиля. На первом этапе участники играли вместе со сверстниками, на втором в одиночестве. Результаты показали, что в окружении сверстников подростки, в основном, выбирают рискованные комбинации. Поведение взрослых в присутствии наблюдателей практически не менялось. Такой же эксперимент провел Л. Стейнберг и в естественных условиях вождения настоящей машины на дороге. И в такой ситуации подростками, в отличие от взрослых, допускались опасные маневры, увеличивалась скорость, а в присутствии другого подростка эти тенденции намного усиливались [12].

В конечном итоге, психологически подростковый возраст является очень противоречивым, отличающимся максимальными диспропорциями в уровне и темпах развития. В результате повышение склонности к риску у подростка объясняется рядом таких причин, как: во-первых, биологические особенности (своеобразие процессов обмена и гормонального фона организма), во-вторых, психологическая своеобразность личности подростков: импульсивность, эмоциональная неустойчивость, экстраверсия. В некоторых случаях склонность к риску может быть обусловлена и эмоциональным неблагополучием, отражая, в свою очередь, напряженность, беспокойство, непримиримость, желание продемонстрировать независимость и быть более авторитетным в глазах сверстников [13; 14].

Важное отличие пубертатного периода заключается, прежде всего, в зарождающемся чувстве взрослости, когда уровень притязаний подростка предваряет потенциальное его положение, которое им реально еще не достигнуто, существенно превышая его внутренние резервы. В связи с этим подростки начинают чаще конфликтовать с родителями, педагогами и с самим собой. По большому счету, это этап завершения детства и начала «вырастания» из него [15].

Подростки, оценивая себя, начинают опираться на свои внутренние критерии, постепенно отходя от прямого копирования оценок взрослых. В то же время самооценка подростков крайне противоречива, недостаточно целостна, что может стать причиной множества немотивированных поступков, в том числе и девиантных.

Цель исследования – выявление личностных факторов, детерминирующих проявление высокой склонности к риску у подростков.

МЕТОДИКА ИССЛЕДОВАНИЯ

В ходе исследования мы выдвинули следующую гипотезу: подросткам присуща тенденция к проявлению высокой склонности к рискованному поведению: в качестве личностных факторов, детерминирующих ее проявление, выступают тревожность, ригидность, агрессивность, фрустрированность и неадекватная самооценка. В исследовании приняли участие 60 подростков

муниципальных образовательных учреждений г. Уфы в возрасте 15–16 лет (из них 28 мальчиков, 32 девочки).

В качестве диагностического инструментария использовался опросник А.Г. Шмелева для определения склонности к риску [16]. Испытуемым предлагается 50 утверждений, которые необходимо оценить по отношению к себе как «верно» или «не верно». По результатам опроса выявляются высокий, средний и низкий уровни склонности к риску. Автор методики предупреждает, что, интерпретируя полученные результаты, нужно иметь в виду, что высокая выраженность склонности к риску может свидетельствовать не только о решительности, но и об авантюризме испытуемого.

Для измерения склонности к экстремально-рискованному поведению была применена методика М. Цуккермана «Самооценка склонности к экстремально-рискованному поведению» [16]. Опросник содержит 40 утверждений, которые характеризуют поведенческие ориентации, основанные на потребностях в риске, экстремальности и новизне. Испытуемым необходимо выбрать наиболее подходящий для них вариант ответа. В опросник включены 4 шкалы: поиск острых ощущений (ПОО), непереносимость однообразия (НО), поиск новых впечатлений (ПНВ), неадаптивное стремление к трудностям (НСТ).

Для измерения уровня самооценки была использована методика Р.В. Овчаровой. Подросткам предлагается 16 вопросов с 3 вариантами ответов «да», «нет», «трудно сказать». По итоговой сумме полученных баллов выделяются заниженный, завышенный и адекватный уровни самооценки [17].

Для диагностики тревожности, фрустрации, агрессивности и ригидности использовалась методика Г. Айзенка «Самооценка психических состояний». Испытуемым предлагается оценить свое психическое состояние от 0 до 2 баллов: если это состояние очень подходит, то ответ оценивается в 2 балла, если не совсем соответствует – 1 балл; если совершенно не характерно – 0 баллов. Опросник состоит из 40 утверждений [16].

Тревожность в данном случае трактуется как индивидуальная психическая особенность, которая обнаруживается в предрасположенности человека к постоянным и сильным переживаниям состояния беспокойства, а также в низком пороге его возникновения. Фрустрация – психическое состояние, которое является результатом неуспеха в процессе удовлетворения потребности, желания. Характеризуется такими негативными переживаниями, как разочарованность, обеспокоенность, подавленность, недовольство и т. п. Агрессивность – враждебное, непримиримое отношение человека к людям и окружающему миру. Ригидность – невозможность личности адаптироваться к новым условиям, обусловленным объективными внешними изменениями [18].

Взаимосвязь предрасположенности к риску со свойствами самооценки определялась с помощью коэффициента ранговой корреляции Спирмена.

Коэффициент, предложенный К. Спирменом, является непараметрическим показателем связи между переменными, измеренными в ранговой шкале. Данный показатель характеризует степень тесноты связи

порядковых признаков, представляющих собой ранги сравниваемых величин. Значение коэффициента корреляции Спирмена находится в диапазоне +1 и -1[19].

РЕЗУЛЬТАТЫ ИССЛЕДОВАНИЯ И ИХ ОБСУЖДЕНИЕ

На первом этапе нашего исследования выявлялась выраженность склонности к риску в подростковой среде с помощью опросника А.Г.Шмелева. Полученные результаты свидетельствуют о том, что больше половины опрошенных подростков (71,53 %) имеют высокий уровень предрасположенности к риску, у 23 % подростков обнаружен средний уровень к риску, и лишь 5,47 % испытуемых менее всего подвержены к рискованному поведению.

Анализ эмпирических данных, полученных с помощью методики М. Цуккермана по диагностике склонности к экстремально-рискованному поведению, был осуществлен в соответствии с выделенными шкалами: «поиск острых ощущений» (ПОО), «непереносимость однообразия» (НО), «поиск новых впечатлений» (ПНВ), «неадаптивное стремление к трудностям» (НСТ).

Таблица 1

Уровневые характеристики самооценки склонности к экстремально-рискованному поведению (по методике М. Цуккермана)

Уровень \ Шкала	ПОО*	НО	ПНВ	НСТ
Высокий	68,42 %	29,31 %	10 %	13 %
Средний	8,58 %	63,5 %	66,6 %	71 %
Низкий	23 %	7,19 %	23,4 %	16 %

*Примечание: ПОО – поиск острых ощущений, НО – непереносимость однообразия, ПНВ – поиск новых впечатлений, НСТ – неадаптивное стремление к трудностям.

Как следует из таблицы 1, большая часть подростков (68,42 %) демонстрирует высокую степень поиска острых ощущений. Действительно, подростки стремятся к поиску чего-то нового, того, что будоражит, оставляет яркие впечатления и незабываемые ощущения. Средний уровень поиска острых ощущений представлен у 8,58 % испытуемых, низкий уровень – у 23 %.

По шкале «непереносимость однообразия» 29,31 % подростков не способны терпеть однообразие повседневной жизни, 63,5 % подростков имеют средний уровень непереносимости однообразия и только 8,58 % опрошенных к однообразию относятся терпимо, оно у них не вызывает отторжения.

Показатель по шкале, отражающий потребность в новых впечатлениях, у большинства подростков (66,6 %) находится на уровне среднего, 10 % респондентов имеют высокую потребность в новых впечатлениях, а 23,4% низкую.

По шкале «неадаптивное стремление к трудностям» высокий уровень имеют 13% подростков. Это, как правило, люди, стремящиеся находить и преодолевать трудности. Низкие баллы по этой шкале характеризуют тенденцию к избеганию трудностей, перекладыванию ответственности на других людей уровень. Такой уровень выявлен у 16% подростков.

Подавляющее большинство подростков (71 %) имеют средний уровень неадаптивного стремления к трудностям.

На основании проведенного анализа, можно утверждать, что большинству подростков свойственна высокая предрасположенность к риску, которая проявляется прежде всего в выраженности потребности в поиске острых ощущений и новых впечатлений, в непереносимости однообразия и неадаптивном интересе к преодолению трудностей.

Здесь следует отметить, что сам риск тоже может быть разным. Когда речь идет об отрицательном риске, мы наблюдаем опасное для жизни и здоровья поведение подростка. Это может быть связано с употреблением наркотических веществ, алкоголя, пищевыми расстройствами, противоправным поведением и т. п. Факторами риска, обуславливающими опасное поведение, могут выступать заниженная самооценка, низкая мотивация достижения, неуспешность в учебной деятельности, неприятность в коллективе сверстников и т. д. [20].

В ситуации положительного риска (риска с пользой для себя) осуществляется гармоничная социализация, стимулируется личностное развитие, преодолеваются страхи. Такой риск активизирует достижение целей, мотивирует на определенный результат, влияет на межличностное и межгрупповое общение, вдохновляет к опробованию нового. Подростки начинают все больше демонстрировать свою независимость от взрослых и выбирают для этого конструктивные способы.

На следующем этапе исследования была поставлена задача определить, насколько свойства самооценки и доминирующие психические состояния взаимосвязаны со склонностью к риску в подростковом возрасте.

Результаты, полученные в ходе опроса по методике Р.В. Овчаровой, свидетельствуют о том, что половина опрошенных (51 %), имея заниженную самооценку, стремятся быть незаметными, не доверяют себе, не уверены в своих возможностях. Адекватная самооценка выявлена у 36,5 % подростков, завышенная у 12,5 %.

Результаты исследования психических состояний подростков по опроснику Г. Айзенка представлены в таблице 2.

Таблица 2

Уровневые характеристики самооценки психических состояний у подростков
(опросник Г. Айзенка)

Уровень \ Состояние	<i>Низкий</i>	<i>Средний</i>	<i>Высокий</i>
Тревожность	46 %	54 %	—
Фрустрация	56 %	41 %	3 %
Агрессивность	30 %	64 %	6 %
Ригидность	46 %	48 %	6 %

Рассмотрим полученные данные подробнее. Следует отметить, что наличие определенного уровня тревожности является естественным и обязательным для активной и деятельной личности. Для каждого человека

характерна оптимальная или приемлемая степень тревожности. В психологическом феномене тревожности выделяются две составляющие: тревожность как состояние и тревожность как личностная особенность. В исследованной нами группе не выявлено ни одного подростка с высоким тревожным состоянием. Большая часть подростков (54 %) имеет средний, допустимый уровень тревожности, 46 % имеют низкий уровень тревожности, характеризующийся тем, что человек не может адекватно оценить степень угрозы, чересчур спокоен, не предполагает возможность возникновения трудностей и наличие рисков.

Анализ результатов исследования состояния фрустрации показывает, что в нашем случае преобладают подростки с низкой фрустрацией (56 %). Это проявляется в том случае, когда испытуемые имеют завышенную самооценку, проявляют устойчивость к неудачам и не боятся трудностей. У 41 % подростков выявлен средний уровень, показывающий, что фрустрация имеет место. Только у 3 % испытуемых диагностирован высокий уровень фрустрации, что свидетельствует о том, что такие подростки, как правило, имеют низкую самооценку, избегают трудностей и боятся неудач.

Исследование ригидности показало, что 48 % опрошенных имеют среднюю ригидность, 46% имеют низкую ригидность, проявляющуюся в легкой переключаемости и позволяющую адаптироваться к изменяющимся условиям среды.

Анализ данных по агрессивности показывает, что большинство подростков (64 %) имеют среднюю агрессивность, а 46 % имеют низкую агрессивность. В данном случае следует отметить, что агрессивность рассматривается нами как свойство личности, которое заключается в готовности и предпочтении использования насильственных средств для реализации своих целей. Нужно отметить, что как раз для подросткового периода характерен процесс активного формирования агрессивности не только как ситуативного проявления, но и как стойкой характеристики личности. Проявление агрессивности подростков способствует самоутверждению в коллективе и детерминирует в том числе и рискованное поведение и при этом зависит существенно от воздействия и оценки сверстников.

На этапе математической обработки результатов исследования с помощью коэффициента ранговой корреляции Спирмена определялась взаимосвязь предрасположенности к риску (опросник А.Г. Шмелева) и уровней самооценки, тревожности, фрустрированности, ригидности, агрессивности.

Таблица 3

Результаты корреляционного анализа

Признак 1 \ Признак 2	Самооценка	Тревожность	Ригидность	Фрустрированность	Агрессивность
Склонность к риску	0,28*	-0,31*	-0,26*	-0,38**	0,30*

Примечание: * – уровень значимости 0,05; ** – уровень значимости 0,01

Таким образом, была обнаружена статистически значимая обратная корреляционная связь между такими состояниями, как тревожность, ригидность, фрустрированность. Прямая корреляционная связь обнаружена между склонностью к риску и агрессивностью, а также с самооценкой.

В действительности, в желании и стремлении рисковать нет ничего негативного. Это одна из сторон становления личности, определенный этап, когда вчерашний ребенок, отделяясь от семьи, включается в окружающий его мир. Подросток стремится экспериментировать, нацелен на разнообразие, самостоятельность, независимость. Но в подростковых экспериментах есть и опасные стороны, и рисковать подростки могут по-разному. Как раз данный аспект необходимо учитывать в ходе определения стратегии организации превентивных и профилактических мер, потому что подростку необходимо прежде всего освоить навыки риска в безопасной зоне, научиться брать ответственность на себя и быть готовым к решению жизненных и психологических проблем.

ОСНОВНЫЕ РЕЗУЛЬТАТЫ И ВЫВОДЫ

Обнаружено, что для подростков свойственна высокая склонность к экстремально-рискованному поведению, что проявляется преимущественно в поиске острых ощущений и новых впечатлений. Значимые взаимосвязи установлены между склонностью к риску и такими особенностями личности, как самооценка, тревожность, фрустрированность, ригидность и агрессивность. На основании выявленных взаимосвязей сделано заключение о том, что высокая склонность к риску у подростков детерминирована такими личностными факторами, как, во-первых, высокая агрессивность и завышенная самооценка, а, во-вторых, низкая тревожность, низкая ригидность и низкая фрустрированность.

Литература

1. Фрейд З. «Я» и «Оно». – СПб.: Питер, 2018. – 224 с.
2. Кон И.С., Фельдштейн Д.И. Отрочество как этап жизни и некоторые психолого-педагогические характеристики переходного возраста // Хрестоматия по возрастной психологии. – М.: МПСИ, 2010. – С. 215–222.
3. Чередниченко И.П., Тельных Н.В. Психология управления. – Ростов-на-Дону: Феникс, 2004. – 608 с.
4. Ожегов С.И. Толковый словарь русского языка. – М.: Мир и образование, 2018. – 1376 с.
5. Цветкова И.В. Социальная типология подростков на основе самооценки склонности к риску // Карельский научный журнал. – 2018. – Т. 7. – № 1. – С. 214–218.
6. Пузыревич Н.Л. Развитие подростков с рискованным поведением в семье // Социальная психология и общество. – 2014. – Т. 5. – № 1. – С. 108–113.

7. Фахрадова Л.Н., Разварина И.Н., Смолева Е.О. Рискованное деструктивное поведение подростков и условия его формирования // Проблемы развития территории. – 2017. – № 1. – С. 114–129.
8. Ковалинская А.Г. Склонность к риску и экстремальная активность подростков // Развитие современной науки: теоретические и прикладные аспекты: сборник статей. – Пермь: ИП Сигитов Т.М., 2017. – С. 140–141.
9. Варанкина В.С., Воронина О.А. Проблема рискованного поведения молодежи в сети Интернет // Молодежь в меняющемся мире: вызовы современности: материалы VII международной научно-практической конференции. – Екатеринбург: УГПУ, 2017. С. 24–28.
10. Шиляева И.Ф. Особенности культуры общения в современном коммуникативном пространстве // Сибирский педагогический журнал. – 2014. – № 3. – С. 21–26.
11. Шиляева И.Ф. Интернет и культура общения личности // Педагогический журнал Башкортостана. – 2011. – № 5. – С. 263–273.
12. Стейнберг Л. Переходный возраст. Не упустите момент. – М.: МИФ, 2017. – 304 с.
13. Лакреева А.В., Варуха Л.В. Склонность к риску как фактор девиантного поведения подростков // Научно-методический электронный журнал Концепт. – 2016. – Т. 24. – С. 141–146.
14. Ульянова И.В., Попова Т.А. Рискованное поведение подростков как педагогический феномен // Современные наукоемкие технологии. – 2016. – № 9-2. – С. 343–349.
15. Божович Л.И. Психология формирования личности. – СПб.: Питер, 2015. – 398 с.
16. Практическая психодиагностика. Методики и тесты / под ред. Д.Я. Райгородского. – М.: БахраХ-М, 2017. – 672 с.
17. Овчарова Р.В. Психологическая фасилитация работы школьного учителя. – М.: Инфра-М, 2017. – 275 с.
18. Большой психологический словарь / под ред. Б.Г. Мещерякова, В.П. Зинченко. – М.: Прайм-Еврознак, 2009. – 816 с.
19. Шелехова Л.В. Математические методы в психологии и педагогике. – СПб.: Лань, 2015. – 224 с.
20. Ильин Е.П. Психология риска. – СПб.: Питер, 2012. – 288 с.

2.5. Влияние СМИ на суицидальное поведение молодежи

И.Ф. Шиляева И.Ф., З.Ю. Ишбаева¹²

Актуальность данной проблемы заключается в том, что самоубийства в последнее время превратились в одну из острых проблем нашего общества. Суицидные факторы остаются экстремально критическими. Постоянно происходящие в обществе неблагоприятные политические и социально-

¹² Гуманистическое наследие просветителей в культуре и образовании (XII Акмуллинские чтения): Материалы Международной научно-практической конференции. – Уфа: Изд-во БГПУ, 2018. – Том 3. – С. 146–149.

экономические события увеличивают чувство страха. Причинами самоубийств могут быть различные ситуации, происходящие в жизни индивида: нищета, отношения в семье и со сверстниками, алкоголь и наркотики, отверженная любовь, пережитое в детстве насилие, социальная изоляция, расстройства психики, а так же средства массовой информации (СМИ).

Специалистами давно обсуждается вопрос влияния средств массовой информации, например, статей в газетах или показов по телевизору о конкретных случаях суицидов, на суицидальное поведение молодых людей. Считается, что публикации в СМИ о суицидах могут вызвать подражающие самоубийства в соответствующей возрастной или социальной группе, часто называемые «эффектом заражения» или «синдромом Вертера» по аналогии с романом XVIII века, написанного И.В.Гёте.

Всемирная организация здравоохранения выступает за более взвешенное освещение суицидальных происшествий в средствах массовой информации. «Самоубийство является одним из самых трагических путей ухода из жизни. У большинства людей, размышляющих о самоубийстве, отношение к нему является неоднозначным. Они не уверены в том, что действительно хотят умереть. Одним из многих факторов, которые могут подтолкнуть уязвимого человека к совершению самоубийства, нередко оказывается широкое освещение самоубийств в СМИ. Особенности освещения в СМИ случаев самоубийств могут оказать влияние на лиц с суицидальными наклонностями» [3, с.6]. Практически все исследователи считают вероятным такое влияние. В качестве примеров авторы приводят фактические данные об увеличении случаев самоубийств после демонстраций в СМИ тематических сюжетов.

Возможно, наиболее убедительным примером воздействия средств массовой информации на суицид можно считать факты, обнаруженные исследователями А. Шмидтке, Х. Хэфнер [2]. После того как по телевидению показали самоубийство 19-летнего немецкого студента на железной дороге, в течение 70 дней после этого увеличилось число суицидов, совершенных подобным образом среди подростков. Основной аудиторией телевизионной программы были старшие подростки мужского пола. По данным Д. Филипс, степень популярности истории о самоубийстве прямо пропорциональна числу последующих суицидов. Д. Филлипс обнаружил, что уровень самоубийств бывает повышенным в течение 10 дней после телевизионных сообщений о случае суицида [2].

С недавних пор ряд новых вопросов возник в связи с использованием сети Интернет. В нем существуют сайты с материалами, способствующими осуществлению планов лиц, размышляющих о самоубийстве, и сайты, ориентированные на превенцию суицидов.

В связи с этим целью нашего исследования был анализ влияния СМИ на формирование суицидального поведения на основе контент-анализа сообщений новостных сайтов. В ходе эмпирического исследования был проведен контент-анализ содержания сообщений медийно-сервисного интернет-портала «Рамблер/новости». Анализировались 22 статьи за февраль – март 2017 года.

Контент-анализ (англ. contents – содержание) – метод выявления и оценки специфических характеристик текстов и других носителей информации (видеозаписей, теле- и радиопередач, интервью, ответов на открытые вопросы и т.д.), в котором в соответствии с целями исследования выделяются определенные смысловые единицы содержания и формы информации (например, психологические характеристики персонажей сообщений массовой коммуникации, виды взаимодействия людей, жанры сообщений и т. д.). Затем производится систематический замер частоты и объема упоминаний этих единиц в определенной совокупности текстов или другой информации [1].

В нашем случае в качестве таких ключевых единиц анализировались: суицид, суицидальное поведение, аутодеструктивное поведение, девиантное поведение, насилие, доведение до самоубийства, меры предупреждения, профилактика актов суицида, склонение к самоубийству.

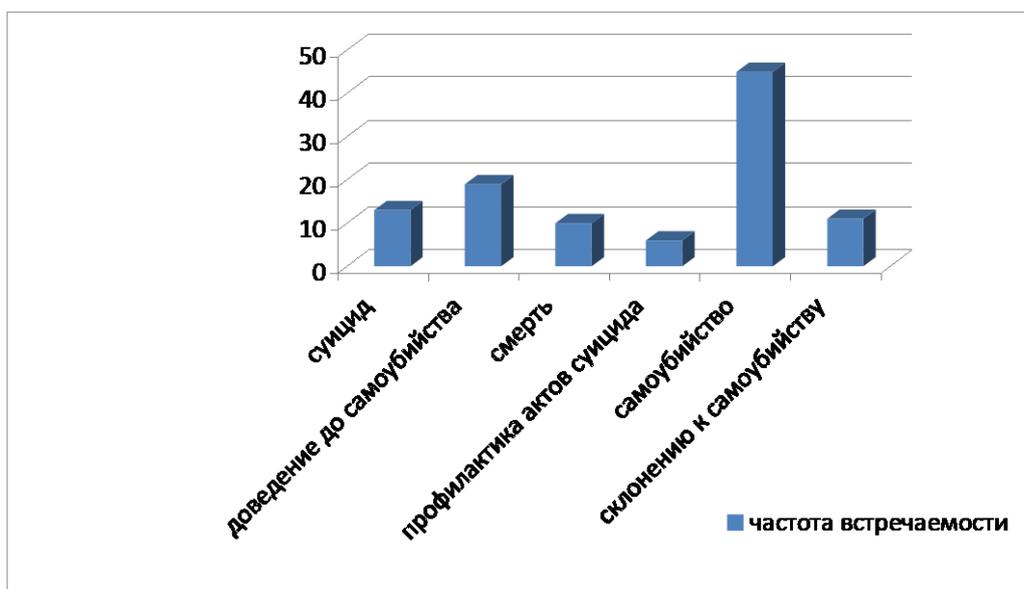

Рис. 1. Количественное соотношение фактора встречаемости

Данные, представленные на рисунке 1, показывают, что среди представленных параметров значительно преобладает термин «самоубийство». Мы можем предположить, что в статьях или сообщениях на тему суицида, чаще всего используют термин «самоубийство». Наименее используемое словосочетание – «профилактика актов суицида». Остальные параметры – суицид, доведение до самоубийства, смерть и склонению к самоубийству по данным гистограммы, находятся примерно на равном уровне.

Выявив многократно встречающийся термин, нам необходимо определить частоту его встречаемости в каждой статье интернет-портала «Рамблер/новости». Результаты представлены на рисунке 2.

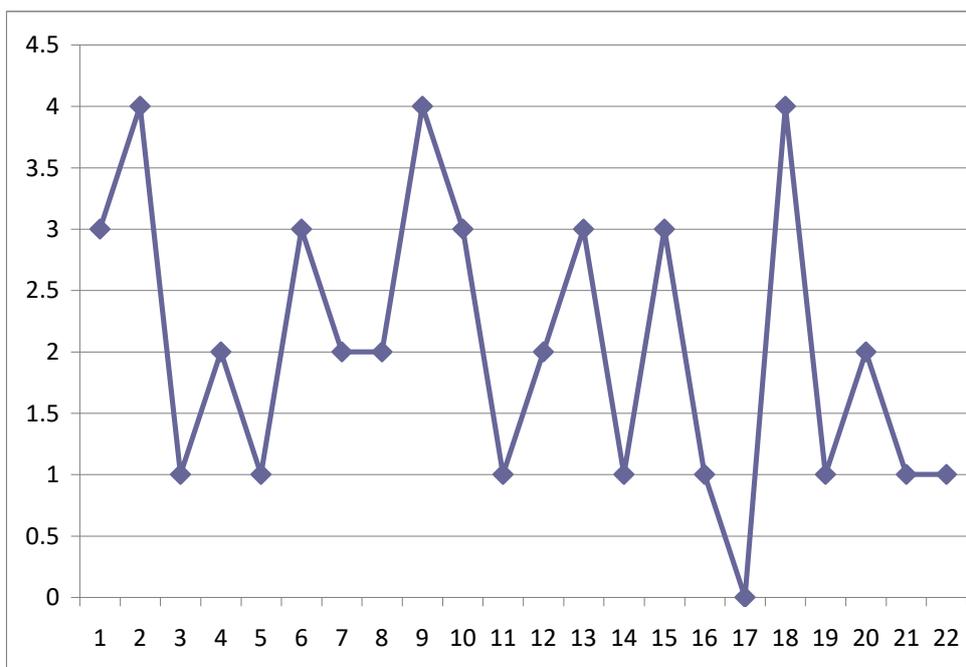

Рис. 2. Частота встречаемости термина «самоубийство»

На основании полученных данных можно заметить, что из 22 (100%) статей лишь в одной (4%) не встретился термин «самоубийство». Во всех остальных статьях 21 (96%) данный параметр встречается не менее одного раза.

Таким образом, мы приходим к выводу, о том, что такой параметр, как «самоубийство», превалирует в статьях СМИ про суицид. Составители статей, данные слова употребляют, как и в заголовках, так и в тексте сообщений, не подозревая о том, что таким образом происходит «пропаганда» на данную тему, которая может повлиять, как на неокрепшее подсознание подростков, так и на более взрослое поколение.

Очевидно, что репортажи в средствах массовой информации о суицидальных происшествиях должны учитывать, как минимум, следующие аспекты:

- любой показ суицидального поведения должен быть после консультации с экспертом (психологом, психиатром);

- подробную демонстрацию конкретных случаев суицида, способов самоубийства следует ограничить;

- любые упоминания о суицидальных происшествиях в СМИ должны сопровождаться информацией о горячих линиях и другой возможной помощи молодым людям со стороны соответствующих служб;

- следует ограничивать использование тематических иллюстраций методов, мотивов, причин, которые двигали суицидентами. Освещение в СМИ излишних деталей, фактов, причин самоубийства, публикация предсмертной записки может сформировать у подростков, молодежи и уязвимых слоев населения характерные образы и эффект подражания [2];

- необходимо избегать широкого гипертрофированного освещения и/или чрезмерного повторения, тиражирования новости, связанной с суицидом;

– рекомендуется избегать упоминания самоубийства или суицидальной попытки в заголовке, особенно броском, кричащем, набранном крупным шрифтом, в особенности на первой полосе газеты (журнала); главной странице Интернет-издания, в новостных агрегаторах браузеров; в начале ТВ- и радиопередач;

– недопустимо в конце интернет-публикации на тему суицида или попытки суицида размещать подборку материалов схожей тематики – это способствует негативному восприятию окружающей действительности и способно индуцировать депрессивные состояния и суицидальное поведение у людей из группы риска. Подборку материалов суицидальной тематики рекомендуется заменять ссылками на публикации жизнеутверждающей направленности [4].

Таким образом, вопрос освещения суицида и суицидального поведения в СМИ не только один из наиболее актуальных, но и один из наиболее острых вопросов обеспечения социальной безопасности современной молодежи.

Литература

1. Аверьянов Л.Я. Контент-анализ. – М.: КноРус, 2007. – 12 с.
2. Вихристюк О.В. Влияние средств массовой информации на суицидальное поведение подростков и молодежи (обзор зарубежных источников) // Современная зарубежная психология. – 2013. – №1. – С.100–108.
3. Всемирная организация здравоохранения. Превенция самоубийств. Руководство для специалистов средств массовой информации. – Одесса, 2005.
4. Рекомендации по освещению суицидов в СМИ [Электронный ресурс] // Лига безопасного интернета. – Режим доступа: <http://ligainternet.ru/news/news-detail.php?ID=12991> . – Дата обращения 22.11.2017.

2.6. Деструктивная интернет-игра «Синий кит» как девиантологический феномен: постановка проблемы

***Ю.А. Клейберг*¹³**

Ни для кого не секрет, что использование психологических манипуляций в процессе межличностного взаимодействия и общения является достаточно распространенным социально-психологическим явлением и постоянно присутствует в различных культурах и странах как в прошлом, так и в настоящее время.

Логика современного общественного развития характеризуется тем, что это развитие не только не снизило, а, наоборот, усилило тенденции применения новейших приемов и IT-технологий информационного воздействия (массмедиа), как механизм манипулятивного воздействия (манипуляции, манипулирование) на психику людей и особенно подростков и молодежи, провоцирующий дезориентацию их социальной активности, вызывающий психоэмоциональную и социальную напряженность, дезорганизуя деятельность. Человеческая «деятельность породила новую реальность» [Буева, 1978, с.81, 104–105] – тема «Синих китов» возникла либо параллельно, либо сразу вслед за темой «спайсы»,

¹³ Электронный научный журнал «Пензенский психологический вестник». – 2017. – №1 (8)

как деструктивные поведенческие паттерны подражания. И главной «мишенью» информационно-психологического воздействия, как всегда, стали тинэйджеры (подростки) и молодежь, их психика.

Виртуальная игра «Синий кит» с ее хэш-тегами «Разбуди меня в 4:20», «Кит», «Тихий дом», «Ищу куратора», «Хочу в игру», как источник, повышающий степень неадекватности, иллюзорности информационной среды общества, буквально взбудоражила сознание современных подростков – стала вполне реальной по своему деструктивному результату. С каждым днем количество желающих в среде подростков и юношества поиграть в смерть увеличивается с нарастающей прогрессией. Эта «игровая забава» современных подростков привлекает внимание и правоохранительные структуры, и общественность, и ученых, и администрации социальных сетей.

Из биологии 7 класса (2014) нам известно, что «синий кит (англ. blue whale, букв. – синий кит, разговор. – блювал) – морское животное отряда китообразных, самое большое современное животное, крупнейшее из всех животных, когда-либо обитавших на Земле. Синий кит – преимущественно одиночное животное, хотя иногда синие киты и образуют немногочисленные группы, состоящие из 2-3 голов». Но синие киты известны еще и тем, что ежегодно совершают суициды, иногда коллективные.

В этой связи интересен выбор организаторами игры «Синий кит» символа игры – синего кита. На самом же деле «Кит» – это не что иное, как библейский Левиафан – морское чудовище, упоминаемое в Ветхом Завете. В тексте Исаии Кит выступает как символ зла, воплощением которого в религиозных текстах выступает сам сатана, дьявол. Кстати, по мнению многих исследователей Библии, где речь идет о Левиафане, имеется в виду именно дьявол (поэтому в старину китов и китобоев называли одинаково – «морскими дьяволами»).

Вероятно, эта «девиантологическая» особенность морского животного стала для подростков и молодежи своеобразной привлекательной психологической «приманкой», объединяющей их в группы смерти. Данные криминальных сводок и сообщений СМИ свидетельствуют, что за десять месяцев 2016 года было совершено более 200 самоубийств несовершеннолетних игроков «Синего кита» и около 90 неудавшихся попыток суицида; в Якутии была предотвращена попытка коллективного суицида, в котором планировалось задействовать около 100 молодых людей [5; 6]. Все они выполняли последнее, 50-тое задание, которое получили в социальных сетях от своих кураторов. Рунет буквально разрывает появление все новых и новых группы смерти. Социальная сеть «ВКонтакте» пестрит сотнями суицидальных пабликов, где подростки чатятся на суицидальную тематику. Десятки тысяч подписчиков сообщают своим читателям об одиночестве, безнадежности, несправедливости, отчаянии, бессмысленности жизни.

Но, как это часто у нас бывает, явление «Синий кит» получило широкий резонанс и вызвало ажиотаж только в начале 2017 года, однако это вовсе не означает, что его не существовало раньше. Мы мало или совсем не придаем значения приглашениям в социальных сетях поиграть в те или иные игры, при

этом не задумываемся о настоящей сути этих игр, не догадывается об истинном замысле их организаторов.

Однако, напомним, что Э.Берн (1992), в рамках своего концептуального подхода к межличностному взаимодействию, разработал соответствующий понятийный аппарат и методический инструментарий, позволяющий анализировать межличностные манипуляции, осуществляемые, в том числе, и бессознательно. Он пишет: «Игрой мы называем серию следующих друг за другом скрытых дополнительных транзакций с четко определенным и предсказуемым исходом. Она представляет собой повторяющийся набор порой однообразных транзакций, внешне выглядящих вполне правдоподобно, но обладающих скрытой мотивацией; короче говоря, это серия ходов, содержащих ловушку, какой-то подвох [...]. Игры могут быть нечестными и нередко характеризуются драматичным, а не просто захватывающим исходом» [Берн, 1992, с.37].

«Драматургия» игры «Синий кит» незамысловата и понятна, и от того привлекательна для несовершеннолетних детей – подросток должен выполнить 50 рискованных и опасных заданий: сначала нарисовать на руке ручкой хештеги, затем лезвием – синего кита, вскрыв при этом себе вены, финальное (50-ое) задание – суицид. Если подросток не убьет себя, организаторы игры обещают умертвить его родных и близких. При этом модераторы игры владеют необходимой информацией об игроке, которой умело пользуются для манипуляторного воздействия на его несформировавшуюся психику.

Совершенно очевидно, наше общество упустило очередное новое социальное явление, которое может стать большой социальной и психологической опасностью, способной уничтожать подрастающие поколения без всяких политических идеологов и войн. Эти процессы могут привести и уже приводят к таким отрицательным последствиям, как исключение из активной социальной жизни части представителей молодого поколения. Это явление грозит обществу и государству в целом социальной катастрофой. Оно опасно еще и тем, что по некоторым данным, исследование суицидальных и околосуицидальных сообществ в социальных сетях демонстрирует полную схожесть их методов с методами идеологов и пропагандистов «Исламского государства» («ИГ»), запрещенного в России и других странах. В зависимости от индивидуально-психологических особенностей личности, подростков незаметно подводят к мысли о самоубийстве (контингент суицидальных групп), либо убийстве других людей (вербуемые в «ИГ»). При этом условно-«игиловский» и условно-суицидальный контингенты частично могут объединиться (феномен террористов-смертников) [6]. Главный вывод, который делает исследователь, состоит в том, что в глобальном плане за обеими направлениями стоят одни и те же силы.

Похоже, мы, как всегда, ждем «грома», когда уже будет поздно «креститься». Однако давайте попытаемся ответить на вопрос: что же это за силы, которые так ловко манипулируют сознанием наших детей, предлагая им «поиграть» в смерть? Предполагаю, что проект под названием «Исламское

государство» потерпел фиаско, хотя и достиг своих деструктивных результатов, и поэтому потихоньку «сворачивается». Не исключая, что у идеологов-игиловцев, сектантов и т.п. нечисти появилась новая программа тоталитарного «психологического спайса», направленная на реализацию своих деструктивных амбиций через деформацию самого незащищенного, податливого, а потому открытого для психологических манипуляций и зомбирования – сознания детей и подростков, как правило с заниженной самооценкой. Но совершенно очевидно, что идет апробация новых психосоциальных технологий и внедрение специально ориентированных игротехнологий. Это уже грозит обществу социокультурными и психологическими катаклизмами (я уже не говорю об экономических и политических катаклизмах), это грозит подрыву государственности, наконец.

Игра «Синий кит» как раз, не что иное, как трансформированная новая форма, по своим идеологическим сценариям близкая к идеологии «ИГ», мимикрирует к благодатной социальной среде – среде детей, подростков и молодежи, у которой имеются проблемы в семье, школе и в себе самой, превращая их в безмозглую жертву, коллективных камикадзе внутри своей страны. Кстати, настоящие камикадзе не были террористами, они отдавали жизнь за Родину и ее идеалы, и уж тем более не убивали детей, женщин и стариков!

Идеологи, модераторы, администраторы и кураторы (часто это старшие подростки с неадекватной психикой, которые не могут выразить себя другим способом), наученные взрослыми наставниками и используя свои деструктивные приемы и психотехнологии, шантаж и возможный некий компромат, ради сокрытия которого ребенок готов пойти на самоубийство, – «играют» не на страхе подростка слыть «слабаком», «трусом», быть клейменным позором, и даже не на чувстве собственного самосохранения, а на страхе нанести моральный или иной вред своей семье.

С девиантологической точки зрения, психологическое насилие, тайное принуждение личности, шантаж в сатанинской, дьявольской игре «Синий кит» выступают своего рода технологией психологического управления сознанием личности и изменения ее поведения, вербовкой модераторов-экстремистов, и построены исключительно на психологических манипуляциях слабостями, страхами, неопытностью и соблазнами детской натуры. Сюда добавляется романтизация образа смерти, уход от проблем, которые имеются у подростков; им предлагают уйти в иной мир одним «здесь и сейчас» – все это ориентировано на психологию подростков, наиболее внушаемых и менее социально опытных. К тому же, администраторы, зная психологическое состояние ребенка, связываются с ним каждые сутки в 4:20 – время, когда спят их родители, у ребенка сонное состояние, и он не может адекватно оценить и воспринять информацию. С точки зрения психологии, если каждые 48 часов звонить в одно и то же время, то информация «оседает» в подсознании, человек к этому привыкнет. В этой связи актуальной является проблема информационно-психологической безопасности личности подростка,

обеспечивающая ее целостность как активного социального субъекта и возможностей развития в условиях информационного взаимодействия с окружающей средой [3].

Схема рассматриваемого процесса проста и даже примитивна: ситуация (сценарий) > манипулятор (субъект манипуляции) > ретранслятор (куратор – «третье лицо») > жертва («мишень» манипуляции). Сам процесс манипулирования может быть растянут во времени и представлять пошаговую процедуру (алгоритм) оказания манипулятивного воздействия на человека. У «Синего кита» протяженность игры составляет 50 дней и состоит из 50 заданий. Как видно из нашей схемы, наиболее уязвленной является «мишень» манипуляции, жертва – подросток. В качестве рабочей классификации мишеней манипулятивного воздействия на личность можно использовать следующие пять групп психических образований человека:

1. Побудители активности человека: потребности, интересы, склонности.

2. Регуляторы активности человека: групповые нормы, самооценка (в том числе чувство собственного достоинства, самоуважение, гордость), субъективные отношения, мировоззрение, убеждения, верования, смысловые, целевые, операциональные установки и т.д.

3. Когнитивные (информационные) структуры (в том числе, информационная основа поведения человека в целом) – знания об окружающем мире, людях и другие разнообразные сведения, которые являются информационным обеспечением активности человека.

4. Операциональный состав деятельности: способ мышления, стиль поведения и общения, привычки, умения, навыки и т.п.

5. Психические состояния: фоновые, функциональные, эмоциональные.

С учетом изложенного, целесообразно структурировать источники угроз информационно-психологической безопасности человека в межличностном взаимодействии при оказании на него манипулятивного воздействия на три основные группы.

Первая группа включает угрозы, связанные с возможностями манипулятора влиять на сам процесс межличностного взаимодействия. То есть, в соответствии со своими целями изменять его ход, организацию, процедуру, информационное содержание, используя для этого соответствующие приемы.

Вторая группа включает угрозы, связанные с возможностями использования манипулятором внешних для жертвы факторов. Их можно разделить на следующие подгруппы: а) условия внешней социальной среды (например, возможность использования «третьих лиц» для оказания воздействия, сложившихся социальных связей с жертвой и ее окружением и т.п.); б) собственный личностный потенциал манипулятора (например, такие его статусные преимущества как ролевая позиция, должность, возраст, материальное положение или наличие таких деловых и индивидуально-психологических характеристик как квалификация, образование, способности, знания, коммуникативные навыки и умения и т.п.); в) условия внешней физической среды (например, выбор места и времени проведения

межличностного взаимодействия, создание соответствующей предметно-вещной обстановки и т.п.).

Третья группа включает угрозы, связанные с возможностями использования манипулятором внутренних, психологических, индивидуально-личностных характеристик жертвы (в том числе, его состояния). Используя соответствующие приемы воздействия на различные психологические структуры личности жертвы, манипулятор достигает своих целей [3].

Однако с девиантологической точки зрения манипуляция – это скрытый психологический прием, инструмент целью которого является заставить человека, вопреки его интересам, выполнить нужные манипулятору действия. Немаловажный фактор манипулирования – сделать так, чтобы человек сам захотел это сделать. И ярчайший пример этому – деструктивная интернет-игра «Синий кит», где подросткам обещают свободу и независимость, но на деле они становятся жертвами, безмозглыми рабами.

Таким образом, не оправданные, не обдуманые и не просчитанные (в большинстве своем) радикальные социальные трансформации в российском обществе привели к тому, что почти все субъекты общественной жизни утратили свою прежнюю успешную идентификацию: базовые социальные институты (семья, школа), занимающиеся социализацией подрастающего поколения, находятся в состоянии шоковой реорганизации, «шараханья» из стороны в сторону, стратегического и тактического неведения и безмолвия, некоторые – дезорганизации и дистанцирования; культурные ценности, нормы, социальные взаимосвязи и ориентиры ослабевают или уже отсутствуют вовсе.

При всем разнообразии деструктивных социальных явлений их можно квалифицировать, как «моральная деградация» современного российского общества или, используя известное выражение Э. Гидденса, «испарение моральности» [Giddens A., 1984]. В таких условиях резко снижается эффективность позитивной социализации подростков и молодежи. И как следствие – проявление устойчивой тенденции к увеличению деструктивной девиации в их сознании и поведении, а также устойчивой криминогенной ситуации в подростково-молодежной среде.

Психологам хорошо известно, что подростковый возраст характеризуется не только стремлением подростков к увеличению амплитуды своей свободы и независимости от взрослых, но и стремлением к коллективному объединению. Именно в референтном подростковом объединении, субкультуре, социальной группе подросток реализует свои потребности в общении, самореализации и уважении, где часто именно сверстники становятся для него авторитетом и образцом для подражания и которые помогут своему ровеснику принять ответственность за свои решения и выборы в кризисной ситуации.

Американский психолог и педагог, один из основателей педологии, Грэнвилл Стэнли Холл (1904) одним из первых описал противоречивость и амбивалентность подросткового периода в жизни человека. Он считал, что подростковый период олицетворяет эпоху романтизма в истории человечества в

целом. Подростковый период является промежуточной стадией между детством (эпохой охоты и собирательства в истории развития общества) и взрослым состоянием (эпоха развитой цивилизации). Этот период, с точки зрения Г.С. Холла, связан с хаосом, основанном на противоречиях, присущих подростковому возрасту. Он называл подростковый период в развитии человека периодом бунтарства и бурь. В целом подростковый период насыщен стрессами, конфликтами, пограничными напряженными ситуациями, нестабильностью для человека. Этот период связан с кризисом самосознания подростка, но, преодолевая такой период, человек приобретает индивидуальность [7].

В этой связи, наряду с поднятой нами проблемой, актуальным является скорейшее возрождение разрушенной системы социальной, психологической и специальной профилактики девиантного и противоправного поведения подростков и молодежи. Эта система должна быть ориентирована на создание психолого-педагогических условий, способствующих осуществлению профилактики суицидального поведения в образовательной среде, которая должна включать: проведение диагностики в области прогнозирования суицидального риска, анализ динамики, результатов профилактики и коррекцию всей профилактической деятельности, профилактику суицидов в образовательных учреждениях на основе внедрения единой комплексной программы по формированию навыков адаптивного поведения, совместную деятельность образовательных учреждений и отдельных социальных институтов по предотвращению суицидального поведения молодежи (О.И. Ефимова, В.Б. Салахова, Н.В. Сероштанова, Н.Ю. Синягина, 2015). Эта система должна быть направлена также и на создание реальных условий для полноценного и интересного досуга детей, подростков и молодежи, развития у них способностей в творческой, познавательно-образовательной, спортивной, художественной и иной деятельности, условий, адекватных новым реалиям развития действительно демократического, правового и цивилизованного государства.

Литература

1. Буюева Л.П. Человек: деятельность и общение. – Москва, 1978.
2. Берн Э. Игры, в которые играют люди. Психология человеческих взаимоотношений; Люди, которые играют в игры. Психология человеческой судьбы. – Санкт-Петербург, 1992.
3. Грачев Г. Манипулирование личностью // <http://coollib.com/b/81265/read> (дата обращения 25.02.2017).
4. Giddens A. The constitution of society: Outline of the theory of structuration. – Cambridge: Polity Press, 1984.
5. <http://wordyou.ru/223092-sinij-kit-igra-vedushhaya-k-smerti-spisok-zadaniy-kak-nachat-igrat-gruppa-vk.html> (дата обращения 24.02.2017).
6. <http://kavkazgeoclub.ru/content/siniy-kit-igra-s-dyavolom> (дата обращения 25.02.2017).

7. http://studme.org/1953111724381/sotsiologiya/klassicheskie_sovremennye_sotsiologicheskie_teorii_molodezhi (дата обращения 03.01.2017).

2.7. Акцентуации характера как факторы риска развития аддиктивного поведения

М.Н.Усцева¹⁴

Одним из факторов развития аддиктивного поведения являются личностные особенности подростков. Именно подростки склонны пробовать на себе действие различных психоактивных веществ. Многие авторы указывают на то, что риск формирования алкоголизма, наркоманий и токсикоманий выше, если аддиктивное поведение начинается с подросткового возраста. Это связано с тем, что именно в этом возрасте происходят биологические, психосоциальные и психологические изменения.

В работах А.Е. Личко, В.С. Битенского описывается преморбидная структура личности. Отмечается, что у подростков с акцентуациями характера и психопатиями выше риск развития аддикции, но важным является не сколько степень аномалии характера (акцентуации или психопатии), а ее тип. Более подверженным возникновению аддиктивного поведения считаются подростки неустойчивого типа [4].

Личко А.Е. определяет акцентуации характера как крайние варианты нормы, при которых отдельные черты характера чрезмерно усилены, отчего обнаруживается избирательная уязвимость в отношении определенного рода психогенных воздействий.

Существуют классификации типов акцентуаций, основные из них: классификация К. Leonhard (1968) и классификация А.Е. Личко (1977, 1999). Различают следующие типы акцентуаций:

- 1) гипертимный;
- 2) циклоидный;
- 3) лабильный;
- 4) астено-невротический;
- 5) сенситивный;
- 6) психастенический;
- 7) шизоидный;
- 8) эпилептоидный;
- 9) истероидный;
- 10) неустойчивый;
- 11) комформный.

Выделяют две степени акцентуаций характера: явная акцентуация, принадлежащая к крайним и скрытая, принадлежащая к обычным вариантам нормы. Остается не совсем ясным, способствуют ли некоторые типы акцентуаций характера развитию аддиктивного поведения, или поведение способствует их выявлению, переводя скрытые акцентуации в явные [4].

¹⁴ Вестник Государственного гуманитарно-технологического университета. Сетевое издание. – 2017. – № 1.

В динамике акцентуаций подчеркиваются наиболее важные и значимые феномены:

1. Заострение акцентуированных черт характера в период их формирования с последующим их сглаживанием и компенсацией (переход явных акцентуаций в скрытые).
2. Развертывание скрытых акцентуированных черт определенного типа под влиянием психотравмирующих ситуаций.
3. Возникновение преходящих нарушений (девиаций поведения, аффективных реакций и пр.) на фоне акцентуаций характера.
4. Трансформация типов акцентуаций характера под влиянием конституционально заложенных механизмов или средовых влияний.
5. Формирование приобретенных психопатий на фоне акцентуаций характера.

Наиболее способствующим появлению зависимости является неустойчивый тип акцентуации. Неотъемлемой чертой неустойчивых подростков является гедонистическая установка, проявляющаяся как жажда новых развлечений и наслаждений, которые они получают в компании сверстников, где и происходит знакомство с психоактивными веществами.

Социальная дезадаптация обычно начинается с самого начала аддиктивного поведения или ему предшествует. Риск развития зависимости возрастает, когда черты неустойчивого типа могут наслаиваться на эпилептоидный, гипертимный и истероидный типы акцентуаций, то есть эти типы оказываются смешанными [4].

Что касается гипертимных подростков, то их особенностями являются: приподнятое настроение, оптимистичность, общительность, непереносимость одиночества, склонность к риску, а также непереносимость однообразной и размеренной жизни. Высокий жизненный тонус и постоянно приподнятое настроение нередко способствуют переоценке своих возможностей и способностей. Поэтому неудачи и критика со стороны окружающих могут вызвать бурную, но недолгую аффективную реакцию. Главной чертой таких подростков является слабая устойчивость к влиянию компаний, где происходит употребление психоактивных веществ, с целью улучшения групповой коммуникации.

А.Е. Личко и В.С. Битенский отмечают, что у подростков данного типа возможно длительное употребление без развития зависимости. Данный факт объясняется высоким биологическим тонусом, постоянным стремлением к деятельности – препятствующим быстрому развитию индивидуальной психической зависимости. Однако следует отметить, что групповая зависимость у таких подростков может развиваться довольно быстро. Также у гипертимов нередко бывает «первичный подростковый полинаркотизм», выражающийся в желании испытать на себе действие самых разных веществ [4].

К употреблению психоактивных веществ склонны и циклоидные подростки. Известно, что подростки данного типа характеризуются наличием фаз. Так, субдепрессивная фаза может сменяться обычным состоянием или фазой подъема настроения, когда подросток имеет черты, схожие с гипертимным подростком –

стремится к общению, в компании, не переносит одиночество и т.д. Такие подростки часто проявляют желание поднять настроение с помощью алкоголя или стимуляторов (веществ, поднимающих настроение) чаще в субдепрессивной фазе. Следует отметить, что употребление прекращается, если затем следует гипертимная фаза. В гипертимной фазе циклоидные подростки ведут себя соответственно в отношении и алкогольной, и других интоксикаций. Когда заканчивается фаза, заканчивается и злоупотребление.

Что касается шизоидных подростков, то главными чертами шизоидных подростков являются снижение потребности в общении, замкнутость, отгороженность от окружающих, неспособность или нежелание устанавливать контакты, сдержанность в проявлении чувств, которая воспринимается окружающими как холодность. Шизоидная акцентуация может являться фактором риска в отношении некоторых видов аддиктивного поведения. Такие подростки могут использовать ингалянты, способствующие визуализации представлений для стимуляции фантазий, особенно в младшем подростковом возрасте [4]. Алкоголь подростки с шизоидной акцентуацией употребляют как коммуникативный допинг, когда возникает необходимость активного общения, поскольку без него общение представляется невозможным.

Для эпилептоидных подростков характерна склонность к пониженному настроению, которое сопровождается злобливостью и раздражительностью, мрачностью, аффективной взрывчатостью, повышенной чувствительностью к действиям окружающих. Эпилептоидные черты могут развиваться и как следствие злоупотребления ингалянтами [4].

Главными чертами истероидных подростков являются эгоцентризм, стремление быть в центре внимания, восхищения, удивления, непереносимость равнодушного отношения. Такие подростки предпочитают стимуляторы и алкоголь, которые вселяют уверенность в себе, в своих силах, способностях, повышают активность и помогают приобрести вожацкое лидерство у сверстников.

Подростки с лабильной акцентуацией характеризуются крайней изменчивостью настроения, причем настроению присуща не, только смена, но и глубина. Неприятности переносятся тяжело, обнаруживается склонность к острым аффективным реакциям. Не переносят отвержения со стороны эмоционально значимых лиц. Вовлечение в употребление алкоголя или других веществ, как правило, связано с влиянием группы сверстников, где подросток ищет эмоциональную поддержку. По данным А.Е. Личко, В.С. Битенского (1991), чаще всего средством употребления оказываются ингалянты в младшем и среднем подростковом возрасте.

Наконец, для подростков с конформным типом акцентуации характерна постоянная готовность подчиниться окружению. Такие подростки подвержены влиянию компании, в которой и может происходить приобщение, а затем и злоупотребление психоактивных веществ.

Более устойчивыми к употреблению алкоголя, токсических веществ и наркотиков оказываются подростки без патохарактерологических особенностей, а

также подростки с астеноневротическим, сенситивным и психастеническим типами акцентуаций характера.

Необходимо отметить, что помимо фармакологии вещества, важной является и мотивация употребления психоактивных веществ. По некоторым данным мотивы злоупотребления условно разделяют: на позитивные – наслаждение; нейтральные – приспособление к группе; негативные – устранение тревоги.

По мнению А.Е. Личко, тип акцентуации характера оказывает влияние как на первоначальную, так и на последующую мотивацию употребления алкоголя. Так, у неустойчивых подростков главным мотивом употребления служит поиск удовольствий, легких развлечений.

У гипертимных подростков при отсутствии занятий, способных вызвать интерес, побудительным мотивом выступает возможность выхода энергии. Также подростки этого типа могут употреблять в компании сверстников, тем самым бравируя или желая занимать лидирующие позиции в той же компании.

У эпилептоидных подростков употребление психоактивных веществ может быть связано с желанием разрядиться, освободиться от негативных эмоций, однако, дальнейшее стремление постоянно разряжаться может стать причиной психической зависимости.

Что касается истероидных подростков, то здесь главным мотивом является привлечение внимания и желание удивить, выделиться.

При лабильной акцентуации главным мотивом употребления является поиск эмоциональной поддержки, понимания в компании, что особо значимо в случае, если семья подростка эмоционально отвергает его. Позже мотивом употребления становится желание поднять настроение, забыть о неприятностях, что является риском развития психической зависимости. Для циклоидных подростков характерно употребление алкоголя в периоды подъема настроения.

Конформные подростки употребляют психоактивные вещества, чтобы не выделяться и быть как все сверстники.

Подростки с шизоидным типом акцентуаций характера употребляют в ситуациях общения с целью снятия коммуникативного барьера, для уменьшения чувства робости, стеснительности, неловкости – как способ облегчения контактов [4].

Для анализа роли акцентуаций характера подростков в развитии и закреплении аддиктивного поведения было проведено исследование 90 подростков мужского пола в возрасте 14–16 лет. В качестве экспериментальной группы выступили подростки, употребляющие психоактивные вещества (преимущественно алкоголь и ингалянты) и находящиеся на лечении по поводу употребления ПАВ.

Контрольная группа представлена подростками, не замеченными в употреблении ПАВ, учащимися 8–9 классов.

Для исследования акцентуаций характера у подростков обеих групп применялась методика Х. Шмишека.

Анализ результатов исследования позволил обнаружить, что у подростков с аддиктивным поведением наблюдается присутствие большего количества акцентуаций по сравнению с подростками без признаков аддикции (рис. 1), однако, статистически значимых различий не обнаружено ($\chi^2=3,09$; $\nu=3$). В группе подростков с аддиктивным поведением у 26% подростков акцентуации отсутствуют. Чаще всего подростки экспериментальной группы (37%) обнаруживают одну акцентуацию характера, у 30% подростков выявлены две акцентуации, 7% подростков имеют более двух акцентуаций [5].

В контрольной группе у большинства (48%) подростков акцентуации характера отсутствуют; 24% подростков без химической зависимости имеют одну акцентуацию характера; 24% – две акцентуации и у 4% подростков выявлены более двух акцентуаций (рис. 1).

Важно отметить, что у подростков экспериментальной группы преобладающими типами акцентуаций являются гипертимический (32% акцентуированных подростков); экзальтированный – (21%); возбудимый (11%) и дистимический (11%). Среди подростков контрольной группы, ведущими являются гипертимический (31% подростков); циклотимический – (31%); педантический (15%) и эмотивный (15%).

Следовательно, подростки с аддиктивным поведением в большей степени подвержены сиюминутным настроениям, легко переходят от состояния восторга к печали, импульсивны, раздражительны, иногда конфликтны; в некоторых случаях характеризуются пониженным настроением. В то же время подростки без признаков аддикции чаще склонны к смене настроения, проявлению тонких и глубоких эмоций, впечатлительны, неконфликтны, добросовестны и аккуратны [5].

Таким образом, акцентуации характера обнаруживают большее количество подростков с аддиктивным поведением по сравнению с подростками, не замеченными в употреблении психоактивных веществ. Однако эти различия можно рассматривать как тенденции.

Литература

1. Березин С.В., Лисецкий К.С., Серебрякова М.Е. Подростковый наркотизм: семейные предпосылки. – Самара: Самарский университет, 2001.
2. Кулаков С.А. Психотерапия и психопрофилактика аддиктивного поведения у подростков. Практическое пособие. – М.: Фолиум, 1996. – 48 с.
3. Лисецкий К.С., Литягина Е.В. Психология и психопрофилактика наркотической зависимости. – Самара: Бахрах – М., 2008. – 224 с.
4. Личко А.Е., Битенский В.С. Подростковая наркология: Руководство. – Л.: Медицина, 1991. – 304 с.
5. Усцева М.Н. Личностные особенности подростков с аддиктивным поведением в семьях с нарушением отцовской функции: Дис. ...канд. псих. наук. – М., 2011. – 187 с.

ГЛАВА 3. ПРОФИЛАКТИКА ДЕСТРУКТИВНОГО ПОВЕДЕНИЯ В МОЛОДЕЖНОЙ СРЕДЕ

3.1. Профилактика конфликтного и агрессивного поведения

3.1.1. Представления о родителях и семейных конфликтах в неформальной подростковой субкультуре

М.В. Разин¹⁵

Восприятие родителей подростками-неформалами и их поведение в семейных конфликтах во многом обусловлены мифологическими представлениями молодежной субкультуры о том, кто такие родители и в какой роли по отношению к ним должен выступать «настоящий неформал». Семейные конфликты возникают и поддерживаются не только благодаря конкретным межличностным напряжениям, не только благодаря стереотипным взглядам большинства родителей на неформальные объединения, но и благодаря внешним, не вытекающим из истории семьи факторам, а именно нормам подросткового мира.

Субкультурная мифология вмешивается в семейные отношения, и как результат – родители наблюдают необъяснимое для них, ничем не спровоцированное конфликтное поведение своих детей. В первой части нашей статьи мы попытаемся вычленить содержание неформальной субкультурной мифологии, касающейся родителей и детей, а затем выдвинем гипотезы о ее психологических функциях.

Сделаем предварительные замечания о предмете и методе исследования. Термином «неформальное объединение» обозначают несколько принципиально различных явлений. Здесь и группы социальной инициативы, и клубы по интересам, и подростковые банды. Наша статья посвящена движению, которое может быть названо контркультурным, карнавальным или демонстративным подростково-юношеским движением (собственное название — «система»). Оно состоит по преимуществу из детей интеллигенции, насчитывает по несколько тысяч человек в каждом крупном городе, которые имеют свои места встреч на центральных площадях и улицах, свои квартиры, палаточные лагеря и т. д. Субкультура движения основана на двух контркультурных стилях: хипповском и панковском.

Распространенное представление о том, что существуют самостоятельные неформальные объединения, такие, как объединения панков, хиппи или металлистов, неправомерно. Неформальный мир делится на целостные, пронизанные внутренними связями движения, члены которых строят свое поведение в соответствии с несколькими видами контркультурных стилей. «Система» – одно из таких движений, не являющееся в прямом смысле слова ни объединением хиппи, ни объединением панков. Одни члены «системы»

¹⁵ Вопросы психологии. – 1990. – № 4. – С. 91–99.

употребляют хипповские атрибуты, другие – панковские, третьи – и те и другие, четвертые копируют жизнь рок-героев. Составить представление обо всем многообразии неформального мира можно по обзору «Асоциальные проявления», в котором показано также традиционное деление контркультурной среды на объединения.

«Система» разделена на два «этажа». Один занимают так называемые «олдовые», для которых контркультура стала образом жизни, другой – «пионеры» (в основном подростки), жизнь которых включает две сферы: семья, учеба, работа, с одной стороны, и «неформальное» времяпрепровождение: участие в сборищах (тусовках), путешествия – с другой. Именно для последней категории актуальна тема взаимоотношений с родителями.

В подростковых общностях возникает своеобразная субкультура (называемая еще контркультурой), определяющая поведение и мировосприятие ее членов. Чтобы понять психологию отдельного участника неформального движения, необходимо вначале проанализировать субкультуру этого движения, содержащиеся в ней представления о мире, о себе, групповые нормы. А такой анализ возможен лишь методами, наработанными в смежных с психологией областях, прежде всего в культурологии и филологии. Для изучения субкультуры неформального движения «системы» мы обратились к ее устному фольклору, собранному в процессе включенного наблюдения¹⁶. Наиболее информативными оказались истории, в которых подростки рассказывали друг другу о различных событиях своей жизни и жизни знакомых (сленговое обозначение историй – «телеги»). История может быть очень краткой (например: «Пита вчера опять хотели свинтить». Вопрос: «Ну и что?») Ответ: «Скипнул». История повествует о том, как Пит убежал от милиционера, который хотел задержать его) или весьма длинной. При содержательном анализе историй были выделены типичные образы и сюжеты. Перейти к формализованному анализу нам пока не удалось. Лишь часть историй может быть однозначно отнесена к одному из выделенных типов, другие лишь в той или иной мере соответствуют одному типу или включают элементы нескольких типов.

При анализе историй нас, прежде всего, интересовали те их аспекты, которые могут пролить свет на мотивы конфликтного поведения подростков. На следующих этапах исследования наши культурологические выводы можно будет сравнивать с данными, полученными другими методами.

Семейные конфликты для подростка не побочные следствия неформальной жизни, а предмет гордости. Неформалы постоянно пересказывают друг другу свои домашние приключения, и чем они серьезнее, тем сильнее поднимается статус подростка в неформальной группе. Конфликты нужны подростку так же, как длинные волосы или клепаная куртка, чтобы продемонстрировать их перед сверстниками.

Существует определенный набор популярных историй, который с некоторыми вариациями все время повторяется.

¹⁶ Исследование фольклора проводилось совместно с А. И. Мазуровой.

Вначале рассмотрим образы родителей. Прежде всего, родители – это источник разнообразных неприятностей, затрудняющих «неформальную» жизнь подростка. Неприятности могут быть мелкие (чтение нотаций, скандалы по поводу поздних возвращений, слезы матери из-за длительных путешествий) и крупные (например, лечение в психиатрической больнице). Родители, однако, редко описываются как «злодеи», намеренно вредящие своим детям. Гораздо чаще они изображаются людьми недалекими, ограниченными, не способными адекватно оценить события «неформальной» жизни. Так, типичны рассказы про наивный ужас родителей, рассуждающих о наркотиках, групповом сексе, путешествиях без билетов и т.д. В контркультурной среде принято относиться к родителям как к своего рода маленьким детям: они не способны понять «элементарных», с точки зрения подростков, вещей и поэтому «по глупости» наносят вред своим близким.

Тема «неразвитости» родителей подкрепляется рассказами об их мещанстве в быту. С интонацией, варьирующейся между презрением и снисхождением, подростки говорят о том, как родители проводят вечера у телевизоров, обсуждают газеты, беспокоятся о ремонте квартиры. В служебной сфере родители, по мнению неформалов, напротив, весьма умны и изобретательны: подчеркиваются их высокое положение, богатство, влияние. Они, как правило, имеют машину, ездят за границу («Не буду называть свою фамилию, она слишком известна»). Хвастаясь успехами и достижениями родителей, неформалы как бы косвенно говорят о своих потенциальных возможностях, от реализации которых они добровольно отказались. Контркультурная идеология требует презирать все социальные достижения. Но чем большие достижения подросток презирает, чем большие соблазны он преодолевает, тем выше ценность самого презрения.

Перед нами вырисовывается образ родителя, успешного в деловой сфере, ведущего примитивный и мещанский образ жизни, не желающего и не способного понять интеллектуальные увлечения своего сына или дочери и поэтому вредящего им.

Встречается другой позитивный образ «добротного», – «понимающего» родителя. Он, согласно сюжету, восхищается своим ребенком, считает его необычным, талантливым. Показателен рассказ о «добротной» маме, которая печет блины для многочисленных друзей своего сына, позволяет им переночевать в квартире и т. д. Однако и здесь присутствует элемент снисходительного отношения, напоминающего отношение взрослого к ребенку. Обычно образ «добротной мамы» включает в себя такие «наивные» действия, как попытку дать хиппи, оставшимся на ночь, чистое постельное белье, в то время как им «положено» спать, накрывшись одеждой, ее заботу о билетах на поезд для людей, путешествующих автостопом, советы, как не мерзнуть, и т. д.

Существование «добротных родителей» отнюдь не противоречит общему контркультурному принципу, который гласит, что «родители всегда мешают жить». Говоря об их доброте и желании понять своих детей, подростки обязательно подчеркивают исключительность, ненормальность такой ситуации.

Рассказчик и слушатели выражают большое удивление, квалифицируя обсуждаемый случай как явное отклонение от правила.

Теперь рассмотрим роли, отводимые подростками самим себе, и соответствующие им сюжетные схемы конфликтов.

Вначале о роли «жертвы». Подросток изображается пассивным в конфликте с родителями, он живет так, как ему представляется правильным, не задевает родителей, пытается отстраниться от них, разграничить сферы жизни, родители же оказываются активной, нападающей стороной, пытаются с помощью силы изменить своего ребенка.

Роль «жертвы» имеет две вариации. Чтобы описать их, нам придется выйти за рамки чисто семейных историй и обратиться ко всей совокупности устного фольклора. Первая вариация навеяна историями из жизни рок-героев. Это непонятые, желательно рано погибшие гении. Суть их жизни – творчество: здесь и сочинение поэм, рок-опер, и эксперименты со своей внешностью, и то, что может быть названо искусством жизни. Их времяпрепровождение очень напряженно, они полны нереалистичных планов, ради которых забывают об учебе, еде, сне. Кроме активного творчества в образ рок-героя обязательно входят две характеристики, «удостоверяющие» его гениальность. Во-первых, он должен быть окружен тотальным непониманием, неприятием, должен подвергаться травле со стороны своих близких. Во-вторых, полноту образ обретает только после смерти своего носителя (необходимо реализовать лозунг «Жить быстро, умереть молодым»). Поэтому претендент на роль рок-героя постоянно говорит о смерти, демонстрирует, что он не ценит свою жизнь, и т. д.

Другой вариант «жертвы» создан в рамках хиппизма¹⁷. Изображается человек, постоянно пребывающий в «другой реальности». Иногда его «инобытие» оформлено физически. Он путешествует, почти не соприкасаясь с людьми обычного (на сленге «цивильного») мира. Чаще он психологически отчужден от окружающих. В историях описываются черты аутизма: хиппи не слышит, не видит и не понимает своих близких, смотря на них как будто из другого измерения. (Возможны такие иллюстрации: «Мать на меня глядит и плачет, а я понять не могу, чего она расстраивается...» или: «Сегодня на меня фазер орал, я смотрел: у него над головой поразительно красивая аура переливается; черные и фиолетовые круги...»)

Взаимодействие родителей с рок-героями и хиппи может строиться стандартными способами: скандалы, поучения и т. д. («Она так надрывалась, что я выскочила из дома в тапочках»). Здесь подросток в роли жертвы пострадал только тем, что не успел надеть уличную обувь). Однако больше ценятся истории, которые описывают крупные драмы, приобретающие за счет параллелей с классической литературой отчетливые мифологические обертоны. Нами выделены три типа сюжетов:

1. Родители выгоняют подростка из дому. Подчеркиваются отягощающие

¹⁷ Говоря о типичных образах, мы относим их к разным видам контркультурной стилистики (хипповской, панковской, роковой). Однако это не означает, что их рассказывают люди, «специализирующиеся» на соответствующем неформальном направлении. Хиппи могут рассказывать панковскую по духу историю и наоборот. Кроме того, причисление образа к той или иной стилистике в определенной мере условно.

его положение обстоятельства. Выгоняют обычно поздним вечером или ночью, подросток не может дозвониться своим друзьям, не имеет денег, одет слишком холодно, дома остаются необходимые вещи: записная книжка, гитара и т. д. Слушая подобные истории, непроизвольно вспоминаешь сказки про нелюбимых падчериц.

2. Родители с помощью милиции разыскивают подростка, ушедшего из дому. Этот сюжет в определенной степени противоположен первому. Подросток убегает из семьи, решает пожить у друзей или отправиться в путешествие автостопом, родители же всеми силами пытаются удержать его, а когда это не получается, применяют «недозволенные приемы» – обращаются за помощью к милиции. Понятна литературная ассоциация – тема беглых рабов.

3. Родители кладут подростка в психиатрическую больницу. В этом случае насилие, с точки зрения неформалов, проявляется в наиболее чудовищных формах. Родители привлекают медицину для того, чтобы изменить личность подростка, избавить его от «странностей». Часто звучит обвинение в лицемерии: родители оправдывают свои «злодеяния» заботой о благе и здоровье ребенка. Опять же классическая литература пестрит описаниями того, как «злодеи» запирали в сумасшедшие дома неугодных им психически здоровых людей.

Укажем еще на одну тему, общую для всех трех сюжетов: родители относятся к детям как к своей собственности. Они распоряжаются их жизнью: хотят – держат при себе, хотят – прогоняют, а иногда даже пытаются исправить, «улучшить» их в соответствии со своими идеалами. Подростки подчеркивают свою несвободу, зависимость, по крайней мере физическую. Чем большим гонениям они подвергаются в роли жертвы, чем больше претерпевают от родителей, оставаясь преданными неформальному движению, тем быстрее растет их статус в контркультурной среде.

Любопытно, что подростковая мифология легко сочетает два противоположных идеальных образа. Разрешается быть жертвой, но столь же похвально ставить в положение жертвы родителей или воспитывать их, находясь в позиции сильного. Рассмотрим сначала активно-провоцирующую роль. Она имеет два варианта, легко переходящие друг в друга. При первом варианте подросток предстает перед нами как «воитель». Он проявляет агрессию по отношению к родительскому миру и подчеркивает (рассказывая истории), что эта агрессия попадает в цель, задевает взрослых, вызывая либо ответную агрессию, либо страх. Объектами агрессии чаще всего являются материальные объекты: или принадлежащие родителям (например, подросток разбивает отцовскую машину), или формально принадлежащие подростку, но воспринимаемые родителями как собственные (например, подросток режет ножницами свою одежду). В этой же ряду – стрижка наголо и даже столь серьезные шаги, как суицидальные попытки. Активно-разрушительные действия хорошо вписываются в панк-имидж. Однако они могут рассказываться и хиппи – в этом случае их, как правило, относят к периоду кризиса, разочарования в обычной жизни, предшествующего активному

хиппизму.

К образу воителя тесно примыкает образ шута. Шут тоже может производить разрушительные действия, но они уже описываются не как проявление внутреннего кризиса, а как осознанный эпатаж, высмеивание, пародирование родителей. Большое место здесь опять же занимают преобразования прически и одежды (остричь часть головы, покрасить волосы в яркие цвета, надеть женскую кофту с колокольчиками), однако сам подросток относится к ним уже не серьезно, а иронично, как к эксперименту над родителями. Приведем другие шутовские действия: подросток приносит в дом и пародийно обыгрывает разные символы взрослого мира, например, устанавливает в туалете красный флаг. Особенно активизируется шутовское поведение на публике, когда приходят гости или подросток вынужден пойти куда-либо с родителями, и т. д. Шутовство наиболее адекватно панкизму. Однако и хиппи может позволить себе эту роль, но она не должна быть основной в его образе.

По отношению к «жертве» родители выступают как «гонители», в историях же про воителей и шутов им отводится другая роль: они могут проявлять ответную агрессию по отношению к подростку, но при этом подросток будет всячески подчеркивать их бессилие, неэффективность криков и угроз. Любое ответное нападение оказывается материалом для дальнейшей агрессии и пародирования.

Приведем следующую иллюстрацию. Для экономии места дадим лишь фабулу истории. Подросток пришел домой поздно ночью с выкрашенным зубом. Утром, за завтраком, мать, занятая готовкой и раздачей еды, не заметила этого. Отец же, уставший от чудачеств сына, ограничился одной репликой: «Идиот». По дороге на работу отец, по всей вероятности, сообщил матери об очередной выходке сына, поскольку вечером за ужином мать, опять не отвлекаясь от хозяйства, стала раздраженным голосом выговаривать сыну. «Я? Выкрасился? – сказал он. – Где?». Мать подняла голову и не обнаружила крашеный зуб, поскольку он был к тому времени уже сострижен.

Эта история интересна во многих отношениях. Во-первых, она ярко демонстрирует то, что мы уже сказали: ответный ход матери позволяет еще раз, даже более успешно, чем вначале, надсмеяться над нею. Подросток с помощью шутовства выявляет полнейшее безразличие матери к нему как к человеку, она считает достаточным кормить и одевать своего ребенка, не испытывая ни малейшей потребности говорить с ним или даже смотреть на него. На этом фоне особенно смешными выглядят ее воспитательные импульсы: реализованные формально, они бьют мимо цели. Во-вторых, в истории показана и другая роль родителей, возможная в таких конфликтах. Ее исполняет отец. Он уже никак не реагирует на эпатаж подростка. Согласно замыслу рассказчика, сын в глазах отца настолько далеко ушел за пределы нормального, приличного и разумного, что он уже не может быть объектом воспитания. По многим рассказам неформалов, родители осознают бесполезность и тщетность всех усилий по изменению своих детей. Они

ощущают безнадежность попыток найти общий язык с ними, хоть что-то понять или объяснить, и в результате они перестают как-либо взаимодействовать со своими детьми, «оставляют их в покое».

Для того чтобы упрочить такое положение дел, подростки (в основном панки), согласно устному фольклору, часто пытаются создать имидж «неприкасаемых» и «отверженных». Они используют средства, воспринимающиеся в нашей культуре как нечто отвратительное и омерзительное: возятся с экскрементами, приносят в дом крыс и лягушек, изображают гомосексуалистов и т. д. «Неприкасаемые» – это люди, которые находятся вне норм морали, от них невозможно что-либо требовать, они вызывают чувство брезгливости, желание не контактировать с ними и даже не замечать их.

Таким образом, в контркультурных историях в ответ на активную, нападательную позицию подростков родители или безуспешно пытаются воспитывать их, оказываясь по большей части в смешном положении, или устраниваются от общения, избегая любых контактов.

Когда подростки заставляют родителей относиться к ним, как к «неприкасаемым», они фактически осуществляют своеобразный процесс воспитания: добиваются от родителей того, чего хотят. Иногда воспитание более явно: неформалы рассказывают, как они, не разрывая отношений с родителями, «приучают» их «правильно» относиться к контркультурному поведению своих детей. В разговорах друг с другом подростки часто обсуждают «методы воспитания» родителей: можно ли им иногда уступать (например, в вопросе о времени возвращения домой) или надо неуклонно придерживаться одной линии поведения, реально ли в принципе добиться спокойного отношения к неформальному образу жизни или конфликт неизбежен. Популярны рассказы о «мудром» поведении, приводящем к тому, что родители все понимают и «благословляют» подростка, например, на хиппизм.

Вот сюжет одной истории. Мальчик приехал в Москву из провинциального города поступать в институт. Он не смог сдать экзамены, познакомился с хиппи и стал жить вместе с ними. Через год мать, все узнав, приехала забрать сына. Он не стал сопротивляться, а решил дать ей самой убедиться в том, что он не может жить дома. Не прошло и двух недель, как мать позволила сыну уехать в Москву и даже напекла в дорогу пирожков, которыми он затем угощал всю «тусовку», рассказывая приведенную только что историю.

Существует и еще один вариант представления семейных отношений, а именно полное о них умолчание. Часто, обсуждая действия, которые не могут не быть согласованными с родителями, подростки не упоминают об этом; если же кто-то задает вопрос об отношении к ним родителей, то это расценивается как бестактность

Что кроется за нежеланием говорить о родителях? Можно предположить, что подростки, придерживающиеся такой тактики, выстраивают образ

самостоятельного, независимого взрослого человека. Чтение романов приводит их к мысли, что герой художественного произведения никогда не «обременен» семейными связями: трудно представить, чтобы ему приходилось спрашивать разрешения у мамы на какой-нибудь поступок или оправдываться перед ней. Ориентация на образ «необремененного», независимого героя и приводит к неупоминанию родителей.

А теперь зададим вопрос о связи особенностей рассказов о родителях с реальными взаимоотношениями в семье. Очевидно, что истории напрямую не совпадают с действительностью. Образы историй однозначны: это либо «жертвы» и «гонители», либо «шуты» и «смешные люди», либо «воспитатели» и «воспитуемые». Реальные взаимоотношения не могут быть столь схематичны, как стремятся представить подростки. Рассказ о семье в процессе общения с неформалами – это средство самопрезентации (самоподачи), а значит, рассказы сочиняются, во-первых, в соответствии с нормами контркультурного мира (мы видели, что набор «приемлемых» вариантов достаточно велик, тем не менее он ограничен: можно быть «жертвой», «шутком», «воителем», «неприкасаемым», но нельзя быть «пай-мальчиком», «лучшим другом и соратником», «неотлучным опекуном» и т. д.). Во-вторых, истории должны быть увлекательны, интересны, создавать яркие образы – для этого их следует строить по художественным законам как маленькие рассказы – отсюда идут некоторая схематичность образов (в коротком рассказе важно выявить лишь одну, самую главную черту героя) и усиление трагического или комического эффекта.

Художественное преувеличение, содержащееся в устных историях, – лишь одна сторона дела. С другой стороны, подростки должны заботиться о правдоподобии того, о чем они говорят. Трудно сочинить рассказ про психиатрическую больницу или изгнание из дому, если ничего подобного не было. В то же время яркие (драматические или смешные) истории украшают образ неформала. Следовательно, он имеет мотив для вступления в конфликтные отношения с родителями. Сложно сказать, насколько существенную роль этот мотив играет в возникновении реальных конфликтов. Согласно нашим наблюдениям, он редко является единственной причиной ухудшения отношений. Для конфликта необходимо и соответствующее поведение родителей. Однако описанный мотив может обострять и поддерживать конфликт, поскольку конфликт оказывается выгодным для подростка, обретает позитивный личностный смысл.

Попытка выстроить образ человека, не обремененного семейными связями (тактика умолчания), тоже может вести к конфликту с родителями. Подросток ощущает, что любой контакт с ними мешает созданию образа, не позволяет ему самому до конца отождествиться с желаемой ролью. Возникает когнитивный диссонанс: придуманный образ независимого человека вступает в противоречие с реальностью семейной жизни. Непосредственным следствием диссонанса может быть конфликтное, агрессивное поведение по отношению к родителям, поскольку они теперь самим фактом своего существования мешают

подростку быть тем, кем он хочет.

Заметим, что неформальное движение не только дает подростку мотив для вступления в конфликт с родителями, но и облегчает такой шаг, способствует исчезновению барьера для конфликтного поведения. В обычной ситуации подросток не решается доводить конфликт до острого состояния. С определенного момента он начинает идти на уступки, поскольку не может себе помыслить серьезного разрыва отношений. Контркультурная жизнь облегчает этот процесс, что объясняется по меньшей мере двумя причинами.

Во-первых, участие в групповой жизни снижает ощущение значимости, драматичности конфликта. Для неформала становятся реальностью такие события, как лечение в психиатрической больнице, контакты с милицией, тюремное заключение (например, за употребление наркотиков), самоубийство. Если самому подростку не приходится на себе испытать что-либо из перечисленного, то, по крайней мере, он постоянно слышит рассказы о подобных событиях, которые происходят с его близкими знакомыми. Соответственно на их фоне конфликты с родителями кажутся почти мелочью. Снижается драматический накал, и то, чего раньше подросток боялся и старался не допускать, становится возможным.

Во-вторых, неформал знает, что контркультурная группа поддержит его в критической ситуации. Как правило, подросток не может прожить без поддержки родителей. Если, например, они выгоняют его из дому, ему негде переночевать, нечего есть и т. д., «система» предоставляет возможности для самостоятельного существования. Она имеет свои квартиры («флэта»), на которые пускают не всех, но статус человека, выгнанного из дому, достаточно высок, чтобы он был принят на «флэту». Среди членов «системы» принято делиться деньгами, обмениваться одеждой и дарить ее, существуют свои способы заработка («аск» – попрошайничество по принципу: «не хватает пяти рублей на билет до дому»). Многие ведут подобный образ жизни (не работают, не учатся, живут не по прописке) годами. Конечно, большинству подростков не нужно прибегать к подобным услугам неформального мира, однако знание о такой возможности и периодическое кратковременное ее использование (уйти из дому на неделю и пожить на «флэту») позволяют подростку намного легче и спокойнее относиться к крупным ссорам с родителями.

И наконец, затронем еще одну важную тему. Мы показали, что конфликтное поведение подростка может мотивироваться потребностью в групповом признании в связи с тем, что серьезные конфликты с родителями повышают его статус. Однако это не единственная потребность такого рода. Напряженная, насыщенная жизнь неформала, включающая как один из элементов семейные конфликты, кроме того, удовлетворяет потребность, которая может быть названа потребностью в событийности или стремлением к риску. Близка к ней потребность в смысле, выделенная В. Франклом (цит. по: Асмолов, 1984), хотя последняя имеет более экзистенциальный характер. Фрустрация этой группы потребностей, часто встречающаяся современных подростков, переживается как «пустота», «скука», «проскальзывание жизни»,

«тоска».

Участие в контркультурном движении и вытекающие из него конфликты с социумом и родителями снимают описанные переживания, позволяют наполнить жизнь приключениями, придать ей остроту, драматизм (или комизм), сделать ее яркой, похожей на захватывающее сюжетное повествование. Рассказывание драматичных историй с классическими аналогами, о котором мы писали, – первый этап этого процесса, затем подросток или воплощает их сюжет, дотягивая драматизм реальности до историй, или начинает осмысливать свою жизнь сквозь призму историй, видит происходящее так, как он об этом рассказывает.

Еще одна психологическая причина конфликтного поведения связана с тем, что подростку необходимо существенно преобразовать свою личность, чтобы стать «настоящим неформалом». Прежде всего, должна произойти смена ценностей: ценность здоровья, внешней привлекательности, престижного обучения, большого заработка в идеале уступает место ценностям нестандартности: шизоидности мышления, знакомств в контркультурном мире, способности жить без денег и жилья, количества и «качества» конфликтов с социумом (с милицией, психиатрией и т. д.). В реальности нормативные родительские («цивильные») ценности не исчезают. Они сосуществуют с ценностями контркультуры, на время, уходя на второй план сознания, но в любой момент готовы вернуться. Подростку приходится постоянно прилагать усилия для того, чтобы не поддаваться соблазну нормативной жизни с ее благами и достижениями. Агрессия на родителей может быть психологическим средством противостояния соблазну. Воюя с семьей, подросток в действительности пытается разрушить одну из частей своего Я (или, если угодно, одну из личностей, одну из динамических смысловых систем), а это возможно потому, что родительские ценности подросток отождествляет с ценностями неудобной части своего Я. Перед нами типичный случай использования внешних средств (агрессия против родителей) для самоизменения (преобразование себя в хиппи, панка или рок-героя).

До сих пор мы описывали варианты, в которых агрессивное поведение было лишь средством или для удовлетворения внешней потребности, или для самоизменения. Наряду с агрессией ту же роль могут выполнять и другие действия. Повышать статус в неформальной группе можно без семейных конфликтов, например с помощью экстравагантной одежды и длительного стажа пребывания в «системе». Потребность в событийности удовлетворяется путем дерзкого эпатажа на улице или опасного путешествия. Средством самоизменения часто служит уродование своей внешности.

Возможно, однако, чтобы конфликтное поведение было не средством, а целью. При этом конфликт назревает задолго до знакомства подростка с контркультурой. Подростку, например, кажется, что родители ущемляют его достоинство, но он до определенного момента не решается ответить им. Приход в неформальную группу помогает ему решиться на явное выражение своих чувств, которые существовали и до этого в скрытом виде. Контркультура

лишь вскрывает, проявляет имплицитные семейные напряжения, не привнося новых.

Анализ причин конфликтного поведения позволяет наметить пути психотерапии семейных конфликтов, возникших на почве неформального образа жизни подростка. Если конфликт – средство для удовлетворения внешних потребностей (в признании или в событийности), объектом работы должны выступать родители. Психотерапевту следует добиться от них адекватного отношения к поведению ребенка. Если они убедятся, что подросток не имеет серьезных претензий к ним, что его выпады — фактически побочное следствие его жизни вне дома, они смогут не придавать конфликту существенного значения, отнестись к нему с долей иронии, подыграть подростку, в то же время не принимая его полностью всерьез. Это поможет подростку вернуться к нормальным взаимоотношениям, когда потребности будут удовлетворены. В противном случае родители рискуют своими действиями поддержать конфликт и сделать его необратимым.

Если конфликт – средство самоизменения, имеет смысл работать с самим подростком. Он обычно не видит описанную нами связку, поэтому осознание роли конфликтного поведения может многое дать, позволит ему сознательно выбирать между контркультурными и социальными («цивильными») ценностями.

Наконец, когда конфликт выявляет скрытые семейные напряжения, следует работать над родительско-детскими взаимоотношениями, прояснять взаимные претензии, отреагировать конфликты, помогать нахождению компромиссов.

В заключение скажем, что неформальная субкультура не есть нечто особенное – она впитывает в себя многие характеристики подростковой традиционной «уличной» субкультуры. Поэтому описанные нами закономерности можно в определенной степени распространить на весь подростковый мир.

Контркультурный фольклор, к которому мы обратились, лишь заостряет и выявляет типичные тенденции.

3.1.2. Проблема конфликта в подростковом возрасте

Т.В. Драгунова¹⁸

Проблема кризиса, конфликтов, трудностей – одна из самых сложных и острых в развитии и воспитании подростков. Она имеет свою историю, которая в очень кратком изложении такова. С начала научного изучения подросткового периода, после первого фундаментального исследования С. Холла [28], за этим возрастом закрепилось название критического, что отразилось в его образной характеристике как периода «Sturm und Drang», * Storm and Stress», т.е. «бури и натиска», «бушевания и напряжения». В первую четверть нашего века в науке господствовало представление о биологической обусловленности критического

¹⁸ Психология конфликта: хрестоматия / сост. Н.В. Гришина. – СПб.: Питер, 2001. – С.328–348.

развития в подростковом возрасте. Основу этого представления заложили С. Холл («теория рекапитуляции») и З.Фрейд, в теории которого о стадиях психосексуального развития вторичное возникновение Эдиповой ситуации в начале подросткового возраста рассматривалось как универсальное и генетически предопределенное явление. Однако одновременно с созданием разнообразных вариаций теории био-генетического универсализма накапливались исследования по отдельным проблемам, в которых раскрывалась зависимость некоторых сторон личности, например, интересов, идеалов от социальной принадлежности подростка. Такая теоретическая направленность характерна для целого ряда исследований в начальный период становления советской психологии. Она отразилась, в частности, в названии работ: «Рабочий подросток» [1], [6], «Крестьянский ребенок» [17] и др. В Германии теоретическим противником З. Фрейда был Э. Шпрангер, который дал описание подростка «среднего класса» и вообще считал юность периодом «вращения индивида в культуру», в определенные «формы жизни общества», существующие в виде этики, религии, науки, искусства и т.д. [34]. А. Буземан, изучавший развитие самосознания подростков из рабочей и интеллигентской среды, пришел к выводу о зависимости критериев самооценки и уровня развития самосознания от непосредственного социального окружения [23]. Работы подобного типа постепенно создавали фундамент для понимания социальной обусловленности ряда особенностей подростков, но в силу своего частного характера эти работы существенно не поколебали представления о биологической обусловленности критического характера подросткового периода.

Мощный удар по теориям био-генетического универсализма был нанесен в 20–30 годы американскими этнографами (антропологами) школы Боас. Они занимались изучением так называемых примитивных цивилизаций с целью выяснения, в какой мере человек поддается воздействиям со стороны общества, что в нем определяется «природой», а что – «культурой», т.е. конкретными общественно-историческими обстоятельствами жизни и развития. Сравнение и обобщение материала, собранного учениками Боас и другими этнографами, привело к важным выводам, а именно:

1. Подростковый период может иметь *разную длительность* — от нескольких месяцев в некоторых племенах «примитивных цивилизаций» до четырех лет в обществах с высоким промышленным развитием, после которых детство формально еще не заканчивается в связи с продолжением образования и сохранением материальной зависимости от родителей. В ряде племен подростковый возраст ограничивается коротким периодом между наступлением у девочки половой зрелости и вступлением в брак, причем это время необходимо для совершения ритуалов признания ее взрослости и подготовки к брачной церемонии.

2. Общая картина развития и особенностей подростков может быть разной при двух крайностях: наряду с картиной критического развития существует *гармоническое, бесконфликтное* развитие. Первые данные о протекании

подросткового возраста без специфических трудностей были сообщены Ж. Мид (1931), оценившей этот период в жизни самоанской девочки как наиболее приятное время по сравнению с детством и взрослостью. В другой работе М. Мид писала: «На Самоа нет конфликта потому, что девочка-подросток не сталкивается с открытиями, ограничениями или выборами, и потому что общество ожидает, чтобы она выросла медленно и совершенно подобно цветку, за которым хорошо ухаживают» [32; 346]. Материалы М. Мид, опровергавшие представление о неизбежности кризиса и конфликтов, привлекли внимание ученых к новым проблемам.

З. Р. Бенедикт обобщила этнографические материалы в виде теории двух типов перехода от детства к взрослости: *непрерывном и с наличием разрыва* между тем, чему ребенок учится в детстве, и теми способами поведения и представлениями, которые необходимы для осуществления роли взрослого [21]. Первый тип перехода существует в некоторых индейских и других племенах в условиях совпадения ряда важных норм и требований к детям и взрослым. В таких обстоятельствах развитие протекает плавно, ребенок постепенно учится способам взрослого поведения и оказывается подготовленным к выполнению требований статуса взрослого. Второй тип перехода имеет место при расхождении в существенных нормах и требованиях к детям и взрослым (он характерен для современного американского общества – считала Р. Бенедикт; М. Мид также говорит об этом [33]). В таких условиях переход к взрослости идет с внешними и внутренними конфликтами и имеет специфический результат – неподготовленность к выполнению роли взрослого при достижении «формальной» зрелости. Основной вывод Р. Бенедикт сформулирован так: «Хотя факт природы заключается в том, что ребенок становится взрослым, но путь, по которому происходит этот переход, варьирует от одного общества к другому, и ни один из этих частных культурных мостов не может рассматриваться как «природная» тропинка в зрелость» [21; 306].

Таким образом, из исследований этнографов следовал вывод, что именно *конкретные социальные обстоятельства жизни ребенка определяют*: 1) длительность подросткового периода; 2) наличие или отсутствие кризиса, конфликтов, трудностей; 3) характер самого перехода от детства к взрослости.

К. Левин в работе «Подход теории поля к подростковому возрасту» [30] проанализировал конфликтный тип перехода к взрослости с точки зрения положения, занимаемого в обществе группой детей и группой взрослых (путем сравнения их некоторых прав и привилегий). Он констатировал разделенность этих групп в современном обществе и считал, что в подростковом возрасте *происходит смена принадлежности к группе*, т.е. подростки находятся в состоянии социального передвижения из группы детей в группу взрослых, причем у них есть стремление перейти в группу взрослых и пользоваться некоторыми их привилегиями. По мнению К. Левина, специфика положения подростка состоит в том, что он находится «*между** двумя социальными группами, что аналогично положению человека, который в социальной психологии называется «*marginal man** – «неприкаянный*». Такое положение

порождается стремлением человека уйти из менее привилегированной в более привилегированную группу, которой он еще не принят. Положение «неприкаянности*» является источником специфической картины поведения и эмоционального состояния, характеризующейся напряженностью, неустойчивостью, повышенной чувствительностью, робостью и неуверенностью, сменой контрастов поведения и настроения, эпизодической агрессивностью и другими особенностями.

По аналогии К. Левин называет подростка "marginal man", а факт социального передвижения рассматривает как расширение, по сравнению с детством, жизненного пространства подростка в разных направлениях – временном, социальном, географическом и др. Само движение в этом поле он трактует как движение в неизвестном направлении, поскольку для подростка новое поле (мир взрослых) является неясным с точки зрения границ доступного ему движения и неизвестным по содержанию. Из особенностей поля подростка и его движения в нем К. Левин выводит все основные особенности детей этого возраста. Степень трудностей и наличие конфликтов он ставит в прямую зависимость от резкости разграничения в обществе группы детей и взрослых и длительности периода, когда подросток находится в положении между двумя группами. Констатация К. Левиным факта разделенности этих групп в современном обществе и длительности периода «неприкаянности*» подростка привели к выводу о закономерности конфликтов и трудностей в развитии и воспитании подростков, как обусловленных спецификой социальных обстоятельств их жизни.

В начале 50-х годов теоретический последователь С. Холла и З. Фрейда – А. Гезелл опубликовал последнюю часть своей трилогии о детском развитии, посвященную подросткам [27], в которой уже по отношению к этому возрасту развивал свою теорию о биологически обусловленной последовательности развития и жесткой смене одних особенностей другими, при которой проявление негативных особенностей с интервалом в год отражает процесс биологического созревания. Однако, вопреки многим теориям, в практике воспитания подростков имелось немало случаев бесконфликтного развития. За разъяснением причин этого родители и педагоги обращались, в частности, и к дочери З. Фрейда – Анне Фрейд, развивавшей идеи отца. В специальной теоретической статье [25] она объявила бесконфликтные случаи разными вариантами патологического принятия и объяснила их с точки зрения выдвинутой ею раньше теории механизмов защиты от сексуальных импульсов [26]. Согласно этой теории, один из этих механизмов направлен на подавление сексуального влечения, второй – на разрушение связей с объектами детской сексуальной привязанности.

Несколько лет назад появилась книга Д. Коулмена [24], в которой развивается мысль о «неприкаянности» подростка и ее последствиях. Он выделил ряд социальных обстоятельств, как бы выталкивающих подростка из мира взрослых и определяющих возникновение особой «субкультуры подростков», т.е. существование общества подростков в обществе взрослых.

Следует отметить, что в настоящее время некоторые зарубежные специалисты по детскому развитию считают, что ни одна из существующих теорий не может дать удовлетворительного объяснения всем накопленным фактам.

В первые два десятилетия становления советской психологии подростковым периодом в целом и отдельными проблемами занимались многие крупные психологи – Л.С. Выготский [6], [7], И.П. Блонский [3], [4], А.А. Смирнов [15], П.Л. Заторовский [13], [14] и другие. Л.С. Выготский выдвинул гипотезу о несовпадении трех точек созревания – полового, общеорганического и социального – как основной особенности и основном противоречии подросткового возраста.

Названные советские психологи разделяли точку зрения о критическом характере начала подросткового периода, однако в психологии не было единства мнений о длительности кризиса. Одни считали кризисным весь подростковый возраст, другие – только его начало, выделяли особую негативную фазу, ограничивая ее длительность приблизительно годом: у девочек «вокруг» 13 лет (по Ш. Бюлер [22], а у мальчиков – позже на год – полтора [29], причем подчеркивалось, что это время совпадает с первыми кардинальными сдвигами в половом созревании подростков. Для негативной фазы считалось характерным, с одной стороны, разрушение прежних интересов ребенка, а с другой стороны, ломка отношений со взрослыми, появление упрямства, строптивости, негативизма, замкнутости, склонности к уединению, раздражительности) возбужденности, меньшей продуктивности в работе. На основе фактов исследования П.Л. Загоровский и И.А. Арямов [12], [2] утверждали, что появление негативной фазы зависит от социальной принадлежности подростка: Загоровский обнаружил проявления этой фазы только у 19 % подростков из 274 изучавшихся им советских школьников в возрасте от 11 до 16 лет.

Л. С. Выготский поставил три совершенно новых проблемы при изучении критических возрастов [7], [8], [9]: во-первых, *о позитивном содержании негативной фазы*; во-вторых, *о необходимости выделения основного новообразования, в сознании подростка*; в-третьих, – *о выяснении социальной ситуации развития*, которая в каждом возрасте представляет неповторимую систему отношений между ребенком и средой. Перестройка социальной ситуации развития представляет, по мнению Л.С. Выготского, главное содержание критических возрастов, и он ставил задачу понять динамическую картину взаимосвязи сдвигов в социальном бытии подростка и изменений в его сознании и структуре личности.

В настоящее время мнение советских психологов по поводу трудностей в воспитании подростков является в общем единым и его можно сформулировать так: конфликты и трудности в этом периоде не обязательны, они порождаются неправильным воспитанием, но все же наблюдаются нередко. Такая точка зрения складывалась на основе педагогической практики и вытекала из ряда

исследований, в которых раскрывалась зависимость трудностей в общении с подростком *от отношения взрослого к нему*.

...

В течение нескольких лет в лаборатории возрастных особенностей личности школьника НИИ общей и педагогической психологии АПН СССР проводилось сравнительное изучение разных вариантов развития подростков с целью выделения важнейших возрастных особенностей этого процесса. Одной из задач исследования был поиск ответов на поставленные Л.С. Выготским проблемы. Поэтому оно было организовано с учетом требования раскрыть социальную ситуацию развития подростков, что нашло отражение в методе исследования: ребенок изучался не как изолированный индивид, а как член группы детей и взрослых, с которыми он связан обстоятельствами жизни и совместной деятельностью; изучение общения детей с окружающими людьми (при раскрытии его содержательной основы и норм отношения) служило средством изучения личности каждого подростка. Анализ всех материалов еще не закончен, но сейчас уже можно сделать некоторые предварительные выводы по ряду проблем.

В опубликованных ранее работах было высказано предположение, что центральное новообразование в личности подростка связано с качественным сдвигом в развитии самосознания в форме возникновения у подростка представления о себе как уже не ребенке. Действенной стороной этого представления является стремление быть и считаться взрослым [5], [10], [11]. Именно это специфическое новообразование мы считаем психологическим критерием начала подросткового возраста. Оно было условно названо «чувством взрослости», но этот термин не раскрывает всю специфику отношения подростка к себе (в субъективном и социальном аспекте): у него очень велико отвержение своей принадлежности к детям и утверждение большей взрослости по сравнению с ними, но еще отсутствует ощущение подлинной, так сказать, полноценной взрослости, хотя есть стремление к ней и потребность в признании его взрослости окружающими. Разрыв между реальным уровнем взрослости и желаемым подростком постепенно уменьшается, но все же сохраняется на протяжении всего подросткового возраста и выступает как специфический стимул социальной активности подростка, направленной на усвоение образцов взрослости.

Наше отличие от всех психологов, выделявших названную выше особенность подростков, заключается в отношении к ней. То что, например, С. Холл называл желанием подростка быть зрелым мужчиной или женщиной и страстным стремлением научиться быть взрослым [19], [20], есть для Холла (так же как и для других авторов) лишь одна из множества рядоположенных особенностей, в то время как для нас новое представление подростка о себе и стремление войти в мир взрослых есть *стержневая* особенность, являющаяся *структурным центром личности* в этот период развития, ее аффективно-потребностным ядром, определяющим содержание и направление социальной активности подростка, систему его социальных реакций и специфических

переживаний. Анализ разных вариантов развития подростков позволяет выделить несколько возможных источников возникновения чувства «взрослости». Первый источник его – это значительные сдвиги в физическом развитии и начало полового созревания. Эти очень ощутимые для самого подростка изменения делают его более взрослым объективно и в собственных глазах. Другие источники «чувства взрослости» – социальные. Чувство «взрослости» может рождаться в условиях значительной самостоятельности ребенка и отношении взрослых к нему не как к маленькому. В наших опубликованных материалах примером этого является Митя Ерофеев. Однако в жизни существуют более яркие примеры, множество которых было в период Великой Отечественной войны, когда ребята быстро выросли социально и в субъективном плане, работая наравне со взрослыми на предприятиях, в колхозах или становясь единственными помощниками матери в заботах о семье. Формируется «чувство взрослости» и отношением к подростку как к равному со стороны тех его товарищей, которых он считает много взрослее себя. Вообще общение со «взрослыми» ребятами очень овзросляет и самого подростка. Он равняется на них на образцы взрослости и старается подтянуться до их уровня. Наконец, ощущение собственной взрослости может формироваться и в результате того, что подросток устанавливает сходство в чем-то конкретном между собой и человеком, которого считает взрослым. Таким человеком может быть не только взрослый, но и товарищ, а основой для сравнения – багаж знаний, полученный в школе или из других источников, различные умения, сила, ловкость, смелость и т.п. Важно отметить, что ощущение собственной взрослости может возникать у ребенка до начала полового созревания и сдвигов в физическом развитии, т.е. быть полностью социальным по происхождению. Наблюдаемая в настоящее время акселерация физического развития и полового созревания создает условия для более раннего (чем в прежние годы) появления сдвигов в представлении ребенка о степени собственной взрослости, означающих вступление в подростковый возраст.

Возникновение у подростка представления о себе как не ребенке, а более взрослом, имеет важные последствия, потому что в нашем обществе дети и взрослые представляют две разные группы и имеют разные обязанности, права и привилегии. Отношения взрослых между собой и взрослых с детьми строятся на основе разных норм, причем многие нормы и требования фиксируют несамостоятельность ребенка, его подчиненное, неравноправное положение. Вообще, многое существует как доступное для взрослых, но запретное для детей (например, определенные книги, кинофильмы, музыка, развлечения и пр.). Во множестве X этот возможный путь возникновения «чувства взрослости» (причем задолго до начала полового созревания) зафиксировав в литературном образе «мужичок с ноготок».

Ограничений для детей зафиксировано отличие их положения по сравнению со взрослыми. В детстве ребенок овладевает нормами и требованиями, которые существуют в обществе для детей. Переход в группу взрослых предполагает изменение прав, обязанностей, привилегий. Однако

момент такого «официального» перехода находится за пределами подросткового возраста и является очень неопределенным и относительным, поскольку в качестве критериев его определения могут выступать разные показатели сугубо социального порядка (окончание образования и начало профессиональной деятельности, материальная независимость от родителей, право вступления в брак, получение других гражданских прав и т.д.).

Возникновение у подростка представления о себе как уже перешагнувшем границы детства определяет его переориентировку с одних норм на другие – с «детских» на «взрослые», а также появление специфической социальной активности, которая заключается в большой восприимчивости к усвоению различных норм, ценностей, способов поведения, существующих в обществе именно для взрослых. Усвоение различных образцов взрослости происходит в практике отношений со взрослыми и товарищами, через прямое заимствование или подражание, путем самовоспитания и самообразования – равнение подростка на взрослых проявляется в стремлении походить на них внешне, приобщиться к разным сторонам их жизни и деятельности, приобрести их особенности, качества, умения и привилегии, причем прежде всего те, в которых наиболее зримо выступают отличительные черты взрослых и преимущества по сравнению с детьми.

Прежде всего, это касается тех прав, обладание которыми выделяют взрослых по внешнему облику и манере поведения. В совокупности они представляют отличительные признаки внешней взрослости (курение, игра в карты, употребление вина, специфический лексикон, взрослая мода в одежде и прическах, способы отдыха, развлечений, ухаживание, косметика, различные украшения и т.п.). Приобретение таких внешних признаков «мужской» или «женской» взрослости делает подростка взрослым в собственных глазах и, как ему кажется, в представлении окружающих. Она приобретает путем подражания. Это самый легкий способ достижения заметной для всех взрослости. Именно поэтому он часто является первым по времени появления, наиболее распространенным, стойким, плохо поддающимся развенчанию.

Далее, равнение подростка на взрослого проявляется в стремлении приобрести его качества. Мальчики начинают путем самовоспитания развивать в себе качества «настоящего мужчины» (силу, смелость, волю, настойчивость и другие). Ради этого они занимаются спортом, различными упражнениями. Многие стремятся овладеть взрослыми умениями (столярничать, слесарничать, водить машину, фотографировать, стрелять из ружья, охотиться и т.п.), причем начало подросткового возраста – самое благоприятное время для обучения подобным умениям, особенно если обучение им организовано серьезно. У девочек тоже существует готовность овладеть некоторыми женскими умениями. В целом же они ориентируются на идеал женщины, в котором выделение привлекательного содержания зависит от воспитания и характера общения.

Наконец, претензии подростка на новые права распространяются на всю сферу отношений со взрослыми, что отчетливо обнаруживается в причинах конфликтов со взрослыми и в обидах подростка. Он всячески протестует, когда его «как маленького» опекают, направляют, контролируют, наказывают, требуют

послушания, подчинения, не считаются с его желаниями, интересами, подчиняют установленному режиму, т.е. когда в отношении взрослых к подростку реализуются специфические нормы и способы их поведения с детьми *именно как с детьми* (согласно их социальному и правовому положению в мире взрослых). Такой тип отношений становится для подростка неприемлемым, не соответствующим его представлению об уровне собственной взрослости. Права взрослого он ограничивает, а свои расширяет и претендует на уважение своей личности и человеческого достоинства, на доверие и расширение самостоятельности в разных направлениях, т.е. на известное *равноправие со взрослым, и старается добиться признания, ими этого*. Протест и неподчинение подростка являются *средством, при помощи которого подросток хочет добиться изменения прежнего типа отношений со взрослым на новый, специфический для общения взрослых людей*. Иначе говоря, в начале подросткового периода в связи с появлением у подростка представления о себе как уже не ребенке и потребности в признании его взрослости окружающими возникает совершенно новая проблема – *проблема прав взрослого и подростка в отношениях друг с другом, проблема равноправия*.

Возникновение и существование этой проблемы ставит подростковый период в особое положение в цикле детского развития. Она свидетельствует о нарушении баланса в системе прежних отношений и тенденции к смене существующего типа отношений другим.

Протест подростка указывает на то, что он является инициатором перемен, а взрослый этому сопротивляется. Такое положение может сохраняться в течение короткого или длительного времени, и выходы из него могут быть разными, но, в конечном счете, с одинаковым результатом – становлением отношений нового типа, основанных на иных, чем в детстве, нормах. Мы полагаем, что перестройка социальной ситуации развития в подростковом возрасте заключается именно в постепенном *переходе от характерного для детства типа отношений ребенка и взрослого к качественно новому типу, присущему взаимоотношениям взрослых людей*. Завершение этой смены обычно происходит за пределами подросткового возраста, но кардинальный сдвиг приходится как раз на этот период и именно он означает возникновение иного, чем раньше, отношения между ребенком и средой, «неповторимость» которого создается наличием процесса *становления* новых способов социального взаимодействия подростка и взрослых. Старые способы все больше вытесняются новыми, но в то же время они сосуществуют и это создает огромные трудности и для взрослых и для подростка.

Однако перестройка социальной ситуации развития, в виде становления нового типа взаимоотношений подростка и взрослого, осложняется рядом моментов, существование которых определяет возможность протекания этого процесса в разной форме. Одни моменты благоприятствуют этому переходу, другие же выступают в роли тормоза.

В подростковом возрасте, как переходном от детства к взрослости, должно происходить постепенное обучение ребенка быть взрослым в *социальном* плане, т.е. становление его социальной взрослости. Это является существенной необходимостью подготовки к будущей взрослой жизни. Задача воспитания в этот

период заключается в том, чтобы постепенно учить и научить подростка действовать, думать, выполнять разного рода задачи и обязанности на уровне требований, которые предъявляются взрослым, а также общаться с людьми по нормам отношений и поведения взрослых, чтобы учиться этому, ребенок должен начать жить в системе норм и требований, существующих для взрослых. Такое обучение прямо связано с расширением самостоятельности и изменением прав подростка. Обычно взрослые склонны связывать развитие народности с более серьезным и ответственным выполнением обязанностей и с увеличением их числа. Становление взрослости обязательно предполагает это, но с другой стороны, оно требует и расширения прав подростка. Таким образом, задача развития социальной взрослости подростка диктует необходимость перехода к новому типу отношений по сравнению с детством.

Такой переход может происходить по-разному, и в зависимости от того, когда, как и в какой степени реализуются новые требования и нормы в практике деятельности и отношений ребенка, а также степенью готовности принятия их. Как уже говорилось, такая готовность создается у подростка сдвигами в развитии его личности и виде восприимчивости к усвоению различных образцов взрослого поведения, а переход к новому типу отношений со взрослыми соответствует собственным стремлениям подростка.

Однако у взрослых (учителей и родителей) сплошь и рядом как раз именно отсутствует готовность к такому переходу и, в частности, к расширению прав подростка. Расширение прав обычно представляется естественным только тогда, когда меняется положение человека. Однако в действительности общественное положение подростка не меняется по сравнению с детством: он был и остается «учеником», «школьником». Кроме того, сохраняется полная материальная зависимость подростка от родителей, а у родителей и учителей – роль воспитателей.

Другой тормоз расширения прав подростка – инерция прежнего опыта взрослого в виде привычки постоянно направлять и контролировать ребенка. Ведь расширяя самостоятельность подростка, взрослый при этом должен ограничивать собственные права в отношении ребенка и ломать собственный опыт общения с ним, а это трудно даже при осознании необходимости перемен.

Третий тормоз связан с отсутствием у ребят, особенно в начале подросткового возраста, умения действовать самостоятельно, что часто приводит к тому, что претензии подростка превышают их возможности, и поэтому возникает объективная необходимость в руководстве и контроле со стороны взрослых. Все это создает крепкую основу для сохранения у взрослого отношения к подростку еще как к ребенку, который должен подчиняться и слушаться, и оправдывает нецелесообразность и ненужность расширения прав и самостоятельности подростка.

Таким образом, в начале подросткового периода складывается ситуация, чреватая возникновением противоречий, если у взрослого сохраняется отношение к подростку еще как к ребенку. Такое отношение, с одной стороны, вступает в противоречие с задачами воспитания детей этого возраста и является тормозом

развития социальной взрослости подростка, а с другой стороны, оно вступает в противоречие с представлением подростка о степени собственной взрослости и его претензиями на новые права. Именно это противоречие является источником конфликтов и трудностей в отношениях взрослого и подростка, которые возникают из-за расхождения их представлений о характере прав и степени самостоятельности подростка.

Анализ разных вариантов развития подростков показал, что, несмотря на тормозящее влияние вышеупомянутых моментов, в подростковом периоде старый тип отношений со взрослыми все же вытесняется новым (в большей или меньшей степени), причем трудности и конфликты могут быть сведены к минимуму, если взрослый препятствует возникновению и развитию противоречия, порождающего их. Когда же взрослый собственными действиями создает и углубляет противоречие, трудности и конфликты неизбежны.

Характер смены прежнего типа отношений на новый, во многом зависит от того, кто является инициатором этой смены. При инициативе взрослого существует принципиальная возможность управлять этим процессом и избежать трудностей. При инициативе же подростка вероятность возникновения конфликтов велика и зависит от существующего у взрослого отношения к подростку – еще как к ребенку или уже как к взрослому. Подросток становится инициатором смены отношений, когда у него возникает «чувство взрослости», а отношение взрослого к нему, по сравнению с детством, не меняется. Как уже говорилось, такое расхождение в оценке степени взрослости подростка (им самим и взрослым) выступает в качестве противоречия, способного породить конфликт. Оно может иметь три варианта развития с соответственно разными картинками в динамике отношений подростка и взрослого.

Первый вариант характеризуется постепенным углублением противоречия и развитием конфликта, имеющего тенденцию быть обширным и длительным. Его первый узелок порождается отношением взрослого к претензиям подростка на большую самостоятельность, доверие и уважение как к необоснованным. Однако стремление взрослого сохранить прежний стиль отношений вызывает сопротивление со стороны подростка в виде разных форм протеста и неподчинения. Существование у подростка и взрослого противоположных тенденций, их сопротивление друг другу определяет возникновение столкновений, которые при неизменности отношения взрослого становятся систематическими и все более резкими, а негативизм подростка – упорным и глобальным по характеру. В результате сохранения такой ситуации ломка прежних отношений может затянуться на весь подростковый период и иметь форму хронического конфликта. При этом развитие некоторых сторон взрослости подростка может тормозиться, а личность калечиться (появление ответных агрессивных-деспотических тенденций, лживости, ханжества, приспособленчества и др.). Как правило, быстро растет отчужденность подростка. Взрослый теряет авторитет, и к нему может возникнуть отношение как к «пережитку прошлого», что оправдывает в глазах подростка неприятие им требований, оценок, взглядов взрослого.

Второй вариант возникает тогда, когда порождающее конфликт противоречие существует, но проявляется эпизодически, будучи замаскировано специфическим поведением взрослого: под напором подростка, но вопреки собственным взглядам, он начинает разрешать то, что не разрешал раньше. Благодаря этому столкновений становится меньше, но их возможность имеется постоянно из-за неизменности сущности отношения взрослого к подростку. Эта неизменность в сочетании с уступками определяет непоследовательность поведения взрослого: одно и то же то разрешается, то запрещается. Такая неопределенность, касающаяся пределов доступного и возможного для подростка, существует довольно часто, может сохраняться долгое время и благоприятствует развитию взрослости подростка в русле имеющихся у него интересов и стремлений, так как каждое прошлое отступление взрослого подросток использует против него как средство для достижения желаемого.

Третий вариант складывается в случаях, когда взрослый со временем начинает видеть в подростке не ребенка, а более взрослого и соответственно меняет отношение. Поэтому противоречие, порождавшее трудности в их общении, уменьшается и меняется первоначальная картина в отношениях: конфликт становится меньше и может исчезнуть вообще.

В таких указанных вариантах развития отношений подростка и взрослого сходным общим моментом является конфликтное начало подросткового периода. Здесь всюду имеется так называемая негативная фаза. Она возникает при инициативе подростка в переходе к новому типу отношений со взрослым и при сопротивлении взрослого этому. Длительность конфликта определяется временем неизменности отношения взрослого к подростку. В целом же негативная фаза отражает определенную форму перехода к новому типу отношений в условиях, когда сдвиги в развитии личности ребенка в начале подросткового возраста *опережают* появление соответствующих им изменений в отношениях с взрослым. Положительное содержание негативной фазы заключается в том, что подросток путем разных форм неподчинения взрослому *ломает прежние «детские» отношения с ним и навязывает новый тип «взрослых» отношений* которым объективно принадлежит будущее, поскольку только при таких отношениях может развиваться социальная взрослость подростка.

Существенный симптом негативной фазы заключается также в разрушении у подростка прежних и появлении новых интересов. Положительное содержание этой смены создается возникновением у подростка активного сравнения на мир взрослых с его образцами, нормами, ценностями и вообще на взрослого с целью приобрести его разные особенности и качества, приобщиться к разным сторонам его жизни и деятельности. Это имеет важнейшее значение в развитии социально-моральной взрослости подростка. Именно этот процесс составляет основное содержание формирования личности в этот период развития и заключается в появлении у подростка определенных морально-этических представлений и ценностей, целей и планов, связанных с будущим, задач самовоспитания и самообразования, а также стремления поступать в соответствии с собственными представлениями и целями. Однако конфликтные отношения способствуют

нежелательной эмансипации подростка, создают у него смысловой барьер к воздействиям взрослого, и поэтому воспитатель может вообще потерять возможность влиять на подростка в ответственный период становления моральных и социальных установок личности.

Иначе протекает подростковый период, если переход к новому типу отношений с подростком происходит по инициативе взрослого. В этом случае такой переход может происходить постепенно, без специфических трудностей и быть естественным следствием особого рода общения с ребенком до подросткового возраста или в его начале, а также результатом намеренного изменения взрослым прежних отношений. В последнем случае взрослый, не дожидаясь времени, когда инициатором перемен может стать подросток, начинает перестраивать свое отношение к нему и выяснять, где именно и как можно и нужно расширить его самостоятельность и права, повысить требования к подростку, увеличить его ответственность. Такого рода признание взрослым возросших возможностей ребенка отвечает задаче воспитания, а при появлении у подростка «чувства взрослости» препятствует возникновению противоречия, порождающего трудности и конфликты.

Возможность дальнейшего бесконфликтного протекания подросткового периода связана с правильным решением проблемы постепенного пошагового перехода к новому типу отношений и постепенного расширения самостоятельности подростка в разных направлениях, причем с нахождением той ее степени, которая соответствовала бы реальным возможностям подростка и общественным требованиям, но не превышала бы меры, когда взрослый теряет возможность направлять поведение подростка и влиять на него.

Интересны и поучительны случаи бесконфликтного перехода к новому типу отношений, возникающих на базе особого рода общения взрослого и ребенка в конце младшего школьного возраста и начале подросткового, это имеет место в случаях, когда из-за особых обстоятельств ребенок становится серьезным помощником матери в хозяйственных делах, а в некоторых вопросах – ее советчиком и опорой, причем одновременно имеет значительную самостоятельность в отношениях с товарищами. Такое положение подростка ставит его в существенных вопросах наравне со взрослыми и вызывает к жизни способы социального взаимодействия, основанные на доверии» помощи друг другу и уважении. Далее, отношения между подростком и взрослым не претерпевают отрицательных изменений, когда взрослый является активным участником жизни ребенка (разных его дел, интересов, отношений), становится его личным, интимным другом, помогает советом и делом, сам советуется с ним в некоторых вопросах. Также не происходит отрицательных сдвигов, если взрослый становится образцом для ребенка и приобщает его к некоторым своим интересам и занятиям, учит полезным умениям, считается с мнением, помогает в трудностях.

Для всех этих вариантов отношений характерно наличие *общности* в той или иной стороне жизни ребенка и взрослого, *сотрудничества* между ними, из чего рождается *промежуточный тип отношений большего равноправия* по сравнению с детством. Отношения развиваются благополучно, если они строятся по

определенному типу отношений взрослых – дружеских или содержательного сотрудничества с характерными для них нормами взаимного уважения, помощи и доверия. В процессе сотрудничества происходит становление новых способов социального взаимодействия подростка и взрослого, морально-этическое содержание которых отвечает задаче развития социальной взрослости подростка и его новым требованиям к характеру взаимоотношений со взрослыми. Сотрудничество, будучи особым типом общения, позволяет взрослому поставить подростка в новое положение – своего помощника и товарища в разных делах и занятиях, а самому стать для него образцом и другом. Именно такого рода отношения субъективно необходимы подростку и объективно необходимы для его воспитания.

Таким образом, создание общности в жизни взрослого и подростка, расширение сферы их сотрудничества и содержательных контактов, как основы перехода к новому типу отношений, является важнейшей проблемой в воспитании детей этого возраста и необходимым и обязательным условием разворачивания процесса обучения подростка быть взрослым. Постепенно вводить его в мир взрослости должны непосредственные воспитатели – родители и учителя. Если этого не делать, подросток найдет способы проникнуть в этот мир без помощи взрослых. Их нежелание или неумение понять новые стремления подростка толкает его в среду товарищей, на поиск удовлетворяющего содержания жизни и отношений, еще больше увеличивает потребность в общении со сверстниками, поскольку здесь, в среде сверстников, стремление подростка к взрослости понятно остальным, находит признание и поддержку. Здесь отыскиваются разные пути приобщения к взрослости и устанавливаются контакты на этой основе. Здесь может получить поддержку протест подростка против неудовлетворяющего отношения взрослых и на этой основе может возникнуть «солидарность группы».

Общение с товарищами является особой школой развития социально-моральной взрослости подростка, и сила влияния сверстников прямо пропорциональна степени неудовлетворенности подростка общением со взрослыми. Первопричиной эмансипации подростка может быть не совершившийся своевременно переход к новому типу отношений с взрослыми», а поскольку при этом социально-моральное развитие подростка происходит преимущественно за пределами влияния родителей или учителей, то у них нередко появляются новые трудности и проблемы из-за расхождений с подростком во взглядах по разным вопросам, причем подросток может отвергать мнение взрослого не только как «просто» неправильное, но и как «несовременное», «старомодное». Вопрос о столкновениях и конфликтах подростка и взрослого из-за различия в этических и эстетических представлениях, в социально-моральных установках и ценностях является особой проблемой, которая приобретает актуальность во второй половине подросткового возраста и сохраняется в юношеском.

Итак, выяснение причин трудностей и конфликтов в общении взрослых с ребенком при его вступлении в подростковый возраст и последствий существования этих трудностей и конфликтов в подростковом периоде ставит проблему необходимости *соответствия* отношения взрослых уровню развития

личности подростка и такого построения их взаимоотношений, когда именно они определяли бы прогресс в формировании личности подростка и правильное направление в развитии его социальной зрелости, а это, в свою очередь, ставит проблему *динамики* этих отношений (их норм и содержательной основы) *внутри* возрастного периода. Эти проблемы особенно остро встают в отношении подростков, но, очевидно, имеют существеннейшее значение на протяжении всего детства. Для их решения необходимо детальное изучение разных типов и видов общения взрослого и ребенка и выяснение их функции в развитии личности. Без этого управлять процессом формирования личности ребенка невозможно.

Литература

1. Арямов И.А. Рабочий подросток. – М., 1928.
2. Арямов И.А. Особенности поведения современного подростка. «Педология». – т. 2. – 1928.
3. Блонский Я.Я. Педология. – М., 1936.
4. Блонский П.Я. Очерки детской сексуальности. – М.-Л., 1935.
5. Возрастные и индивидуальные особенности младших подростков/ Под ред. Д.Б. Эльконина, Т.В. Драгуновой. – М., 1967.
6. Выготский Л.С. Педология подростка (на правах рукописи). – М., последовательное издание частей в 1929, 1930 и 1931 гг.
7. Выготский Л.С. Переходный возраст (стенограмма лекции). Рукопись, 1934.
8. Выготский Л.С. Негативная фаза (стенограмма лекции). Рукопись, 1933.
9. Выготский Л.С. Проблема возраста. Рукопись.
10. Драгунова Т.В., Эльконин Д.Б. Некоторые психологические особенности личности подростка//Советская педагогика, 1965. – № 6.
11. Драгунова Т.В. Некоторые вопросы формирования личности в подростковом возрасте //III Всесоюзный съезд Общества психологов СССР. – М., 1968. – Т. 2.
12. Загоровский П.Л. О так называемой негативной фазе в подростничестве // Педология, 1928. – Т. I/
13. Загоровский П.Л. Основные направления в современной психологии юности // Психология, вып. 1. – т. 2. – 1929.
14. Загоровский П.Л. Второе школьное детство и особенности его социального поведения//Труды педфака ВГУ. Воронеж, 1928.
15. Смирнов А.А. Психология ребенка и подростка. – М., 1926.
16. Смирнов В. Рабочий подросток. – М.- Л., 1924.
17. Рыбников Н.А. Крестьянский ребенок. – М, 1930.
18. Рыбников Н.А. Юношеские дневники и их изучение.
19. Холл С. Инстинкты и чувства в юношеском возрасте. – Петроград, 1920.
20. Холл С. Социальные инстинкты у детей и учреждения для их развития. – С.-Пб., 1913.
21. Benedict R. Continuities and Discontinuities in Cultural
22. Conditioning.//The Adolescent-a book of readings /ed. by J. M. Seidman. N. Y., 1960.
23. Buhler Ch. Das Seelenleben des Jugendlichen. Jena, 1927.

24. Busemman A. Die Jugend in eigenen Urteil. Lanqensalza, 1926.
25. Coleman J. The Adolescent Society. N.Y., 1966.
26. Freud A. Adolescence.//The Causes of Behavior: Readings in Child Development and Educational Psychology / ed. by J. F. Rosenblith and W. Allinsmith. Boston, 1964.
27. Freud A. The Ego and Mechanisms of Defense. N.Y., 1948.
28. Gessell A. Youth: the Years from Tea to Sixteen. N.Y. 1956, Hall G.S. Adolescence (2 vol). N.Y., 1908.
29. Hetzer H. Hyeteniutische Dauerheobachtungen am Jugendllichun. der II den Verlaut der negativen Phase. Zeitschhhrrift f\ir pad. Psychologic, No. 2, 1927.
30. Lewin K. The Field Theory Approach to Adolescence.//The Adolcscent-a book of readings / ed. by J. M. Seidman. N Y., 1960.
31. Mead M. Coming of Age in Samoa . N.Y., 1928.
32. Mead V. Adolescence in Primitive and Modern Society.//Readings in Social Psychology / ed. by K. K. Maccohy. T.M. Newcomb and others. N.Y., 19 БЯ ,
33. Mead M. The Contemporary American Family as an Anthropologist Sees It //The Adolescent-a book of readings / ed. by J. M. Seidman, N.Y., 1960.
34. Spranger E. Psychologic des Jugciulalters. Leipzig, 1929.

3.1.3. Психолого-педагогическое исследование гендерных различий агрессивности подростков

А.Д. Иванова, Д.Ф. Шамсутдинова¹⁹

Агрессивность личности, во всем многообразии ее форм, является актуальной проблемой для любого общества. Большинство исследований свидетельствуют о том, что пик проявления агрессивности характерен для подросткового возраста, который характеризуется ярким проявлением самосознания, неустойчивостью гормонального фона, лабильностью эмоциональной сферы, обостренным чувством самостоятельности. По сути, подросток находится в переходном периоде между двумя фундаментальными состояниями – детства и взрослости. У него уже нет преимуществ ребенка, но ему еще не позволяют возможности взрослого. Стремительное распространение агрессивности в среде подростков требует выявления психолого-педагогических условий профилактики и коррекции агрессивности у мальчиков и девочек.

Возрастные изменения зачастую сопровождаются развитием или прогрессирующим девиаций, немотивированными конфликтами и острыми переживаниями любых, даже самых незначительных, жизненных противоречий, что обуславливает необходимость серьезного психолого-педагогического изучения проявлений подростковой агрессивности.

Целью данного исследования явилось изучение гендерных особенностей проявления агрессии в подростковом возрасте. В качестве гипотезы исследования выдвинуто предположение о том, что девочкам и мальчикам подросткового

¹⁹ Электронный научно-образовательный вестник здоровье и образование в XXI веке. – М, 2016. – том. 18. – № 11.

возраста присущи гендерно-специфические проявления агрессии: девочкам более свойственны вербальные и косвенные ее виды, мальчикам физические и прямые.

Экспериментальной группой для исследования выступили учащиеся 6-х классов в возрасте 13–14 лет МОУ СОШ № 18 и МОУ СОШ № 101 г. Уфы в количестве 180 человек: 90 девочек и 90 мальчиков. В качестве методик исследования были выбраны: тест Басса-Дарки (диагностика агрессивности) [1]; опросник «Ауто- и гетероагрессия» Е.П. Ильина [2]; бланковый тест «Агрессивность» А.И. Крупнова [3]. В

В результате эмпирического исследования выявлено, что среднегрупповые результаты общей агрессивности и враждебности укладываются в коридор нормы, однако показатели физической, вербальной агрессии и негативизма завышены. Корреляционно-факторный анализ в подгруппе девочек позволил выделить 4 фактора:

- 1) фактор эмоциональной или аффективной агрессии – 37% дисперсии;
- 2) рефлексивно-оценочный фактор агрессии – 7% дисперсии;
- 3) поведенческий фактор агрессии – 19% дисперсии;
- 4) мотивационный фактор агрессии – 11% дисперсии.

У мальчиков также выделили эти факторы, но компоненты третьего и четвертого факторов позволили их объединить под общим названием:

- 1) эмоционально-аффективный фактор агрессии – 16% дисперсии;
- 2) регуляторно-оценочный – 15% дисперсии;
- 3) когнитивный фактор агрессии – 40% дисперсии.

Первым рассмотрим эмоционально-аффективный фактор агрессии. Как известно, физиологически и социально девочки вступают в фазу взросления раньше. Этим объясняется то, что в возрасте 13–14 лет для девочек этот фактор является более значимым: 37% дисперсии по сравнению с 16% дисперсии у мальчиков.

Подростки в возрасте 13–14 лет стоят между детством и взрослостью. Подростки чувствуют двойственность своего положения: с одной стороны им твердят, что они уже взрослые, а с другой – не дают должной самостоятельности, контролируют их поступки, взаимоотношения и т.п. [4].

Второй фактор – рефлексивно-оценочный – описывает 7% дисперсии у девочек. Сюда вошли показатели операциональных трудностей, эмоционально-личностных трудностей и стеничности (на уровне тенденции). Девочки-подростки, демонстрируя агрессивные формы поведения, переживают внутренний конфликт из-за осознания того, что нарушают общепринятые нормы поведения женщин (особенно это касается прямой физической агрессии). Поэтому для девочек 13–14 лет свойственен более жесткий контроль за собственным поведением и чувство вины, как за намеренную, так и произвольную аффективную агрессию, хотя последние и можно оправдать неспособностью их регулировать. Девочки в большей степени чем мальчики испытывают эмоционально-личностные трудности и испытывают вину за собственную агрессивность, когда раздражительность и вспыльчивость являются осознаваемыми чертами личности, нежелательными для нее. Мальчики же наоборот, оказываются более спокойными в восприятии

произвольной агрессии, имея установку на то, что мужчинам, в случае необходимости, свойственно такое поведение.

Регуляторно-оценочный фактор у мальчиков описывает 15% дисперсии и в него входят показатели эгоцентричности, интернальности и (с обратным знаком) показатель вины.

В третий девичий поведенческий фактор агрессии вошли показатели косвенной агрессии, вербальной агрессии и общей агрессивности. Этот фактор описывает 19% дисперсии. Как уже отмечалось, у девочек высокий показатель вербальной агрессии, при этом делается акцент именно на косвенной вербальной агрессии – девочкам не характерна открытая конфронтация, они чаще участвуют в заговорах, распространяют слухи, объявляют бойкоты и т.п.

Показатель агрессивности по методике А. Басса–А. Дарки – это сумма показателей физической, косвенной и вербальной агрессии. Две переменные данной формулы со статистически значимым весом входят во второй фактор, поэтому на наш взгляд логично, что общая агрессивность стала одним из компонентов данного фактора [5].

В четвертый девичий фактор, названный мотивационным, вошли социоцентричность, эгоцентричность и косвенная агрессия (на уровне тенденции). Этот фактор покрывает 11% дисперсии. Проявление агрессивности среди девочек-подростков носит весьма не однозначный характер.

Часть испытуемых демонстрирует агрессивность с общественно-значимой направленностью: намерение защитить права других людей, желанием оградить товарищей от неприятностей. Другая же часть девочек проявляет агрессивность, чтобы добиться признания, продемонстрировать свою силу и власть. Это подгруппа с эгоцентричным типом агрессивности.

В подгруппе мальчиков был диагностирован когнитивный фактор агрессивности (40% выборки). В него входят показатель осведомленности, покрывающий 24% дисперсии со значимым весом, и показатель осмысленности, покрывающий 16% дисперсии. Подростки 13–14 лет вполне осознают особенности своего поведения, у мальчиков уже есть представления и установки по поводу мужского типа поведения.

Когнитивный подход к объяснению агрессивности в разработках Кеннета Доджа обозначается как враждебная атрибуция [5]. Атрибуция относительно намерений других зачастую играет важную роль в агрессивном поведении. Когнитивный фактор агрессивности описывает в целом 40% выборки у мальчиков 13–14 лет. Подростки, проявляющие неосознанные враждебные реакции, агрессивное поведение для демонстрации силы, склонны считать, что их агрессивность зависит не от них самих, а от жизненных обстоятельств и внешних условий.

Агрессия – одно из наиболее ярких проявлений подросткового гормонального кризиса. Дети 13–14 лет мгновенно реагируют на минимальные раздражители, неосторожное слово. Они чувствуют перемены в своем организме и хотят ощутить свое взросление. Первым педагогическим решением этого вопроса будет различный подход к мальчикам и девочкам в конфликтных ситуациях: за

кажущимся спокойствием девочек зачастую стоят серьезные внутренние проблемы если мальчиков приходится «гасить» в их негативных проявлениях, то девочек зачастую, наоборот, требуется «растормошить». Важнейшим педагогическим методом в разрешении вопроса подростковой агрессивности, является снижение видимого родительского контроля, вовлечение ребенка в обсуждение семейных вопросов, принятие его нового взрослого статуса. Агрессивным подросток становится не по собственной воле, родители и педагоги способны смягчить психологический травматизм этого переходного периода.

Литература

1. Головей Л.А., Рыбалко Е.Ф. Практикум по возрастной психологии. – СПб.: Речь, 2005. – С. 332–336.
2. Ильин Е.П. Психология индивидуальных различий. – СПб.: Питер, 2004.
3. Крупнов А.И. Психодиагностика свойств личности и темперамента. Учеб. пособие. – М.: МГУДТ, 2007.
4. Шамсутдинова Д.Ф. Психологические особенности подростковой агрессивности // Социальное положение детей, подростков и молодежи в современном обществе. Материалы Всероссийской научно-практической конференции 13–14 мая 2010 г. – Часть II. – Уфа: ИСЭИ УНЦ РАН, 2010. – С. 119–123.
5. Берковиц Л. Агрессия: причины, последствия и контроль. – СПб.: прайм-ЕВРОЗНАК, 2001.

3.1.4. Школьная служба примирения как средство сохранения психологического здоровья участников образовательного процесса

Е.Ю. Колотева, П.П. Кучегашева²⁰

В школе, где обучаются дети из разных социальных слоев, неминуемо возникает много конфликтов, противоречий, проявлений напряжения и агрессии. Если к этому добавить максимализм подросткового возраста и борьбу ребят за свой статус – то получается «гремучая смесь», разбираться с которой приходится администрации школы. Но на данную ситуацию можно посмотреть и с другой стороны, если в школе работает школьная служба примирения, возглавляемая педагогом – психологом образовательного учреждения. Школьная служба примирения или школьные службы медиации, созданные в образовательном учреждении и утвержденные приказом директора образовательного учреждения, являются содействием профилактике и социальной реабилитации участников конфликтных ситуаций на основе принципов восстановительного правосудия. В 2012–2013 учебном году по заказу Министерства образования науки Волгоградской области было проведено социологическое исследование отношение молодёжи к проявлениям

²⁰ International scientific-practical congress of pedagogues and psychologists "the generation of scientific ideas" – 2016. – №8. – С. 176–182.

терроризма и экстремизма в рамках которого рассматривался вопрос конфликтности в подростковой и молодёжной среде.

Цель данного исследования – получение социальной информации, необходимой Администрации Волгоградской области для корректировки и совершенствования деятельности по реализации целевых программ профилактики правонарушений среди учащейся молодёжи.

Объект исследования – молодёжь, обучающаяся в учреждениях образования, подведомственных Министерству образования и науки Администрации Волгоградской области. В исследовании приняли участие учащиеся 8–11 классов общеобразовательных учреждений гг. Волгограда, Волжского, Камышина, Фролово, Урюпинска, Жирновска, Ленинска и районных центров Волгоградской области. Всего в исследовании приняли участие 189 школ из них до 16 лет 4246 мальчиков и 5080 девочек.

Разрешение конфликтов в образовательном учреждении происходит по разному в большинстве случаев конфликты устраняются сразу «на месте» учителями, но самые болезненные или затянувшиеся, мешающие учебному процессу, поступают «наверх» – к директору, завучу, в Совет по профилактике. Там к нарушителям применяют административные меры, объясняют им возможные негативные последствия, обращаются за помощью к родителям, а в исключительных случаях используют наказание (например, направляют в Комиссию по делам несовершеннолетних). При этом следует обратить внимание на несколько моментов.

Конфликт считается негативным явлением, мешающим учебе. Поэтому школа старается его «заглушить», чтобы он не разросся и не вышел за ее границы. А решением проблемы считается ситуация, когда больше нет помех учебе и порядку в школе, а не когда все участники радостны и довольны.

Поскольку в школьной деятельности доминирует процесс обучения, конфликты (на рефлексии которых можно было бы строить процесс воспитания) считаются вредными и воспринимаются как нарушение порядка, хулиганство, правонарушение. Исправить же такие ситуации пытаются административными методами воздействия или коррекционной работой, не переговорами.

Основной способ воздействия взрослых – поучение, угроза наказанием или наказание (в более мягкой или более жесткой форме), поиски виноватого, формальное «замирение» сторон.

Часто в конфликтах стороны ограничиваются тем, что заявляют свои позиции, поэтому в таких конфликтах невозможно удовлетворить обе стороны, потому что ни одна из сторон, по разным причинам (гордость, необходимость), не желает отказываться от своей позиции.

Большинство опрошенных учителей указали на то, что их попытки вмешаться в разрешение конфликтов между учениками иногда могут занять целый урок, а часто случается, что невозможно провести урок из-за конфликтующих учеников, что порой приводит к срыву учебного процесса. Более того, очень часто вмешательство учителя в разрешении конфликтов

между учениками заключается усугублением конфликта из-за того, что учитель по инерции указывает на решение конфликта по своему мнению, что часто бывает неэффективно.

После нескольких сорванных уроков или неудачно разрешённых конфликтов, учителя приходят к убеждению, что ученики сами должны решать свои конфликты, самостоятельно и эффективно.

Не все педагоги соглашались с последним утверждением, считая, что в действительности они вступают в контакт с детьми и «просто разговаривают». Однако после просьбы показать свое искусство они представляли две знакомые модели: коррекционно-психологическая работа или «педсовет». Не справляясь, они обычно вызывают родителей и просят «принять меры», т. е. попросту наказать (школа себе это позволить не может). Родители в таких случаях или игнорируют школу, или объединяются с ней против подростка, или выступают с подростком против школы. Есть еще один вариант: организация «общественного мнения» (давление класса на ученика), хотя многие понимают, что манипулировать классом неправильно. Многие педагоги говорили о своем чувстве безысходности перед конфликтами (в т.ч. с родителями), о том, что поиски выхода из них отнимают много сил и времени. Таким образом, получается, что в решении этой трудной задачи участвуют только взрослые (специалисты, родители и др.), но не сами участники конфликтной ситуации (подростки). Скорее всего, здесь сказывается отношение к детям как к «маленьким» и неспособным самим найти выход из сложившейся ситуации.

Часть конфликтов остается скрытой для взрослых. В одних случаях ученики сами пытаются «выяснить» отношения, но делают это с использованием угроз и силы (на разборках и «стрелках» за пределами школы). Поддерживая их желание самостоятельно справиться с ситуацией, мы не можем принять этот способ решения. В других случаях напряженные отношения между учениками или учеником и учителем могут длиться на протяжении всей учебы в школе («белые вороны», «батаны», «гоблины» т.д.).

Где тот путь, который поможет, с одной стороны, передать сторонам конфликта ответственность за его разрешение, а с другой – помочь конструктивно поговорить (незвизрая на эмоции и предубеждения) и найти не силовой способ выхода из ситуации?

По данным исследований, одной из причин понижения эмоционального состояния педагогов и снижения значимости самой профессии являются школьные конфликты (на разбор которых порой уходит большая часть внеучебного времени педагога), мы считаем нужным ввести в школе службу примирения, которая будет заниматься большей частью решения этих самых конфликтов и тем самым освободит педагогов от некоторых стрессовых ситуаций и даст возможность установить между субъектами образовательного процесса отношения, основанные на понимании другого человека (будь то педагог или ученик).

Медиация конфликтов между учениками является комплексной программой, которая требует прямого участия, как учеников, так и учителей.

Медиация является процессом общения и переговоров между людьми, находящимися в конфликте, и которая проходит под координацией и с помощью лица, которое является медиатором, проинструктированным как помочь сторонам конфликта самим дойти до обоюдно согласованного решения. Переговоры и общение не происходят хаотично, а структурировано и поэтапно. Роль медиатора – пояснить сторонам конфликта в самом начале: что произойдёт (процесс) как произойдет (правила). По ходу процесса медиатор помогает сторонам выявить и высказать существующие проблемы, генерировать решения и, в заключении согласовать одно или более решение.

Работать в службе примирения школьными медиаторами могут учащиеся старших классов, прошедшие подготовку по программе «Школа без насилия или переговоры без поражения».

Цель программы: повышение у учащихся уровня толерантности к фрустрации, т.е. адекватных возможностей, порога реагирования на неблагоприятное воздействие (устойчивости) со стороны всех участников учебно-воспитательного процесса: сверстников, учителей, родителей в рамках обучения работе школьными – медиаторами с целью дальнейшего посредничества в оказании помощи сверстникам, попавшим в конфликтную ситуацию.

Задачи:

1. Формирование ценностей и ориентация на здоровый образ жизни.
2. Повышение адаптивности учащихся исходя из их социального опыта, возможностей и психического состояния.
3. Формирование позитивных отношений подростка к самому себе и окружающему миру в прошлом, настоящем, будущем.
4. Развитие коммуникативной, интерактивной и перцептивной сторон общения с целью предупреждения возникновения коммуникативных барьеров.
5. Расширение круга видения проблемы за счет мнений других.
6. Развитие способности к адекватной оценке фрустрационной ситуации и умения находить конструктивные пути выхода из нее.
7. Обучение приемам снятия эмоционально-волевого напряжения.
8. Развитие терпимости к различным мнениям и адекватной оценке поведения людей и событий.
9. Формирование готовности в оказании помощи сверстникам по разрешению конфликтных ситуаций.

Структура программы состоит из трёх блоков:

- диагностического (комплектование тренинговой группы, выявление уровня конфликтности личности, агрессивности, индивидуальных особенностей участников группы выявление лидеров);
- теоретического с элементами практики (знакомство с понятиями конфликта, спора, дискуссии. Изучение правил ведения спора, причин, видов и стадий протекания конфликта, стратегии поведения в конфликтной ситуации и пр. Подростки на практике учатся находить адекватные выходы из

предлагаемых тренером часто встречающихся конфликтных ситуаций в подростковой среде по ранее собранной проблематике).

– практического (тренингового) с отработкой навыков ведения медиативных процедур.

Школьная медиация или работающие школьные службы примирения доказали, что разрешение конфликтов между учениками с помощью их сверстников-медиаторов приводит к благополучному разрешению 7 из 10 конфликтов. В самостоятельном разрешении конфликтов дети более откровенны и больше доверяют медиатору, чем в тех случаях, когда конфликты разрешаются с участием учителя. Программа школьной медиации будет успешной, если:

- медиация не воспринимается как волшебное средство разрешения конфликтов;

- один или более учителей обязуется координировать и контролировать ее внедрение;

- администрация школы поддерживает эту программу;

- учителя и ученики имеют положительное отношение к данной программе;

- ученики-медиаторы хорошо подготовлены и имеют поддержку;

- остальные участники программы имеют хотя бы элементарную подготовку в области конфликтологии и коммуникации.

- медиация в школе имеет более важную роль, чем просто программа разрешения конфликтов.

Дети, прошедшие через опыт медиации (особенно медиаторы), развивают очень хорошие навыки не только в преодолении конфликтов, но и в их предупреждении. Ученики, разрешившие свои конфликты с помощью своих сверстников-медиаторов, после нескольких удачных опытов меняют свои отношения, становятся более мирными и конструктивными в обсуждении разногласий. В школах, где медиация воспринимается всерьёз и считается нормой, наблюдается более здоровый климат и более дружные отношения между всеми участниками учебного процесса.

После проведения программы школьной медиации в МОУ СОШ №5 г. Михайловки, которая проводилась под руководством педагога-психолога за счёт внеклассной (кружковой), работы выявился ряд положительных эффектов данной программы:

- учащиеся, принимавшие участие в медиации как стороны конфликта, становятся более ответственными и самостоятельными;

- контролируют эмоции;

- думают, над формулировкой изложения своей позиции и, высказывая ее, не обвиняют, а указывают на свои чувства;

- выслушивают другую сторону конфликта и понимают ее позицию.

Самый важный навык – это креативное мышление, которое особенно развивается на этапе выработки решений конфликта.

Анализ работы участников школьного кружка «Школьная медиация» четко прослеживает явные изменения взглядов школьных медиаторов на конфликт, вплоть до радикального изменения поведения. Так школьники участвующие в группе – примирения умеют не только выслушать сторону конфликта, но и услышать ее. В анализе работы педагога-психолога руководящего всем процессом школьной службы медиации (примирения), выделено, что активные участники школьной службы примирения стали более толерантны и беспристрастны, им стали больше доверять, потому что они доказали что умеют хранить чужие секреты, и поэтому они сами более дружелюбны и восприимчивы, способны переубеждать своим примером.

Педагоги образовательного учреждения однозначно выделяют, что у них появилось свободное время, которое они могут уделить образовательному процессу, а не разбору конфликтов в классе

Родители замечают изменения в поведении детей и проявляют интерес к медиации, к мирным методам разрешения конфликтов.

Итоговая диагностика с участниками прошедшими обучение по программе «Школа без насилия или переговоры без поражения» по тестам Томаса, Басса-Дарки показывает у учащихся старших классов выраженный уровень конфликтности с 38% (в начале работы данной программы) снизился до 6 %, а высокий уровень агрессивности с 28% до 0%. 42% родителей отметили изменения в отношениях «родитель-ребенок» в лучшую сторону (на основе анализа ответов родителей на вопросы анкеты и результатов теста «РДО»).

Как говорил Сенге Питер М.: «Ценность только до тех пор остается ценностью, пока человек принимает ее по своей доброй воле». По сути именно добровольность участия в медиативном процессе является основным краеугольным камнем внедрения данной технологии. Сложно себе представить, что на пике конфликта, испытывая сильные отрицательные эмоции по отношению к друг другу, участники конфликта согласятся обсуждать возникшую между ними проблему лицом к лицу, да еще и в присутствии посредника. К сожалению, единственное, о чем это свидетельствует – о низком уровне личностного развития и непринятии ценности сотрудничества во взаимодействии с другими людьми. Как с этим работать? Выход там же, где и вход. Внедрению медиации в школьную практику должна предшествовать система просветительских, коррекционно-развивающих занятий, направленных на формирование и развитие у школьников навыков сотрудничества, позиции, предполагающей безоценочное принятие себя и других людей. Разумеется, ложным было бы предполагать, что возможно быстро и одновременно у всех учащихся развить необходимые для участия в медиации личностные качества. Это свидетельствует только об одном – процесс формирования высокой культуры межличностного общения, ориентированной на сотрудничество и принятие ценности личности каждого отдельного человека, долог и труден, но реален и осуществим. Популяризация и освоение медиации позволяет научить людей давать то, что они хотели бы получать!

Литература

1. Бессмер Христоф. Медиация. Посредничество в конфликтах/перевод с нем. Н.В. Маловой. «Духовное познание». – Калуга, 2004. – 176 с.
2. Коновалов А.Ю. Служба примирения в системе школьного самоуправления // Директор школы. – 2008. – № 9. – С.12–20.
3. Чалдини Р., Кенрик Д., Нейберг С. Социальная психология. Пойми других, чтобы понять себя! (серия «Главный учебник»). – СПб.: прайм ЕВРОЗНАК, 2002.
4. Шамликашвили Ц. Явные и незаметные преимущества медиации // Медиация и право. – 2009. – № 2 (12).

3.2. Профилактика буллинга в молодежной среде

3.2.1. Потенциал первичного коллектива в профилактике буллинга среди подростков

Д.Н. Соловьев²¹

Социальные тенденции к чрезмерной индивидуализации, росту конкуренции, социальной напряженности и агрессии в повседневной жизни находят свое отражение во взаимодействии школьников подросткового возраста. В среде подростков возникает буллинг – «форма деструктивного конфликтного взаимодействия в малой группе, при котором обидчиком в отношении жертвы, не способной себя защитить, в присутствии свидетелей, осуществляются длительные повторяющиеся насильственные действия» [1, с. 2]. Россия находится в первой десятке развитых стран по распространенности буллинга среди подростков в возрасте 11–13 лет. В соответствии с исследованием 207 334 подростков из 39 стран (из них 5174 подростка из России), проведенным в 2010 г. Европейским региональным бюро ВОЗ, в возрасте 11 лет 43 % российских школьников подвергались буллингу, в возрасте 13 лет – 39 %, в возрасте 15 лет – 25 %, что ставит Россию соответственно на 5, 6 и 8-е места по количеству жертв буллинга [2, с. 194–195].

Широкому распространению буллинга среди школьников подросткового возраста способствовало резкое сужение пространства социального взаимодействия подрастающего поколения, которое в настоящее время главным образом происходит в виртуальном пространстве в социальных сетях, при этом непосредственное взаимодействие подростков сведено к минимуму. Школа является обязательным для посещения всеми подростками учреждением. Одним из немногих пространств, где на регулярной основе в течение длительного времени осуществляются общение и взаимодействие подростков, является классный коллектив. Таким образом, нарушения общения, которые были распространены в различных социальных группах между подростками (секции, кружки, клубы по интересам и т. д.), сейчас сконцентрированы в школьном классе.

²¹ Теория и практика общественного развития, Издательский дом «Хорс», Краснодар. – 2015 – №4. – С.149–151.

Исследователи буллинга выделяют следующие его характеристики: наличие обязательных ролей участников буллинга: обидчик, жертва, свидетель; длительный повторяющийся характер насильственных действий обидчика; проактивная агрессия обидчика; различные виды агрессии и насилия, реализуемые в процессе буллинга: психологический, физический буллинг; дисбаланс сил обидчика и жертвы. Буллинг в школьном классе является деструктивным способом реализации естественной потребности подросткового сообщества в формировании внутригрупповой структуры класса, основанной на принципе доминирования, и возникает в результате стремления обидчика повысить и сохранить высокий социальный статус в группе [3, с. 8–13].

Тот факт, что в развитом первичном коллективе осуществляются гуманистические взаимодействия подростков, их сотрудничество и взаимоподдержка, позволяет предположить, что первичный коллектив подростков обладает потенциалом профилактики буллинга. В связи с этим рассмотрим более подробно подходы к определению понятия и характеристик коллектива.

А.С. Макаренко выделял первичный и вторичный типы коллектива. Первичным выдающийся исследователь называл «такой коллектив, в котором отдельные его члены оказываются в постоянном деловом, дружеском, бытовом и идеологическом объединении. Это тот коллектив, который одно время наша педагогическая теория предлагала назвать контактным» [4].

Точка зрения А.С. Макаренко на коллектив была принята и взята за основу многими исследователями данного явления. А.В. Петровский, взяв за основу опыт А.С. Макаренко и изложив его в виде цельной стратометрической концепции коллектива, предложил следующую дефиницию: «Коллектив – это группа, где межличностные отношения опосредствуются общественно ценным и личностно значимым содержанием совместной деятельности» [5, с. 47]. Коллективная деятельность влияет на характеристики взаимодействия внутри коллектива и на личностные характеристики участников коллектива через механизм деятельностного опосредствования, который состоит в том, что, «осуществляя свою цель в конкретном предмете деятельности, группа тем самым изменяет себя, совершенствует свою структуру и преобразует систему межличностных отношений» [6, с. 5].

Анализ стратометрической концепции коллектива А.В. Петровского позволяет получить новые данные о связи характеристик школьного класса и буллинга. Буллинг-структура и коллектив возникают в результате реализации естественной потребности группы в формировании ее структуры и отношений в ней. Отношения ответственной зависимости, взаимоподдержки, взаимоконтроля и взаимопомощи в коллективе исключают отношения доминирования и конкуренции с применением насилия. Это дает основание предположить, что коллектив и буллинг обладают взаимоисключающими характеристиками.

Для описания типов отношений в буллинг-структуре и коллективе был использован перечень типов отношений, которые присутствуют в коллективе

по А.В. Петровскому: совместная деятельность, отношение обучающихся к совместной деятельности, отношения обучающихся, опосредствованные совместной деятельностью, эмоциональные отношения. Данный перечень типов отношений является исчерпывающим и подходит для оценки отношений, которые присутствуют в группах как низкого уровня развития с антисоциальной групповой деятельностью, так и высокого, так как позволяет рассмотреть не только непосредственные эмоциональные отношения, но и отношения, опосредованные совместной деятельностью обучающихся.

В буллинг-структуре совместной деятельностью выступает насилие со стороны обидчика и его помощников по отношению к жертве, обучающимися усваиваются антисоциальные ценности и способы взаимодействия (физическое и психологическое доминирование, подавление, удовлетворение собственных потребностей за счет других). Совместной деятельностью в коллективе выступает социально одобряемая деятельность, отвечающая интересам членов группы и создающая возможности для их развития. В случае если в группе присутствует социально одобряемая деятельность, то наличие в ней длительного повторяющегося насилия как основы всех взаимоотношений исключено. Характер самой деятельности определяет взаимоотношения в группе за счет функционирования принципа деятельностного опосредствования. Таким образом, осуществляя социально одобряемую деятельность, обучающиеся присваивают гуманистические ценности и нормы взаимодействия в обществе.

Отношение обучающихся к совместной деятельности в коллективе характеризуется наличием коллективной самоидентификации, которая предполагает избирательное отношение ко всем взаимодействиям в группе. Член коллектива самостоятельно и свободно, основываясь на собственных ценностях и идеалах, принимает решение, воздействуя при этом на группу. Таким образом, коллективное самоопределение и самоидентификация исключают возникновение насилия и конформизма или нонконформизма по отношению к нему. В буллинге учащиеся не могут свободно проявлять свое отношение к поведению других, поскольку находятся под постоянным давлением обидчика и опасаются стать новой жертвой.

В коллективе на основе совместной социально одобряемой деятельности возникают отношения, опосредствованные совместной деятельностью, – формальная структура класса, в которую входят члены актива, староста, активные члены коллектива, здоровый пассив. Важной чертой формальной структуры коллектива являются постоянные ротации членов коллектива. В буллинг-структуре возникают отношения, опосредствованные совместной деятельностью – насилием. Таким образом, формируется условная «формальная» структура на основе данной деятельности. Каждый из членов класса понимает, кто является обидчиком, жертвой и свидетелем. При этом стать жертвой очень легко, а занять более комфортное положение свидетеля крайне сложно.

Эмоциональные отношения в коллективе разнообразны, сближение формальной и неформальной структур коллектива позволяет формировать дружеские, доброжелательные отношения между учащимися. Коллектив является средой для неформального общения, обмена интересами. В буллинг-структуре эмоциональные отношения обучающихся являются преимущественно напряженными, наблюдается отрицательный социально-психологический климат, обучающиеся чувствуют себя некомфортно в классе, может формироваться школьная фобия, так как они находятся под постоянным давлением со стороны обидчика. Характеристики коллектива и буллинг-структуры являются взаимоисключающими, что дает основание полагать, что коллектив обладает потенциалом для профилактики буллинга.

Соответственно, потенциал коллектива в профилактике буллинга состоит в таких его характеристиках, как наличие социально одобряемой коллективной деятельности, опосредствующей просоциальные личностные качества и черты коллективистского взаимодействия подростков, наличие коллективистских мотивов и целей подростков, ценностно-ориентационное единство коллектива, эмоционально-ценностное отношение подростков к участникам коллектива и коллективной деятельности.

Литература

1. Соловьев Д.Н. Модель профилактики буллинга среди школьников подросткового возраста [Электронный ресурс] // Науковедение. – 2014. – Вып. 3 (22). – URL: <http://naukovedenie.ru/PDF/121PVN314.pdf> (дата обращения: 24.02.2015).
2. Социальные детерминанты здоровья и благополучия подростков. Исследование «Поведение детей школьного возраста в отношении здоровья» (HBSC) : междунар. отчет по результатам обследования 2009–2010 гг. / ed. by C. Currie, C. Zanotti, A. Morgan, D. Currie, etc. Копенгаген, 2012. – 274 с.
3. Olweus D. Bullying at school. What we know and what we can do. Oxford. – 1993. – 135 p.
4. Педагогика индивидуального действия [Электронный ресурс]. URL:<http://pedagogic.ru/books/item/f00/s00/z0000000/st049.shtml> (дата обращения: 06.02.2015).
5. Петровский А.В. Личность. Деятельность. Коллектив. – М., 1982. – 255 с.
6. Смирнова Е.О., Холмогорова В.М. Межличностные отношения дошкольников: диагностика, проблемы, коррекция. – М., 2005. – 158 с.

3.2.2. Теоретические основания развития системы социально-педагогической работы по профилактике школьного буллинга

И.Н. Дашук, К.В. Дашук²²

Основная задача школы – обеспечить всем детям и подросткам эффективную реализацию основополагающего права на обучение в безопасной, комфортной и стимулирующей развитие образовательной среде. Ни одно

²² Экономические и гуманитарные исследования регионов. – 2018. – № 6.

учебное заведение не сможет это гарантировать, если в его стенах учащиеся подвергаются буллингу – травле со стороны сверстников; умышленному и регулярному (не менее одного-двух раз в месяц) физическому или психологическому преследованию, сексуальному домогательству одного из членов школьного коллектива.

По оценкам Всемирной организации здравоохранения, в 2013–2014 гг. в Российской Федерации 25% одиннадцатилетних мальчиков и девочек не менее двух раз в месяц за последние пару месяцев становились жертвой травли, что в рейтинге распространенности школьного буллинга из 43 европейских государств, принявших участие в исследовании ВОЗ, поставило нашу страну на третье место (для сравнения, в Армении это число равно 3,5%, в Швеции – 5,5%, Англии – 10,5%, Финляндии – 12%) [5]. Выявленный факт актуализирует организацию социально-педагогической работы по профилактике буллинга в российских школах.

Анализ соответствующих научных и методических публикаций Д. Лэйна [4], А.А. Бочавер, К.Д. Хломова [2], Л.А. Глазыриной, М.А. Костенко [6], С.В. Кривцовой [3], С.В. Фоминой [8] и др. позволил нам соотнести предлагаемые этими авторами стратегии и мишени социально-педагогического вмешательства в ситуацию школьного буллинга с определенной концептуальной позицией относительно генезиса этой формы деструктивного поведения подростков.

Развивая идеи А.А. Бочавер и К.Д. Хломова [2] о существовании клинического, диспозиционального, темпорального и контекстуального теоретических подходов к изучению буллинга, и дополнив их классификацию условно этологическим подходом, мы попытались кратко сформулировать соответствующие стратегии профилактической работы социального педагога в общеобразовательных учреждениях.

Прежде всего, стоит отметить ориентированность отечественной психиатрии и педагогической психологии на диспозицию внутренней ответственности личности. В силу чего и в социально-педагогической теории и практике наиболее распространен *диспозициональный подход*, сторонники которого основными детерминантами буллинга называют индивидуальные особенности участников травли, внутриличностные факторы того, что ребенок оказывается жертвой или агрессором (повышенную тревожность, неадекватную самооценку и уровень притязаний, искаженные ценностные ориентации, склонность к соперничеству и враждебность при взаимодействии со сверстниками, проблемы самооценки и др.) [7; 8]. А современная практика индивидуальной социально-педагогической работы предполагает развитие социальной компетентности (умения общаться, поддерживать дружеские связи, конструктивно разрешать конфликты) и личностных качеств (в первую очередь, уверенности в себе) у детей, ставших объектом травли; повышение уровня эмпатии, проксимальности (стремления понять другого человека, принять его в свое окружение) и навыков саморегуляции у буллеров, что в итоге поможет модифицировать их поведение.

Тогда как в рамках *клинического* подхода длительная настойчивая травля признается маркером серьезного личностного расстройства: буллер психически не здоров, эмоции его нарушены, хотя волевая и интеллектуальная сферы в норме (он добивается своего), но голос совести настолько слаб, что не останавливает деструктивную активность агрессора и не способствует принятию ответственных решений. Жажда самоутвердиться за счет систематической демонстрации своей власти и унижения других, получение удовольствия от боли и страданий покорной жертвы в условиях отсутствия угрозы наказания – свидетельство порочности или психического расстройства личности. «Чем раньше буллер столкнется с конфронтацией, тем скорее он «опомнится». Конфронтация – твердая, не агрессивная позиция: «Так нельзя, и я не допущу подобного поведения!» – лучший способ остановить» злоумышленника [9, с.53]. Обычно в общеобразовательных учреждениях за рубежом сначала устно предупреждают о возможных санкциях в случае нарушений в будущем, если агрессор все же продолжает травлю и издевательства, наказания постепенно усиливают – удаляют из класса, отстраняют от школьных занятий, лишают школьных привилегий, оставляют после уроков, требуют выплатить денежный штраф; наконец, – отправляют в центр дистанционного обучения, переводят в другое учебное заведение, отчисляют или исключают из школы. Если поведение подростка создает опасность для окружающих, рекомендуют применять традиционные карательные санкции – обращение в полицию или направление его к психиатру за соответствующей профессиональной помощью в преодолении агрессии, поскольку сотрудники образовательного учреждения должны прекратить буллинг, а не лечить патологию. Перспектива трагична. «Современная школа передает «непокорного» или «безнадежного» ученика либо в систему здравоохранения, психиатрические клиники и специнтернаты, либо – в систему правоохранения, «пенитенциарные заведения»: условия воспитания в этих системах существенно жестче образовательной и гораздо менее скрытно нацелены на уничтожение человеческой индивидуальности» [1, с.45].

М.Р. Арпентьева пишет: «И жертвы, и их преследователи имеют низкий потенциал жизнеутверждения, склонны отрицать жизнь, быть недовольными собой и миром... Агрессия, рожденная нарушенной, чрезмерной и болезненно отвергаемой привязанностью к миру и людям, рождает буллинг... Самоутверждаясь, сталкеры унижают не только объект нападок, но и самих себя и, таким образом, еще более ухудшают ситуацию. Выход из замкнутого круга насилия – диалог, признание преследователем вины и прощение его жертвой» [1, с. 46]. Следовательно, ключевой стратегией социально-педагогической работы должно стать не наказание буллера, а реабилитация его и жертвы.

Последователи *темпорального* теоретического подхода, фиксируя внимание на периодах сензитивности, повышающих уязвимость ребенка к принятию роли агрессора или жертвы, и неравномерности реализации этих рисков «на протяжении жизненного пути, признают необходимым психолого-

педагогическое сопровождение детей при прохождении возрастных кризисов и трудных жизненных ситуаций» [2], развитие стрессоустойчивости и способности использовать в ситуации неблагополучия имеющиеся социально-психологические ресурсы для обретения уверенности и спокойствия.

Согласно *этологическому* подходу, человек – социальное животное, обреченное на иерархическую организацию своей «стаи». В силу этого, ключевые факторы травли – нездоровый микроклимат и конкуренция в школе, формирование внутри учебного класса групповой структуры, основанной на доминировании за счет жертвы. Буллинг – средство выстраивания социальной иерархии и преодоления социальной неопределенности: инициатор через травлю закрепляет свой статус и понижает чужой; свидетели также извлекают пользу из этой виктимной ситуации – обретают свой ранг в иерархической структуре класса. Даже учителя участвуют в этом процессе, злоупотребляя своей властью, когда в качестве наказания заставляют ребенка стоять в углу, публично критикуют внешний вид, саркастично комментируют ошибки детей, необъективно оценивают знания в силу личной неприязни, провоцируя буллинг со стороны одноклассников «дискриминирующими действиями в отношении отдельных учеников, ставя их в положение изгоев, превращая в мишень для издевательств и насилия» [10].

В логике этологического подхода, основные социально-педагогические антибуллинговые стратегии таковы:

- утверждение альтернативы определения статусов/рангов в группе, где значимый фактор – не разница во власти и физической силе, а гуманистические ценности: доброта, благородство, порядочность, уважение других, бескорыстие, умение строить равноправные, дружеские отношения;

- снижение напряженности в коллективе, создание здорового психологического климата в классе при реализации принципов взаимной помощи, поддержки и доверия, ценности каждого ученика. При этом педагог сам должен задавать пример, не разделяя подростков «на «хороших» и «плохих», не предъявлять завышенные требования к учебе или дисциплине, не занижать оценки в качестве наказания» за непослушание [10], безусловно принимать и доброжелательно, заботливо относиться к детям с физическими или интеллектуальными особенностями.

Пятый, *контекстуальный* подход к оценке генезиса буллинга позволяет вскрыть такие факторы, как: *провокационная школьная среда* с ее компонентами злоупотребления административной властью и авторитетом насилия при взаимодействии учителей и учащихся, напряженными межличностными отношениями в педагогическом коллективе и вспышками агрессии учителей вследствие их эмоционального выгорания в условиях чрезмерной трудовой нагрузки; индифферентной и попустительской позицией некоторых педагогов и родителей в отношении буллинга, представлением о «возрастной норме», естественности и пользе «выпускания пара», «утилизации» агрессивности подростков на своих сверстников.

С другой стороны, очевидно, что школы не функционируют в условиях изоляции, поэтому социальной детерминантой школьного буллинга следует назвать *дегуманизацию системных процессов современного общества*: отношения между людьми основаны на неравенстве, власти, корысти и конкуренции, примате личной свободы и обогащения в ущерб справедливости и солидарности; нормы криминальной субкультуры проникли во многие социальные сферы и приняты различными слоями (жесткая групповая стратификация, деление людей на «своих» и «чужих», а «своих» – на касты; подверженность «низов» поборам и вымогательству, клички – средство стигматизации, уголовный жаргон и татуировки – знаковая система коммуникации); в международных отношениях – нагнетание милитаристских настроений и поиск внешнего врага. Это кризисное состояние социума отражается на нравах несовершеннолетних, подростки неосознанно репетируют предлагаемые им обществом роли, готовясь в перспективе стать «успешными» в мире взрослых.

В противовес этому социально-педагогическая работа с опорой на контекстуальный подход должна ориентировать школьный коллектив на:

1) развитие достоинства творческой личности, формирование у детей активной жизненной позиции ответственного социального служения, а не трансляцию знаний для подготовки носителей социальных функций, способных лишь охранять частную собственность и обслуживать современное производство, обойдя конкурентов в борьбе за место на рынке труда;

2) изменение системы отношений в образовательном учреждении в целом; выстраивание их на принципах кооперации, сотворчества, справедливости и солидарности, которые гарантируют благополучие всех учащихся и учителей;

3) категорический запрет на любое насилие в учебном заведении («Скажи насилию нет!»), создание школьной службы примирения с привлечением самих учащихся к разрешению конфликтных ситуаций;

4) повышение социального статуса школы и авторитета педагога посредством: а) усиления функции просвещения (в том числе и психологического), и всестороннего развития учащихся (а не только предоставления образовательных услуг); б) улучшения качества учебной и воспитательной деятельности в условиях превенции профессионального выгорания учителей, повышения их заработной платы, сокращения рабочей нагрузки и бюрократической отчетности, что высвободит временные ресурсы для повышения квалификации и развития психологической культуры педагогических кадров; в) встраивания школы в систему гражданского общества, участия в волонтерском движении просоциальной направленности, по оказанию помощи слабым слоям населения (что явится для несовершеннолетних идеальным образцом взаимоотношений);

Межведомственное взаимодействие со специалистами медицинских, социальных и психологических служб по обеспечению надёжных гарантий благополучия учащихся; организацию социального партнерства с

общественными и бизнес структурами, заинтересованными не только в создании безопасных условий обучения и развития детей, но и улучшении социально-психологического климата в микрорайоне школы.

При этом социально-педагогическая деятельность в русле клинического, диспозиционального и темпорального подходов ведётся на индивидуальном уровне, с теми, кто может оказаться в роли агрессора и жертвы. Этологический подход востребован на уровне групповой работы в классе; контекстуальный – при работе с коллективом школы в целом (учащимися, родителями, учителями, сотрудниками, членами попечительского совета и т.д.), а также при межведомственном, территориально-административном и общественном взаимодействии, направленном на профилактику насилия.

Моделируя перспективы антибуллинговой работы в конкретной школе, необходимо ориентироваться на интеграцию всех выше указанных подходов в целостную, многоуровневую систему социально- педагогической деятельности.

Литература

1. Арпентьева М.Р. Проблема социального порядка и насилия в школах// Проблемы современного образования. – 2016. – №5. – С.44–45.
2. Бочавер А.А., Хломов К.Д. Буллинг как объект исследований и культурный феномен // Психология. Журнал Высшей школы экономики. – 2013. – Т. 10. – № 3. – С. 149.
3. Кривцова С.В. Буллинг в школе и сплоченность равнодушных: организационная культура ОУ для решения проблем дисциплины и противостояния насилию. – Москва:ФИРО, 2011. – 119 с.
4. Лэйн Д.А. Школьная травля (буллинг) // Детская и подростковая психотерапия / Под ред. Д. Лэйна и Э. Миллера. – СПб. 2001. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: [http://www. Supporter.ru/docs/1056635892/bulling.doc](http://www.Supporter.ru/docs/1056635892/bulling.doc)
5. Неравенства в период взросления: гендерные и социально-экономические различия в показателях здоровья и благополучия детей и подростков. Исследование «Поведение детей школьного возраста в отношении здоровья» (НВSC): Международный отчет по результатам исследования 2013/2014 гг. Европейское региональное бюро ВОЗ. – 2016. – С.197, 202–203.
6. Предотвращение насилия в образовательных учреждениях. Методическое пособие для педагогических работников /Л.А. Глазырина, М.А. Костенко; под ред. Т.А. Епояна. – М.,2015. – 145 с.
7. Тарасова С.Ю. Оценка школьной тревожности и агрессивности// Безопасность образовательной среды: психологическая оценка и сопровождение: Сборник научных статей. /Под ред. И.А. Басовой, О.В. Вихристюк, Л.А. Гаязовой. – М.: МГППУ, 2013. – С. 129.
8. Фомина С.В. Исследование типов взаимодействия младших школьников со сверстниками в ситуации буллинга// Психология, образование, социальная работа: актуальные и приоритетные направления исследований: Материалы ежегодной научно-практической конференции студентов и

аспирантов факультета психологии и социальной работы. – Тверь: Твер. гос. ун-т, 2009. – С. 66.

9. Шерьязданова Х.Т., Байздрахманова А.К. Социально-психологические аспекты работы психолога с буллингем в казахстанской школе // Высшее образование сегодня. – 2015. – № 12. – С. 53.

10. Школа без насилия. Методическое пособие / Под ред. Н.Ю. Синягиной, Т.Ю. Райфшнайдер. – М.: АНО «ЦНПРО», 2015. – 150 с.

3.2.3. Семья как фактор профилактики и риска виктимного поведения

*А.А. Реан*²³

... Виктимология (от лат. *Viktima* – жертва) – это буквально учение о жертве. Виктимология возникла как раздел криминологии и по сей день рассматривается в этом статусе. Хотя, по мнению ряда авторов, она постепенно превращается в самостоятельную научную дисциплину. В любом случае в структуре виктимологии психологическая составляющая занимает значительное место (Васильев, 2000; Христенко, 2004; Реан, 2007, 2013). Виктимное поведение – это поведение жертвы, то есть такое поведение личности, которое значительно повышает риски субъекта стать жертвой преступления.

В контексте темы нашего обсуждения, сформулируем два положения:

- Семья может быть как фактором профилактики, так и фактором риска виктимного поведения.

- Виктимное поведение – это не обязательно пассивное, пассивно-страдательное поведение жертвы. Виктимным может быть и поведение активное, активно-агрессивное.

Иначе говоря, выделяют инициативные жертвы насилия и пассивные жертвы насилия (Варчук, 2009, С. 188, 189).

По видам поведение потерпевших, например, от умышленных убийств и причинения тяжкого вреда здоровью распределилось следующим образом:

1. Положительное поведение – 10,1%.

Положительное поведение заключалось в защите третьего лица от нападения (3,7 %), в требовании прекращения нарушения без защиты кого-либо (4,1 %), в требовании нормального поведения в семье (1,4 %) и т.п.

2. Негативное поведение – 65,2%. Негативное поведение заключалось в нападении на причинителя вреда (16,7%), в оскорблениях, скандалах, издевательствах, унижениях (9,7 %), в ненадлежащем поведении, включая неоказание сопротивления при наличии возможности (38,8 %).

3. Нейтральное поведение, то есть такое, которое не способствовало и не препятствовало преступнику – 24,7 % от общего числа жертв (Ривман, 2002, С. 127–128).

²³ Национальный психологический журнал, МГУ им.М.В.Ломоносова. – 2015. – №1(17). – С.3–8.

Главные мотивы вступления подростков в драку (что, естественно, является фактором риска самому стать жертвой) следующие: «Оскорбили меня» – 70%, «Вынужден был обороняться» – 50%, «Оскорбили моего друга» – 40% (Собкин и др., 2005, С.88).

Что влияет на отклоняющееся поведение детей в семье?

Долгое время считалось, что социально отклоняющееся развитие личности связано со структурной деформацией семьи, под которой понимается просто не полная семья – отсутствие одного из родителей (чаще отца). Статистические данные по преступности несовершеннолетних, полученные в разных странах мира, подтверждали этот вывод. Однако в 1960–70-е годы обнаружилась другая тенденция. Сначала разница между полными и неполными семьями по количеству «выдаваемых» ими подростково-правонарушителей стала неуклонно сокращаться, а затем и практически полностью исчезла. В настоящее время установлено, что основным фактором негативного влияния семьи на развитие личности является не структурная, а психосоциальная деформация семьи. И это общемировая тенденция. Агрессивное, конфликтное поведение: личностная склонность или отсутствие «правильных» навыков?

Как мы видим, само агрессивное поведение может быть фактором риска виктимности. Вносит ли семья какой-то вклад в формирование агрессивного поведения? Безусловно, да. Формирование просоциального поведения личности связано не только с механизмами отсутствия подкрепления или активного наказания за асоциальное поведение, но и обязательно (и, может быть, даже в первую очередь) с активным социальным научением просоциальным формам поведения, конструктивным способам разрешения противоречий и реализации различных мотиваций личности. Ведь как установлено (Keltikangas-Jarvinen, Kangas, 1988), наиболее выраженные различия между детьми с деструктивным и конструктивным социальным поведением обнаруживаются не в личностном предпочтении деструктивных альтернатив, а в незнании конструктивных решений.

Таким образом, процесс социализации конструктивного поведения включает приобретение системы знаний и социальных навыков, а также воспитание системы личностных диспозиций, установок, на основе которых формируется способность реагировать на фрустрацию относительно приемлемым образом.

Строгость наказания и детская агрессия.

На сегодняшний день уже не вызывает сомнения, что между строгостью наказания и уровнем агрессивности детей существует положительная зависимость. Эта зависимость, как оказалось, распространяется и на случаи, когда наказание является реакцией родителей на агрессивное поведение ребенка, то есть используется в качестве воспитательной меры, направленной на снижение агрессивности и формирование неагрессивного поведения ребенка.

В одном эксперименте изучалось агрессивное поведение детей-третьеклассников в связи особенностями стратегий родительского наказания

(Eron at al., 1963). К первому уровню реагирования (который, строго говоря, и наказанием-то назвать нельзя) относили просьбы вести себя по-другому и поощрения за изменение поведения. Ко второму уровню наказаний (умеренные наказания) относили словесное порицание, выговоры, брань. К третьему уровню наказаний (строгие наказания) относили физическое воздействие, шлепки, подзатыльники. В результате исследования было обнаружено, что те дети, которые подвергались со стороны родителей строгим наказаниям, проявляли в поведении большую агрессию, и соответственно, характеризовались одноклассниками как агрессивные.

Наказания за агрессию детей между собой (братья, сестры): каков результат?

В одном из исследований (Felson, Russo, 1988) было показано также, что вмешательство родителей при агрессии между братьями-сестрами может на самом деле оказывать обратное действие и стимулировать развитие агрессии. Результаты этого исследования в наглядной графической форме представлены на рис. 1. (Бэрн, Ричардсон, 1997, С. 98).

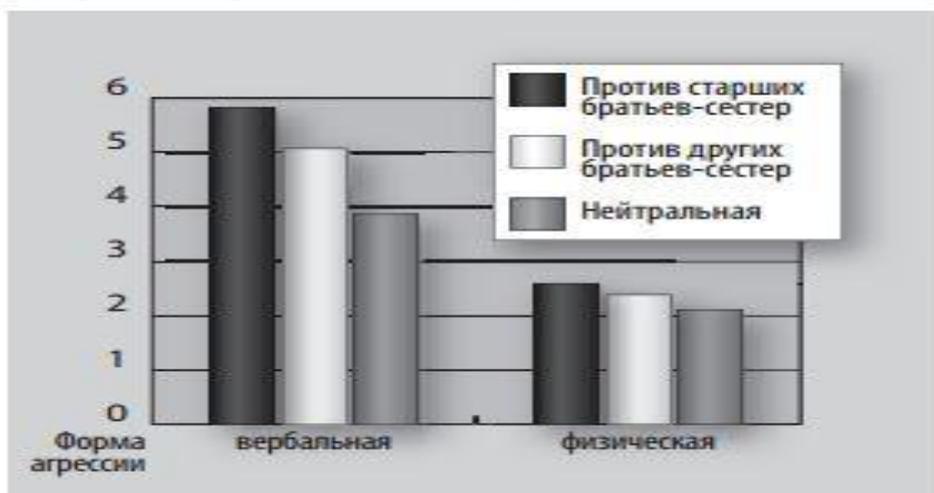

Рис.1.

Нейтральная позиция родителей, как следует из этого исследования, является предпочтительной. Самой неэффективной стратегией оказывается вмешательство родителей в форме наказания старших sibсов, так как в этом случае уровень как вербальной, так и физической агрессии в отношениях между братьями-сестрами оказывается наиболее высоким. Сходные результаты были получены и в других исследованиях (Patterson, 1984).

Игнорирование агрессии – действительно ли лучший выход?

Обобщение результатов подобных исследований приводит специалистов к формулированию предложения относиться к агрессии между sibсами особым образом – игнорировать ее, не реагировать на агрессивное взаимодействие братьев-сестер. Однако такой вывод представляется слишком радикальным. Иногда не реагировать на агрессию во взаимодействии братьев-сестер родителям просто невозможно, а подчас и прямо вредно и небезопасно. В ряде ситуаций (например, когда агрессивное взаимодействие между sibсами уже не является редким исключительным случаем) нейтральная позиция родителей

может только способствовать дальнейшей эскалации агрессии. Более того, такая позиция может создавать благоприятные условия для социального научения агрессии, закреплению ее как устойчивого поведенческого паттерна личности, что имеет уже долгосрочные негативные последствия.

В исследовании, о котором мы говорили выше, изучались лишь две альтернативы реагирования родителей на агрессию между братьями-сестрами:

- 1) нейтральная позиция, то есть игнорирование фактов агрессии;
- 2) наказание детей (в одном варианте – старших, в другом – младших).

Очевидно, при такой суженной альтернативе нейтральная позиция действительно оказывается относительно (и только относительно) лучшей. Однако возможны и другие альтернативные способы родительского реагирования на агрессию между сибсами, которые не были здесь предметом изучения. Одним из таких способов реагирования является обсуждение возникшей проблемы, осуществление переговорного процесса, научение на конкретном примере возникшего конфликта конструктивным, неагрессивным способом его разрешения. Ведь, как экспериментально доказано в других исследованиях, агрессивные дети отличаются от неагрессивных в первую очередь именно слабым знанием конструктивных (альтернативных агрессивным) способов разрешения конфликтов.

Жертвы сексуального насилия

Причины виктимного поведения

В начале обсуждения этого вопроса, сформулируем важный для дальнейшего изложения постулат. Жертва изнасилования в принципе не может быть правонарушающей. Она может быть легкомысленной, некритичной, неосмотрительной, но не более того. Неблагополучная семья – может ли она быть причиной виктимного поведения в случаях сексуального насилия?

Конечно, да. Изучение потерпевших от изнасилования с негативным поведением показывает, что в его основе лежат недостатки воспитания, нравственного формирования их личности. Для потерпевших этой группы характерны неосмотрительность, легкомыслие в приобретении рискованных знакомств.

По имеющимся данным (Ривман, 2002, С. 158–160) 38,6 % жертв находились в момент совершения насилия над ними в состоянии алкогольного опьянения. Усугубляет негативную картину и то, что 92,8 % потерпевших употребляли спиртные напитки вместе с насильниками.

В доме преступника было изнасиловано 76,9 % от общего числа жертв, находящихся в состоянии опьянения. Из них были его постоянными знакомыми – 17,9 %, случайными знакомыми – 53,9 %, родственниками – 5,1 %. Изнасилованы в доме потерпевшей только 5,1 %. В ситуации изнасилований, совершенных знакомыми, нередко выбор преступника предопределяется репутацией жертвы как доступной или неразборчивой в выборе знакомых. Исходя из этого, насильники почти всегда рассчитывают на то, что их жертвы не будут обращаться в полицию.

Демонстративная акцентуация как фактор риска виктимного поведения при изнасиловании.

Рассмотрим один фрагмент из материалов, проведенной нами судебно-психологической экспертизы по делу об изнасиловании шестнадцатилетней Н. (Реан, 1990). Он достаточно хорошо разъясняет ранее сказанное.

В процессе психологического исследования личности потерпевшей и анализа ситуации, кроме всего прочего, было установлено следующее. Характерными чертами Н. являются демонстративность поведения и эгоцентризм. У нее диагностируется акцентуация характера истероидного типа (по А. Личко). Однако известно, что для данного типа акцентуаций эгоцентризм может с наибольшей силой проявляться как раз в сфере сексуальных реакций – через демонстративное поведение, афиширование своих реальных и мнимых связей, самооговоры в целях привлечения к себе внимания окружающих. С учетом этих моментов был проведен анализ поведения Н. в предкриминальной ситуации. Гуляя вместе с двумя своими подругами вечером, около 23 часов Н. встретила своего знакомого – семнадцатилетнего Г., учащегося ПТУ. Всем своим поведением в процессе завязавшейся беседы Н. пыталась демонстрировать свою «взрослость», большую опытность по сравнению с подругами в общении с юношами. Ей было лестно, что именно ей в присутствии еще двух девушек Г. предложил покататься на мотоцикле и она охотно на это согласилась. Поведение Н. стало иным, как только они оказались наедине – вдвоем, в поле, вдали от жилого массива. И это естественно, ведь «девушка легкого поведения» – это всего лишь ситуативный имидж Н., причем эта демонстрация была рассчитана не столько на Г., сколько на подруг Н. На предложение Г. вступить в половую связь Н. ответила отказом, просила ее не трогать, отвезти домой. Угрозами совершить насилие в извращенных формах, Г. подавил сопротивление Н. и совершил насильственный половой акт. Таким образом, эгоцентризм Н., демонстративность поведения и жажда внимания определили ее виктимное поведение в криминальной ситуации, которое могло оказать стимулирующее (или провоцирующее) воздействие на поведение совершившего насилие семнадцатилетнего Г., на все дальнейшее развитие криминогенной ситуации.

Благополучная семья – может ли она быть фактором риска виктимного поведения? Оказывается, в ряде случаев тоже да. Хотя, сам термин «благополучная семья» нуждается и в определении, и в уточнении критериев. Но в рамках данной работы, этим мы сейчас не можем заниматься.

Исследования же показывают, что фактором риска виктимного поведения относительно сексуального насилия является один из распространенных стилей семейного воспитания. И это – стиль авторитарного воспитания, в том его варианте, когда от ребенка требуют беспрекословного повиновения, основанного не на понимании требований, а на слепом их выполнении (Коченов, 1977, С. 98). Психологический механизм виктимного поведения здесь, очевидно, ясен.

В настоящее время в психологии имеются значительные теоретические наработки и накоплен большой практический опыт семейного консультирования и оказания помощи семьям различного типа, с различными психологическими

проблемами. Применительно к семьям с детьми, важнейшими показателями, на которые необходимо обращать внимание, считаются следующие:

1. Особенности эмоциональных отношений между детьми и родителями. Особенности материнской и отцовской любви.

2. Тип семейного воспитания. Характер требований к ребенку. Система поощрений и наказаний.

3. Степень рефлексивности родителей, адекватности образа ребенка (Карабанова, 2009).

Любовь, забота и ответственность.

Любовь, забота и ответственность – вот краеугольные основания морально-психологического благополучия семьи и успешного просоциального развития личности ребенка в ней. В современной психологической науке, в рамках одной из наиболее авторитетных концепций личности (Маслоу, 1999), принято считать, что потребность в любви, признании и уважении является одной из фундаментальных потребностей личности.

И она входит в пятерку основных, базовых потребностей человека, наряду с потребностями выживания – то есть, физиологическими и потребностью в безопасности. В 60-е годы в США приобрело популярность течение, связанное с таким воспитанием, когда родители минимально вмешиваются в жизнь ребенка, предоставляя ему максимальную свободу в принятии решений и, собственно, в жизни. Предполагалось, что это есть выражение уважения личности ребенка, вроде как либерально-демократический подход в практике воспитания. Однако психологические исследования, проведенные отсрочено – спустя годы, показали, что дети именно из этих семей, имели во взрослой жизни больше проблем. И что особенно показательно – дети, выросшие в этих семьях, отмечали наибольшую неудовлетворенность своим семейным детством (Развитие личности..., 1987).

То есть оказалось, что предоставленная родителями свобода, в конце концов, воспринималась не как особое доверие и уважение к личности ребенка, а как недостаток или даже отсутствие родительской любви и заботы.

Реально благополучная семья, психологически благополучная семья – является краеугольным камнем профилактики виктимного поведения. То, что виктимность поведения в основном определяется личностными качествами, не отменяет этого вывода, но только усиливает его. Потому, что сами эти качества формируются во многом именно в процессе семейной социализации, детерминированы стилями семейного воспитания и особенностями межличностных отношений в ней.

Литература

1. Бэрон Р. Агрессия / Р. Бэрон, Д. Ричардсон. – Санкт-Петербург, 1997.
2. Варчук Т.В. Виктимология / В.В. Варчук. – Москва, 2009.
3. Васильев В.Л. Юридическая психология / В.Л. Васильев. – Санкт-Петербург, 2000.
4. Карабанова О.А. Основы семейного консультирования. // Семья: психология, педагогика, социальная работа / под ред. А.А. Реана. – Москва, 2009. – С. 454–518.

5. Кенрик Д. Секс, убийство, смысл жизни / Д. Кенрик. – Санкт-Петербург, 2012.
6. Коннор Д. Агрессия и антисоциальное поведение у детей и подростков / Д. Коннор. – Москва; Санкт-Петербург, 2005.
7. Коченов М.М. Судебно-психологическая экспертиза / М.М. Коченов. – Москва, 1977.
8. Личко А.Е. Психопатии и акцентуации характера у подростков / А.Е. Личко. – Ленинград, 1983.
9. Маслоу А. Мотивация и личность / А. Маслоу. – Санкт-Петербург, 1999.
10. Маслоу А. Психология бытия / А. Маслоу. – Москва, 1997.
11. Развитие личности ребенка / П. Массен, Дж. Конджер, Дж. Каган, А. Хьюстон ; общ. ред. А.М. Фонарева. – Москва: Прогресс, 1987. – 269, [2] с.: ил.
12. Реан А.А. Подростковая агрессия // Психология подростка. / под ред. А.А. Реана. – Санкт-Петербург, 2007. – С. 324–337.
13. Реан А.А. Психология личности / А.А. Реан. – Санкт-Петербург, 2013.
14. Реан А.А. Судебно-психологическая экспертиза по делам об изнасиловании / А.А. Реан // Психологический журнал. – 1990. – № 2.
15. Ривман Д.В. Криминальная виктимология / Д.В. Ривман. – Санкт-Петербург, 2002.
16. Подросток: нормы, риски, девиации / В.С. Собкин и др. ; науч. ред. В.С. Собкин. – Москва : ЦСО, 2005. – 358 с. : ил., табл. – (Труды по социологии образования. Т.10, вып. 17).
17. Христенко В.Е. Психология поведения жертвы / В.Е. Христенко. – Ростов-на-Дону, 2004.
18. Шнейдер Л.Б. Девиантное поведение детей и подростков / Л.Б. Шнейдер. – Москва, 2007.
19. Eron L.D., Walder L.O., Toigo R., Lefkowitz M.M. Social class, parental punishment for aggression and child aggression // Child Development. – 1963. – 34. – 849–867.
20. Felson R.B., Russo N. Parental punishment and sibling aggression // Social Psychology Quarterly. – 1988. – 51. – 11–18.
21. Keltikangas-Jarvinen L., Kangas P. Problem-solving strategies in aggressive and nonaggressive children // Aggr. Behav. – 1988. – N 4. – p.255–264.
22. Patterson G.R., Stouthamer-Loeber M. The correlation of family management practices and delinquency // Child Development. – 1984 – 55. – 1299–1307

3.2.4. Работа социального педагога по профилактике школьного буллинга

К.В. Лященко²⁴

В настоящее время исследуется проблема насилия и агрессии. Более актуальной стала проблема насилия среди детей и подростков. На сегодняшний день буллинг происходит не только в кругу семьи, его проявления зафиксированы в

²⁴ Таврический научный обозреватель. – Ялта. – 2016. – №2(7). – С.201–205.

большинстве социальных институтах общества, в том числе, и в сфере образования, и все чаще обращает внимание социального педагога.

Впервые данный термин ввел английский журналист Эндрю Адамс в начале девяностых годов XX века. В то же время появилось и понятие «буллинг в школе». Во многих странах для обозначения подобного явления чаще употребляется слово «моббинг» (групповое явление, агрессия одной команды против другой или против одного лица). Сам по себе факт разграничения определений подчеркивает масштабность данного явления, за которым стоит целый комплекс социальных, психологических и педагогических проблем. Отягощает проблему буллинга и тот факт, что нападениям, чаще всего, подвергаются и без того наиболее уязвимые категории населения: дети, подростки, женщины, пожилые люди, люди с ограниченными возможностями. Жертвы буллинга быстро теряют интерес к жизни и перестают общаться, «замыкаются» в себе [1].

Разновидностью насилия является буллинг. Буллинг рассматривается от узкого – видеосъемка драки до масштабного – насилия вообще. Буллинг – это использование преимуществ в силе, чтобы причинить физический, эмоциональный или интеллектуальный вред, это сознательное, продолжительное насилие со стороны индивида или группы в отношении индивида, который не способен защитить себя [7].

Буллинг – это травля и третирование, с последующим запугиванием личности и появлением возможности ее полного подчинения себе и своим интересам. Проявление агрессии испытывают на себе люди более слабые, неспособные за себя постоять и дать вовремя отпор. Жертвой этого явления может стать как ребенок, так и взрослый. Причиной такого поведения является возможность самоутвердиться за счет кого-то и таким образом буллер заслуживает себе всеобщий авторитет. Буллинг как является запугиванием, физическим или психологическим террором, направленным на то, чтобы вызвать страх и тем самым подчинить себе.

Самым распространенным и актуальным на сегодняшний день является кибербуллинг – это термин, относящийся к множеству форм преследования с использованием цифровых технологий, унижение с помощью мобильных телефонов, интернета, иных электронных устройств. Проблема заключается в том, что кибербуллинг практикуется в цифровом пространстве, где нет ни одного взрослого, на которого можно было бы возложить ответственность. Во многих случаях жертва знает обидчика, но кибербуллером может оказаться и совершенно посторонний человек. Кибербуллинг может появляться везде в режиме online посредством социальных сетей, видео, фото файлообменников, блогов, электронной почты и систем мгновенных сообщений [2].

В современных условиях актуальной и необходимой становится деятельность по профилактике школьного буллинга. Школьный буллинг – это социальное явление, свойственное преимущественно организованным детским коллективам, в первую очередь, школе. Многочисленные исследователи объясняют это обстоятельство тем, что школа – это универсальная арена, полигон для разрядки детьми своих многочисленных накопившихся дома негативных эмоций. В школе

складываются определенные ролевые отношения среди детей в диапазоне «лидер-изгой». Дополнительным фактором, способствующим живучести буллинга в пространстве школы, является неспособность, а в некоторых случаях и нежелание педагогов совладать с этой проблемой.

Буллинг в школе проявляется через различные формы физических или психических унижений, переживаемых детьми, со стороны других детей. Для одних детей – это систематические насмешки, отражающие какие-то особенности внешнего вида или личности пострадавших; для других – порча их личных вещей, заталкивание под парту, вымогательство; для третьих – откровенные издевательства, унижающие чувство человеческого достоинства [6].

Типичные булли не страдают пониженным самоуважением, низкой самооценкой и достаточно уверены в себе. Они в большей вероятности, чем другие агрессивны, воруют и портят имущество, имеют плохие отметки, ведут асоциальный образ жизни, создают негативную атмосферу в школе.

Буллеры применяют силу сознательно, оставаясь эмоционально спокойными и равнодушными при этом они часто не встречают сопротивления, поскольку дети, которые чаще других подвергаются буллингу, отличаются социальной отрешенностью, низкой самооценкой, склонностью уклоняться от конфликтов, либо, напротив, повышенной агрессивностью. В будущем они долгое время могут быть подвержены воздействию таких факторов, как депрессия, низкая самооценка и академическая успеваемость, проблемы со здоровьем, мысли о суициде.

Типичные жертвы буллинга также обладают своими особенностями: они пугливы, чувствительны, замкнуты и застенчивы; часто тревожны, не уверены в себе, несчастны и имеют низкое самоуважение; склонны к депрессии и чаще своих ровесников думают о самоубийстве; часто не имеют ни одного близкого друга и успешнее общаются со взрослыми, нежели со сверстниками; если это мальчики, они могут быть физически слабее своих ровесников.

Школа является важнейшим звеном в системе государственных институтов по предупреждению и профилактике негативных явлений среди учащихся. Особая роль в этой работе принадлежит социальному педагогу [3].

Именно работа по предупреждению негативных явлений среди несовершеннолетних становится приоритетной в деятельности социального педагога.

Профилактическая программа социального педагога по предотвращению школьного буллинга в школе должны соответствовать ряду правил: просветительские программы необходимо осуществлять на протяжении всего периода обучения ребенка в учреждении образования; в ходе программ должна предоставляться точная и достаточная информация об агрессивном поведении, его влиянии на психическое, психологическое, социальное и экономическое благополучие; о насилии и видах насилия, предоставляемая информация должна быть четкой и давать знания о дальнейших последствиях негативных явлений для общества; следует делать акцент на пропаганде здорового образа жизни и информировании жизненных навыков, обязательных для того, чтобы

противостоять желанию способствующему появлению негативных явлений в моменты стресса, жизненных неудач, изоляции.

Оформляются рабочие панели холлов, проводятся конкурсы рисунков, плакатов на заданную тематику, тематические мероприятия с участием родителей и самих учащихся, беседы, лекции, опросники, психологический тренинг, ролевые игры, дискуссии, привлекаются сотрудники прокуратуры, психиатры-наркологи, врачи-специалисты, психологи, специально подготовленные к работе с данным возрастным контингентом учащихся.

В практику школьной жизни необходимо вводить новые педагогические технологии, такие, как деловые и ролевые игры, психологические тренинги. Любая совместная деятельность школьников и взрослых (при правильной, разумеется, организации) способна существенно изменить систему сложившихся взаимоотношений.

В качестве профилактики буллинга в учреждениях образования необходимо организовывать и проводить: общешкольные мероприятия типа «Минута славы», «Фабрика звезд» и другие, в которых дети могли бы себя проявлять и получать эмоциональное подкрепление; «Доска почета» или «Наши достижения». В каждом классе организуется доска, на которой размещается информация о подростке (фотографии, его творчество, его мечты, его обведенная рука, его пожелания одноклассникам, описание его предпочтений, его достижения и планы на будущее). Информация должна носить эмоционально положительный характер. Там может быть отведено место для отзывов одноклассников и учителей; организация «Наши достижения», когда каждый учащийся включается в какую-то интересную и богатую положительным опытом деятельность, а затем в классе (школе) организуется выставка его достижений. Данные мероприятия позволяют подростку почувствовать себя интересным, значимым, достойным, любимым. Это все способствует укреплению эмоционального ресурса и препятствует появлению такого фактора, как насилия среди детей.

Осуществление социальным педагогом комплекса профилактических мероприятий, которые направлены на предупреждение возникновения буллинга в учреждении образования, патологий в обществе, их последствий (противоправное, адиктивное, дивиантное, суицидальное поведение, безнадзорность детей, насилие) называется превентивной социально-педагогической работой. При этом на превентивном уровне профилактика обеспечит предупреждение возникновения разных отклонений – морального, физического, психологического и социального аспекта.

Целью профилактики буллинга есть не только предупреждение проблем возникновения данного явления, но и создание условий для полноценного функционирования общества и жизнедеятельности отдельных лиц. Профилактика буллинга (деятельность по его предупреждению или удержанию на социально приемлемом уровне посредством устранения или нейтрализации порождающих его причин) поможет снизить масштабы данного негативного явления, сократить количество вовлеченных в него «агрессоров» и «жертв» [7].

С целью повышения эффективности работы по предупреждению ситуации буллинга в образовательном учреждении, следует планировать и осуществлять работу, учитывая следующие принципы:

1. Принцип взаимодействия. Для осуществления эффективной помощи работа строится на совместном планировании и взаимодействии специалистов образовательного учреждения.

2. Принцип предупреждения. Работа специалистов строится как предупреждение возникновения ситуации буллинга в образовательном учреждении.

3. Принцип системности. Предполагает последовательную, систематическую работу по сбору информации, разработки индивидуальных программ сопровождения каждого учащегося и отслеживание динамики развития.

4. Принцип лонгитюдности. Необходимым условием является изучение динамики, и оценка эффективности проведенной работы [4].

Буллинг может наблюдаться в любом классе, поэтому важно сохранять бдительность, наблюдать за происходящим и при необходимости уметь действовать. Практически у каждого класса и у каждого учителя есть свой собственный опыт в отношении буллинга и, вероятно, также в отношении того, как выходить из такой ситуации. В отдельных случаях буллинга привлекаются психологи, администрация школы, родители.

Имеются обязательные правила профилактики буллинга для всех взрослых, работающих в школе: не игнорировать, не преуменьшать значение; занять позицию, если учителю стало известно о случае буллинга, или он стал свидетелем такого случая, он должен занять четкую и недвусмысленную позицию и попытаться добиться того, чтобы, по меньшей мере «наблюдатели», а по возможности и сам буллер также изменили свою позицию в отношении буллинга, а также объяснить им, каковы психологические последствия для жертвы в этой ситуации; разговор с буллером; разговор с жертвой буллинга, который призван, прежде всего, поддержать его, устранить чувство страха и угрозы; проинформировать педагогический коллектив, пригласить родителей для беседы.

Социальный педагог в учреждении образования может помочь жертве буллинга, если:

1. Жертва буллинга способна сказать «нет». Таким образом, буллер, ищущий в жертве признаки слабости, получает решительный отпор.

2. Помочь учащемуся научиться ходить, держа себя уверенно, вместо того чтобы передвигаться ссутулившись, боязливо озираясь.

3. Рекомендовать по возможности находиться в группе других ребят, но не поодиночке.

4. Уверить, что ребенок, который стал жертвой буллинга, не виноват в нем.

5. Дать понять ребенку, который стал жертвой буллинга, что его любят. Очень часто такие дети не верят, что они способны кому-то нравиться.

6. Помогая избавляться от плохих привычек ребенку, способствовавших буллингу (привычке ябедничать, скидывать с парты вещи других детей).

7. Поддерживать их сильные стороны, опираясь на положительное. Можно дать такому ученику какое-то поручение в классе, с которым бы он хорошо

справлялся, чтобы повысить его уважение к себе и признание со стороны других ребят.

Можно выделить рекомендации учителям, администрациям школ:

1. Необходимо начать с приемлемого для образовательного учреждения определения буллинга. Понятие буллинг не аналогично таким понятиям, как агрессия или насилие. Это не ссоры и драки, в которых участвуют школьники, обладающие одинаковым авторитетом.

Буллинг не бывает справедливым, так как «сильный» получает «удовольствие» от нанесенного ущерба (материального и морального) «слабому».

2. Установить формы буллинга, которые имеют место в школе. Можно вести дневник наблюдений за поведением членов школьного сообщества, которые, склонны к проявлению физического или психологического насилия. Включить в его можно также учителей и родителей. Прежде всего, необходимо понять, где находится «силовой» дисбаланс.

3. Узнать, какими способами поддерживают свой авторитет учителя, административные работники, ученики школы. Много можно почерпнуть из ежедневных наблюдений за отношениями учеников (не только в классе, но и на школьной спортивной площадке), школьного персонала, учителями и родителями [3].

Можно выделить рекомендации родителям:

1. Родителям нужно учить ребенка правильно реагировать на агрессию. Необходимо формировать разные полезные для «выживания» в конфликте навыки (умение игнорировать мелкие провокации, умение правильно реагировать на критику).

2. Повышать самооценку подростка, уверенность в себе.

3. Использовать гибкую систему поощрений и наказаний.

Полезно также составить и использовать короткие анкеты, на вопросы которых смогли бы анонимно ответить все члены школьного коллектива, включая родителей. Это поможет оценить ситуацию и определить, какие меры необходимо предпринять. Они также дают возможность оценить масштаб буллинга и проанализировать его причины. Можно определить, какие меры нужно предпринять, чтобы дети чувствовали себя защищенными в школе. Анализ анкет поможет понять, где, в каких местах школьники сталкиваются с буллингом и как они реагируют на него, кто из них заинтересован, нуждается в помощи, кто заинтересован, а кто нет в борьбе с этим явлением, можно узнать реакцию школьного персонала и родителей на буллинг, и, более того, какие дополнительные внешние силы, на их взгляд, следует привлечь для решения проблемы.

Буллинг – явление не «криминальное», но, тем не менее, его проявления, если не будут своевременно пресечены, становятся все более опасными. Реакция школьного коллектива на случаи буллинга – важный аспект в решении этой проблемы. Работа с виновными может быть разнообразной. Иногда с ними устанавливают контакты и беседуют индивидуально – без угроз. Но зачастую используется такой подход: социальный педагог, взаимодействуя с жертвами, приглашают виновных принять участие в решении ситуации. Этот подход

достаточно эффективен – особенно если ребенок проявляет постоянную склонность к насилию [8].

Таким образом, буллинг является особым видом насилия, который в результате приводит к разочарованию, деморализации, демотивации, недовольству и отчуждению, это агрессивное преследование одного из членов коллектива со стороны остальных членов коллектива или его части. Буллинг может осуществляться и в физической, и в психологической форме. Проявляется во всех возрастных и социальных группах. Издевательства, побои, оскорбления совмещаются с системой образования, что приводит к возникновению школьного буллинга, где у детей падает самооценка, возникает низкий статус в группе, появляются проблемы в учебе и поведении. У таких детей высок риск возникновения и развития нервно-психических и поведенческих расстройств. Школьный буллинг способствует отчуждению и полной изоляции, дети получают психологическую травму, что приводит к тяжелым последствиям, которые иногда продолжаются всю жизнь у пострадавшего.

Литература

1. Богачева О.В. Поговорим о психическом насилии: Сборник статей. – М.: 2007. – 22 с.
2. Блайа К.Н. Кибербуллинг и школа / К.Н. Блайа. – М.: Логос, 2004. – 384 с.
3. Кон И.С. Что такое буллинг и как с ним бороться? / И. С. Кон // Семья и школа М.: Политиздат. – № 2. – 2006. – С.15–18.
4. Мухаркина А.К. Психологические закономерности и проявление буллинга в детском возрасте. – Томск: Изд-во Том.ун-та, 2004. – 147 с.
5. Максимова Н.Ю. Школьный буллинг. Рекомендации учителям, психологам, администрациям школ. Н.Ю. Максимова // Педагогика. – 2014. – №4. – С. 34–39.
6. Мещенина Т.А. Профилактика жестокого обращения с несовершеннолетними / Т.А. Мещенина. – Москва: Норма, 2014. – 94 с.
7. Ожиева Е.Н. Буллинг как разновидность насилия / Е.Н. Ожиева. – К.Рута, 2001. – 320 с.
8. Шевцов З.С. Буллинг и современность / З.С. Шевцов. – К.:Рута, 2001. – 320 с.

3.2.5. Кибербуллинг: травля в пространстве современных технологий *А.А. Бочавер, К.Д. Хломов²⁵*

Современное пространство повседневного общения характеризуется яркой новой особенностью, а именно его распространением в виртуальный мир. И если для нынешних взрослых навыки общения с помощью электронных писем, мгновенных сообщений, чатов являются надстройкой над уже приобретенными навыками общения вживую, то нынешние дети и подростки осваивают и те и другие навыки практически одновременно.

²⁵ Психология. Журнал Высшей школы экономики. – 2014. – Т. 11. – № 3. – С. 177–191.

В отношении подростков можно говорить о том, что процесс социализации в значительной степени перемещается в Интернет (Кондрашкин, Хломов, 2012) – вместе со знакомствами, референтными группами, освоением различных социальных ролей и норм. Все те коммуникативные процессы, которые происходят в обычном социофизическом пространстве, как бы «дублируются», иногда усиливаясь, а иногда компенсируясь виртуальным общением, однако в любом случае обрастая новыми чертами. И хотя исторически виртуальное бытие, очевидно, вторично по отношению к реальному, можно ожидать и обратного влияния и переноса коммуникативных ситуаций и правил, распространенных в Интернете, в «реальное» пространство общения.

Появление Интернета позволило состояться «виртуальному общению», которое стало для многих ресурсом и открыло дополнительные социальные возможности. Анонимность, допустимая в Интернете, позволяет человеку экспериментировать с разными социальными ролями и разными Я, не боясь негативной оценки или социальных санкций, которые бы последовали при общении вживую. Это подтверждается данными 2005 г., согласно которым четверть подростков в Интернете притворяются, что они другого пола, возраста, этноса, политических взглядов, сексуальной ориентации, чем на самом деле; чуть больше половины имеют больше одного электронного адреса или никнейма (Lenhart et al., 2005). По другим данным, 39% подростков пытались разыграть кого-то или представлялись другим человеком в обмене мгновенными сообщениями (Lenhart et al., 2001). С одной стороны, это может быть полезно подростку, который ищет случая узнать больше о себе. Однако, с другой стороны, виртуальное общение создало риски, связанные с новыми вариантами ответов среды. Например, анонимность повышает вероятность встречи подростка в Интернете и, возможно, в реальном мире с кем-то, кто тоже использует вымышленную роль и является вовсе не тем, кем представляется, а также снижает привычный уровень стыдливости и провоцирует такие формы поведения (например, исповедальность), которые не практикуются в реальной жизни. Однако автор и участники ситуации могут быть расшифрованы, что может оборачиваться психологической травмой. Анонимность снижает уровень личной ответственности и превращает клеветника в элемент почти симультанной информационной среды, где легко укрыться от агрессии обиженного.

При повсеместном использовании Интернета и активных виртуальных коммуникациях встает задача урегулирования этих коммуникаций и обеспечения безопасности пользователей, развития киберэтики (Войскунский, 2010). Несмотря на распространенность противопоставления «реального» и «виртуального» миров, между ними нет четкой границы. По словам Р.Махаффи, исследователя-криминолога из отдела киберпреступлений (преступлений с использованием информационных технологий) Министерства юстиции штата Миссисипи, Интернет – это Дикий, Дикий Запад XXI в., в котором постоянно встречаются волнующие приключения, опасности и бандиты: хотя пули,

летающие в Интернете, ненастоящие, они все равно могут ранить (Kowalski et al., 2011).

Мы остановимся здесь на той стороне общения в Интернете, которая представляет собой отчетливую социальную проблему и нуждается в обсуждении и поиске методов решения. Речь идет о кибербуллинге – новой и стремительно распространяющейся и за рубежом, и в России форме травли, использующей возможности Интернета (в первую очередь, анонимность и огромное число пользователей) для агрессивного преследования человека. С тех пор как в 1993 г. норвежский психолог Д. Ольвеус дал ставшее общепринятым определение травли в детской и подростковой среде: «буллинг (травля) – это преднамеренное систематически повторяющееся агрессивное поведение, включающее неравенство власти или силы» (Olweus, 1993), – эта тема стала одной из самых обсуждаемых в контексте детских коллективов (Бочавер, Хломов, 2013) – как в силу травматичности последствий, так и в силу повсеместной и повседневной распространенности. В последнее время помимо традиционного пространства буллинга, где взрослые не отслеживают ситуацию – в школе, на школьном дворе, на пути в школу и из школы, в школьном автобусе (Craig, Repler, 1997), появились Интернет-площадки, быстро освоенные теми, кто хотел осуществлять травлю, не приближаясь к своей жертве вживую. Агрессивное преследование человека приобрело новые формы с применением разнообразных современных технологий. Эти формы травли, называемые кибербуллингом, вызывают сильную тревогу у детей, родителей и специалистов в Европе и Америке и уже начинают появляться в России. Особенность информационных процессов в Интернете состоит в том, что оттуда ничего никуда не исчезает.

И потому даже непроверенная стигматизирующая (от греч. «ярлык, клеймо») информация остается там навсегда. Чем дольше будет оправдываться невинный, чем длиннее будет его диалог с кем-то невидимым, но, возможно, находящимся рядом, тем выше угроза психологической безопасности жертвы клеветы. Обычный буллинг в некотором смысле честнее и безопаснее, потому что в нем нет неопределенности, присутствующей в виртуальном пространстве. «Российской особенностью является тот факт, что кибертравля нередко осуществляется по социальным или национальным мотивам, фактически представляя собой разновидность экстремистских действий» (Парфентьев, 2009). Известны случаи суицидов, совершенных подростками после киберпреследования.

Подростки выступают наиболее уязвимой группой для кибербуллинга. По российским данным, 78% детей (т.е. практически все горожане) от 6 до 18 лет ежедневно пользуются Интернетом (Беспалов, 2010). Растет популярность социальных сетей, где пользователь заводит себе индивидуальный профиль и может публиковать информацию разной степени откровенности. При этом понимание рисков, связанных с отсутствием конфиденциальности, с нарушением личных границ и возможностью злоупотребления доступной информацией, у подростков, как и у взрослых неопытных пользователей,

зачастую недостаточно. Более 72% подростков имеют персональный профиль в социальных сетях. До 80% российских детей выкладывают в сеть свою фамилию, точный возраст, номер школы, и у трети опрошенных детей настройки профиля позволяют всем видеть личную информацию о пользователе; за рубежом 62% детей выкладывают в общий доступ личные фотографии (Солдатова, Зотова, 2011; Kowalski et al., 2011). При обсуждении гипотетического поведения при возникновении неприятной ситуации в Интернете 77% 6–9-летних детей отвечают, что обратятся за помощью к родителям, а среди 15–17-летних 54% планируют справиться с проблемой самостоятельно, при этом не указывая, как именно (Беспалов, 2010). Высокая пользовательская активность детей сочетается с их слабой осведомленностью об опасностях Интернет-пространства и способах их избегания или преодоления, в связи с чем велик риск попадания детей в небезопасные ситуации, и очевидна необходимость просвещения и профилактики.

Кибербуллинг и его формы

Кибербуллинг (cyberbullying), электронная травля (electronic bullying), социальная жестокость онлайн (online social cruelty) – это отдельное направление травли, определяемое как преднамеренные агрессивные действия, систематически на протяжении определенного времени осуществляемые группой или индивидом с использованием электронных форм взаимодействия и направленные против жертвы, которая не может себя легко защитить (Smith et al., 2008, p. 376). Кибербуллинг включает в себя использование электронной почты, мгновенных сообщений, веб-страниц, блогов, форумов и чатов, MMS- и SMS-сообщений, он-лайн-игр и других информационных технологий коммуникации (Kowalski et al., 2011).

Это совсем новая область исследований с не устоявшейся пока терминологической системой. Некоторые специалисты считают, что кибербуллинг возможен только среди детей и подростков, а когда им занимаются взрослые, это следует называть «кибер харассмент» (cyber harassment) или «киберсталкинг» (cyberstalking) (Af tab, 2011). Другие предлагают использовать термин «нецивилизованность онлайн» (incivility online) или «кибернецивилизованность» (cyber incivility) (Giumetti et al., 2012).

Как и традиционный буллинг, кибербуллинг может быть прямым и косвенным. Прямой кибербуллинг – это непосредственные атаки на ребенка через письма или сообщения. При косвенном в процесс травли жертвы вовлекаются другие люди (как дети, так и взрослые), не всегда с их согласия; преследователь может взломать аккаунт жертвы и, мимикрируя под хозяина, рассылать с этого аккаунта сообщения знакомым жертвы, разрушая коммуникативное поле жертвы и порождая сомнение в его моральных качествах. Одна из наиболее угрожающих ситуаций – когда преследователь публикует в сети информацию, которая в действительности подвергает жертву опасности, например, от ее имени размещает объявление о поиске сексуальных партнеров. Как и традиционная травля, кибербуллинг включает в себя континуум поступков, на одном полюсе которого действия, с трудом

распознающиеся окружающими как преследование, а на другом – жестокое поведение агрессора, которое может приводить даже к смерти жертвы.

Р. Ковальски, С. Лимбер и П. Агатстон в своей книге «Кибербуллинг: Буллинг в цифровом веке» (Kowalski et al., 2011) приводят следующие самые распространенные сейчас способы травли в электронном пространстве.

Наиболее эмоционально бурная форма кибербуллинга – это флейминг (англ. flaming – воспламенение), который начинается с оскорблений и перерастает в быстрый эмоциональный обмен репликами, обычно публично, реже в частной переписке. Происходит между двумя собеседниками с изначально равными позициями, однако внезапная агрессия вносит дисбаланс, усиливающийся за счет того, что участник не знает, кого его противник может привлечь на свою сторону в этом сражении. Посетители форума, свидетели, могут присоединяться к одной из сторон и развивать грубую переписку, не до конца понимая изначальный смысл столкновения и зачастую рассматривая ситуацию как игровую, в отличие от инициаторов агрессивного диалога. Можно сравнить это с дракой «стенка на стенку», где участники не до конца понимают ни что стало поводом конфликта, ни каков критерий присоединения соратников друг к другу. Напоминающей флейминг, но однонаправленной формой буллинга является харассмент (англ. harassment – притеснение): это адресованные конкретному человеку обычно настойчивые или повторяющиеся слова и действия, которые вызывают у него раздражение, тревогу и стресс и при этом не имеют разумной цели.

Киберхарассмент обычно выражается в повторяющихся оскорбительных сообщениях жертве, от которых она чувствует себя морально уничтоженной, которым она не может ответить по причине страха или невозможности идентифицировать преследователя, а иногда к тому же вынуждена оплачивать полученные сообщения. Специфическую форму харассмента осуществляют так называемые гриферы (griefers) – игроки, целенаправленно преследующие других игроков в многопользовательских онлайн-играх. Они нацелены на разрушение удовольствия от игры у других игроков, активно используют брань, блокируют отдельные области игры и мошенничают. Это сочетание вандализма с травлей, в «материальном» мире напоминающее поведение детей, которые приходят растоптать куличики, слепленные детьми помладше в песочнице, лишая их сразу удовольствия и полученных достижений. Известны и более экстремальные методы – например, в одной игре была размещена специально созданная мигающая панель с движущимися объектами, которая должна была провоцировать у игроков эпилептический приступ. 95% любителей виртуального мира «Second life» сообщили о том, что им встречались гриферы (Там же). Еще одной формой харассмента является троллинг: кибертролли (cyber trolls) публикуют негативную, вызывающую тревогу информацию на веб-сайтах, страницах социальных сетей, даже на мемориальных страницах, посвященных умершим людям (Famig liet -ti, 2011), провоцируя сильную эмоциональную реакцию. Первоначально термин «троллинг» – рыболовный и означает ловлю рыбы на блесну. «Реальных» троллей обычно называют

провокаторами – это те, кто используют «слабые места» других людей для того, чтобы с помощью манипуляции поддеть человека и получить удовольствие от его аффективного взрыва. Агрессор в этом случае переживает ощущение всемогущества за счет власти над жертвой, над ее эмоциональным состоянием.

Близким по смыслу, но менее манипулятивным и более напрямую агрессивным является киберсталкинг (cyberstalking; от англ. to stalk – преследовать, выслеживать) – использование электронных коммуникаций для преследования жертвы через повторяющиеся вызывающие тревогу и раздражение сообщения, угрозы противозаконных действий или повреждений, жертвами которых могут стать получатель сообщений или члены его семьи.

Кроме того, стыд, тревогу или страх могут вызывать так называемые сексты. Секстинг (sexting, от англ. sex – секс и text – текст) – это рассылка или публикация фото- и видеоматериалов с обнаженными и полуобнаженными людьми. Чем старше дети, тем выше вероятность их вовлечения в секстинг. По данным исследования, 10% молодежи 14–24 лет отправляли или публиковали изображения самих себя с сексуальным подтекстом, 15% получали такие сообщения непосредственно от кого-то другого (Kowalski et al., 2011). Среди участников исследования американской Национальной кампании по предупреждению подростковой и нежелательной беременности 71% девушек и 67% юношей отправляли «сексты» своим романтическим партнерам; 21% девушек и 39% юношей отправляли картинки с сексуальным подтекстом людям, с которыми им бы хотелось иметь романтические отношения; 15% юношей и девушек отправляли их кому-то, знакомому только по онлайн-общению (Lenhart, 2010). Если часть людей рассылает такие сообщения в рамках гармоничных отношений внутри пары, то другие преследуют при этом цели травли и нанесения вреда, например, выкладывая в Интернет фотографии обнаженной бывшей подруги в качестве мести за болезненный разрыв отношений.

Еще одной формой преследования в Интернете является распространение клеветы (denigration): это Кибербуллинг: травля в пространстве современных технологий публикация и рассылка унижающей и ложной информации о человеке, его искаженных изображений, в частности в сексуализированном и/или наносящем вред его репутации виде, и др. Одной из форм клеветы являются «онлайн слэм-буки» (online slam-books). Слэм-буки – тетради, в которых одноклассники размещают различные рейтинги и комментарии — «кто самая красивая девушка в классе», «кто одевается хуже всех» и т.п. Соответственно, «онлайн слэм-буки» – это созданные для развлечения сайты, где одноклассники публикуют подобные рейтинги и комментарии, часто грубые и неприятные, например, «Худшая парочка класса».

Платформой для этого часто служат развлекательные сайты, ориентированные на студентов и школьников. Некоторые люди посещают их не для того, чтобы посплетничать и оставить комментарий, а просто для того, чтобы проверить, не стали ли сами очередным объектом клеветы и злобного развлечения знакомых (Lisson, 2008).

Также ложная информация распространяется при выдаче себя за другого (impersonation). Преследователь, используя украденный пароль, с аккаунтов жертвы и как бы от ее лица рассылает негативную, жестокую или неадекватную информацию ее знакомым. Жертва испытывает сильное унижение при получении обратной связи и часто теряет друзей. Кроме того, преследователь с помощью пароля может менять персональный профиль жертвы на веб-сайте, размещать там неуместную, оскорбительную информацию, рассылать угрожающие или унижающие e-mail с адреса жертвы. В крайнем случае преследователь может публиковать на форумах провоцирующие оскорбительные сообщения или комментарии, подписываясь именем жертвы и указывая ее реальные имя, адрес и телефон, тем самым ставя жертву под угрозу реального преследования и нападения.

Раскрытие секретов и мошенничество (outing and trickery; outing изначально подразумевало «разоблачение тайного гомосексуалиста или лесбиянки») включает распространение в сети личной, секретной, конфиденциальной информации о жертве. Эта форма аналогична раскрытию секретов «в реале», которое также сопровождается переживаниями стыда и страха отвержения со стороны жертвы, и отличается лишь числом возможных свидетелей.

Исключение из сообщества, к которому человек ощущает свою принадлежность, может переживаться как социальная смерть. Исключение/остракизм (exclusion/ostracism) из онлайн-сообществ может происходить в любых защищенных паролем средах или через удаление из «списка друзей» (buddy list).

Эксперимент показал, что исключение из Интернет-сообщества снижает самооценку участника и способствует тому, что в следующем сообществе он начинает вести себя более конформно (Williams et al., 2000). Часто после исключения человек вступает в другие группы (в частности, тематически посвященные мести первому сообществу), и это позволяет частично совладать с переживаниями; множество «сообщников» придает человеку воодушевления и усиливает веру в возможность отомстить за остракизм – самостоятельно или с помощью членов новой группы. При отсутствии прямых оснований это – аналог косвенной травли, выражающейся в изоляции и отвержении кого-то из членов группы («с ним никто не хочет сидеть», «мы с ней не дружим»).

Важность для человека его признания со стороны сообщества эксплуатируется также при публикации видеозаписей физического насилия/хулиганского нападения (video recording of assaults/happy slapping and hopping). Happy slapping – хулиганское нападение на прохожего группой подростков, во время которого один из хулиганов снимает происходящее на видеокамеру мобильного телефона. Для усиления чувства унижения у жертвы преследователи выкладывают видеозапись нападения в Интернет, где тысячи зрителей могут смотреть и комментировать ее. К сожалению, загрузить видеозапись в Интернет гораздо проще, чем удалить ее оттуда.

Таким образом, основные лейтмотивы травли в Интернете – эксплуатация значимости референтного для жертвы сообщества (вовлечение множества свидетелей в разы усиливает переживания стыда, страха, беспомощности и отвержения); бесконтрольное распространение любой (ложной, постыдной, конфиденциальной) информации; провокация гипертрофированной аффективной обратной связи от жертвы. Целью кибербуллинга является ухудшение эмоционального состояния жертвы и/или разрушение ее социальных отношений.

Участники кибербуллинга

Исследователи выделяют четыре категории детей, занимающихся кибербуллингом, в зависимости от мотивации к этому занятию и стиля его осуществления: а) «ангел мести» (ощущает себя правым, часто мстит за то, что сам оказался жертвой буллинга в школе); б) «жаждущий власти» (похож на традиционного преследователя со школьного двора, хочет контроля, власти и авторитета, однако может быть меньше и слабее сверстников, либо может вымещать свою злость и беспомощность, оказавшись в состоянии уязвимости, например, при разводе или болезни родителей); в) «противная девчонка» (может быть и девочкой, и мальчиком; занимается кибербуллингом ради развлечения, связанного с испугом и унижением других); г) «не умышленные преследователи» (включаются в кибербуллинг по инерции вслед за полученными негативными сообщениями о ком-то, часто в результате косвенной травли, в которую их вовлекают как свидетелей и соучастников) (Aftab, 2011). На сегодняшний день исследователи полагают, что жертвами кибербуллинга зачастую становятся примерно те же дети, которых преследуют вживую: по разным причинам более уязвимые и менее уверенные в себе, часто имеющие какие-то отличия во внешнем виде, происхождении, поведении, состоянии здоровья по сравнению со сверстниками (Kowalski et al., 2011).

Психологическая специфика кибербуллинга

Подобно традиционной травле, кибербуллинг предполагает систематичность, агрессивность и неравенство в силе/власти преследователя и Кибербуллинг: травля в пространстве современных технологий жертвы. Однако власть в киберпространстве имеет и особенности: преследователь анонимен, может скрываться за ложными идентичностями и обращаться к огромной аудитории, внимающей слухам и клевете; вдобавок жертва притеснения доступна через электронные приспособления всегда и везде (Там же). И если в обычной травле преследователя могут остановить не столько моральные аргументы, сколько возможные затраты, то кибербуллинг практически не требует ни прерывать основную деятельность, ни отвлекаться от нее, т.е. это очень комфортный способ повышения уровня адреналина.

Остановимся подробнее на особенностях кибербуллинга – анонимности, непрерывности, бесчисленных невидимых свидетелях, отсутствии обратной связи и феномене растормаживания.

В отличие от традиционной травли, где агрессор известен в лицо и его можно попытаться избежать, в киберпространстве преследователь часто

анонимен. Жертва не знает, один ли преследователь или их несколько; мальчик это или девочка; старше или младше; знакомы ли они и не друг ли это. Такая неопределенность усиливает тревогу, жертва может начинать фантазировать о могуществе и силе агрессора и в связи с этим – о собственной беззащитности и уязвимости, опираясь на свой личный прошлый опыт, персональные переживания. Таким образом, кибербуллинг может быть особенно опасен для детей и подростков, имеющих травматический опыт или переживающих отвержение внутри семьи.

Неопределенность подкрепляется непрерывностью: травля через Интернет и сотовые телефоны может не прекращаться ни днем, ни ночью.

Более того, одно опубликованное сообщение может работать как многократный акт травли, вызывая все новые болезненные для жертвы комментарии, не считая того, что жертва сама может перечитывать полученный оскорбительный или угрожающий текст и переживать ретравматизацию. Поскольку Интернет выполняет коммуникативную функцию и является пространством социализации, жертва может переживать ситуацию травли как полную потерю возможностей для построения отношений, развития, социализации.

На страх преследования у ребенка накладывается страх лишения доступа к сети. Для многих родителей, узнавших, что их ребенок подвергается электронному насилию, первым шагом является лишение ребенка возможности пользоваться компьютером или сотовым телефоном. Хотя это кажется логичным способом остановить поток сообщений от преследователя, для ребенка страх лишения компьютера превышает даже страх от продолжения травли, поскольку отсутствие доступа к электронной коммуникации в большой степени аннулирует его социальную жизнь. Поэтому дети часто скрывают факты электронного преследования. Лишение ребенка технологических приспособлений – это дополнительное наказание пострадавшего.

В ситуации кибербуллинга преследователь не видит выражения лица жертвы, не слышит ее интонаций и не знает о ее эмоциональных реакциях: e-mail или мгновенные сообщения позволяют ему дистанцироваться от них. Эмоциональная обратная связь взаимодействие; без нее нет «линейки», которая бы помогла измерить жестокость поведения. Киберпреследователь забывает о том, что его сообщения на экране своего электронного устройства читает реальный человек.

Жертва также не может видеть преследователя, представлять выражения его лица, интерпретировать его интонации, что затрудняет для нее считывание смысла, вложенного в послания преследователя. Редукция эмоциональной составляющей в электронных письмах, мгновенных сообщениях ведет к сильному недопониманию между участниками коммуникации и при этом к недооценке этого недопонимания. Таким образом, коммуникация искажается в обе стороны, при этом участники могут об этом не догадываться.

Хотя иногда участники сообщества отчетливо присоединяются к обидчику или жертве, как правило, присутствует множество молчаливых

свидетелей, невмешательство которых служит поддержкой преследователя и усиливает и без того унижительные и болезненные переживания жертвы. Предположительно, свидетелям электронного насилия проще присоединиться к агрессору, чем свидетелям традиционной травли, поскольку для этого от них не требуется никаких физических усилий или социальных умений; самый физически слабый ребенок может активно травить самого сильного, используя современные технологии.

Кроме того, анонимность и отсутствие контакта лицом к лицу обезличивают взаимодействие, позволяя с легкостью позабыть о человеческой составляющей взаимодействия и воспринимать происходящее как некую симуляцию, подобие компьютерной игры.

Дозволенная в Интернете анонимность меняет поведение людей. Возможность не быть идентифицированными приводит к феномену растормаживания (*disinhibition*): без угрозы наказания и социального неодобрения люди говорят и делают вещи, которые бы не стали говорить и делать под своим именем, позволяют себе гораздо больше, чем привыкли в обычной жизни, где они несут ответственность за свои поступки и высказывания. Эта анонимность – скорее иллюзия, чем действительность, – пользователи оставляют «электронные отпечатки ног» (Willard, 2006), однако, даже будучи идентифицированным, преследователь может утверждать, что кто-то другой воспользовался его аккаунтом, чтобы осуществлять травлю, и пытаться уклониться от наказания.

Профилактика и прекращение кибербуллинга

Итак, пользователи Интернета сталкиваются с множеством не всегда осознаваемых ими коммуникативных рисков. Что можно сделать, чтобы постараться их предупредить? Борьба с некорректным поведением в Интернете движется по двум направлениям. С одной стороны, это развитие технических приспособлений, ограничивающих нежелательный контент (фильтры, цензура), располагаемые в социальных сетях и на веб-сайтах разнообразные кнопки тревоги («пожаловаться»), предназначенные для Кибербуллинг: травля в пространстве современных технологий включения в неприятную ситуацию сотрудников сайта, и настройки конфиденциальности персональных аккаунтов. С другой стороны, осуществляется обучение пользователей Интернета основным правилам безопасности и корректного поведения по отношению к другим пользователям. За рубежом существуют специальные веб-сайты, посвященные повышению Интернет-грамотности и обучению корректному, неагрессивному и невиктимному поведению в Интернете

В частности, рассматриваются ценностные аспекты тех или иных поступков в интернете, обсуждаются внутренние выборы, которые человек совершает, пересылая чьи-то фотографии в обнаженном виде, ведя себя в Интернете жестоко, неуважительно или шпионя за другими. В Рунете сейчас интенсивно идет работа в направлении цензурирования контента и развития фильтров, есть и материалы, посвященные Интернет-безопасному поведению, – например, рекомендации для детей, родителей и педагогов в рамках проекта

«Дети онлайн» или на веб-сайте фонда «Дружественный Рунет». Эти рекомендации в основном сосредоточены на технической стороне проблемы (как можно заблокировать послания от агрессора и кому нужно сообщить о ситуации нарушения прав) и подчеркивают значимость родительского контроля за деятельностью детей в Интернете. Однако собственно психологическая сторона ситуации киберпреследования – переживания и поведение жертвы, агрессора, свидетелей, возможность работы с ними – в таких рекомендациях раскрывается недостаточно.

В ситуации традиционного буллинга и кибербуллинга внутри конкретного сообщества (например, учебной группы) психологическая работа фокусируется на изменении качества отношений внутри группы, чтобы в этих отношениях вместо ценности власти и паттернов доминирования-подчинения и скрытого применения насилия формировались ценности взаимного уважения и сотрудничества.

В ситуации кибербуллинга при отсутствии «реальных» отношений между жертвой и агрессором, по-видимому, основной мишенью психологической работы должны становиться личные границы жертвы и навыки обеспечения их устойчивости. Тема родительского контроля как залога безопасности детей в этом контексте становится дискуссионной: конечно, погружение ребенка в Интернет – это вызов доверию, открытости, последовательности, честности в отношениях ребенка и родителей. Однако ребенку необходимо учиться самостоятельно и осознанно принимать решения, понимать свои и чужие мотивы, и Интернет выступает площадкой для отработки этих навыков. Отношения ребенка и родителей являются фоном и в благоприятном случае ресурсом поддержки в ситуациях, с которыми сталкивается ребенок в процессе своей социализации в Интернете.

Заключение

Итак, мы показали, как тенденция перемещения традиционных форм взаимодействия в виртуальное пространство трансформирует способы организации ситуаций травли. Возможность избежать личного контакта при агрессивном взаимодействии приводит к обезличиванию участников, ощущению нереальности происходящего у преследователя и в конечном итоге к тому, что преследование становится еще более жестоким в своей безграничности.

Перенос такого опыта коммуникации, с утратой чувствительности и отсутствием опоры на обратную связь, в «реальную жизнь» чреват совершенно другим ответом среды, при встрече с которым подростку придется столкнуться со своей социальной некомпетентностью. Это подчеркивает необходимость разработки психологических программ по развитию коммуникативных навыков в роли пользователей среди подростков и молодежи.

Своеобразие и возможные угрозы коммуникаций в Интернете еще не вполне отрефлексированы. Мы обозначили ряд различий в общении в Интернете и в реальности, о которых известно благодаря исследованиям.

Однако среди пользователей редко практикуется анализ происходящего, нет внятной «системы безопасности» поведения в Интернете и отчетливых этических стандартов. В связи с этим регулярно происходят неприятные, а иногда и трагические ситуации. В Рунете, особенно в социальных сетях, в настоящее время идет волна разоблачений различных преступлений, в контексте которых активно публикуются и тиражируются разнообразные личные сведения из жизни преступников. Очень сложно развести случаи, когда публичность противостоит замалчиванию и обладает позитивным эффектом для сообщества, и ситуации, когда она тотально нарушает личные границы и (даже в рамках профессиональной журналистской деятельности) превращается в кибербуллинг. Представляется очень важным, особенно в детской и подростковой аудитории, развивать осознанное и ценностное отношение к своему поведению в Интернете и транслировать последовательную систему мер предосторожности, чтобы снизить риск того, что ребенок или подросток окажется в роли предмета или инициатора киберпреследования.

Литература

1. Беспалов Е.И. Результаты онлайн-исследования «Юный интернет-пользователь» в 2010 году [Электронный ресурс]. – 2010. – Режим доступа: <http://www.friendlyrunet.ru/files/281/110530-otchet.pdf>
2. Бочавер, А.А. Хломов К.Д. Буллинг (травля) как объект исследований и культурный феномен. Психология. Журнал Высшей школы экономики. – 2013. – №10(3). – 149–159.
3. Войскунский А.Е. Психология и интернет. – М.: Акрополь. Кибербуллинг: травля в пространстве современных технологий, 2010.
4. Кондрашкин А.В., Хломов К.Д. Девиантное поведение подростков и Интернет: изменение социальной ситуации. Психология. Журнал Высшей школы экономики, 2012. – № 9(3). – С.102–113.
5. Парфентьев У. Кибер-агрессоры. Дети в информационном обществе. – 2009. – №2. – 66–67. – Режим доступа: http://detionline.com/assets/files/journal/2/threat2_2.pdf
6. Солдатова Г.В., Зотова Е.Ю. Зона риска: Российские и европейские школьники: про-блемы онлайн-социализации. Результаты исследования «дети России онлайн». Дети в информационном обществе. – 2011. – №7, С.46–55. – Режим доступа: http://detionline.com/assets/files/journal/7/12research_7.pdf
7. Aftab P., Cyberbullying: An Interview with Parry Aftab. – 2011. – Режим доступа: <http://etcjournal.com/2011/02/17/7299/>
8. Craig W., & Pepler D.J. Observations of bullying and victimization in the schoolyard. Canadian Journal of School Psychology, 1997. – №13. – С. 41–60.
9. Famiglietti C. (2011). Cyber-trolls vandalize Facebook page for Isabella Grasso. Retrieved from <http://glencove.patch.com/articles/cyber-trolls-vandalize-facebook-page-for-isabella-grasso>

10. Giumetti G.W., McKibben E.S., Hatfield A.L., Schroeder A.N., & Kowalski, R.M. Cyberincivility @ work: The new age of interpersonal deviance. *Cyberpsychology, Behavior and Social Networking*, 2012. – №15. – С. 148–154.
11. Kowalski R.M., Limber S.P., & Agatston P.W. (2011). *Cyberbullying: Bullying in the digital age* (2nd ed.). Chichester: Wiley-Blackwell.
12. Lenhart A. (2010). *Cyberbullying: What the research is telling us*. Retrieved from <http://www.pewinternet.org/Presentations/2009/18-Cyberbullying-What-the-research-is-telling-us.aspx>
13. Lenhart A., Madden M., & Hitlin P. (2005). *Teens and technology: Youth are leading the transition to a fully and mobile nation*. Retrieved from <http://www.pewinternet.org/Reports/2005/Teens-andTechnology.aspx>
14. Lenhart A., Rainie L., & Lewis O. (2001). *Teenage life online*. Retrieved from <http://www.pewinternet.org/Reports/2001/Teenage-Life-Online.aspx>
15. Lisson M. (2008). *Out-of-Control Gossip on Juicy Campus Web Site*. Retrieved from <http://abcnews.go.com/oncampus/story?id=5919608#.ULtYHWdOehU>
16. Olweus D. *Bullying at school: What we know what we can do*. – New York: Blackwell, 1993.
17. Smith P. K., Mahdavi J., Carvalho M., Fisher S., Russel S., & Tippett N. *Cyber bullying: Its nature and impact in secondary school pupils*. *Journal of Child and Psychiatry*, 2008. – №49. – 376–385.
18. Willard N. *Cyber bullying and cyberthreats: Responding to a challenge of online social cruelty, threats, and distress*. Eugene, OR: Center for Safe and Responsible Internet Use, 2006
19. Williams K., Cheung C., Choi W. *Cyberostracism: Effects of being ignored over the Internet*. *Journal of Personality and Social Psychology*. – 2000. – №40. – С. 303–311.

3.3. Профилактика экстремизма

3.3.1. Профилактика экстремизма в молодежной среде

Г.А. Стюхина, К.В. Макарова²⁶

Изменение приоритетов современного образования требует отказа от понимания задач образования только с точки зрения выполнения обучающих функций. Особое внимание сегодня должно быть уделено формированию нравственных основ личности учащихся, их духовному становлению. Такое смещение акцентов в образовании вызвано насущной потребностью общества в консолидации, объединении, которое невозможно без наличия согласованных мировоззренческих установок его членов. Значимость и актуальность данной проблемы нашла отражение в нормативных документах, которые лежат в основе образовательной деятельности в нашей стране. Так, в «Законе об образовании в Российской Федерации» в статье 66 указывается: «Основное

²⁶ Вестник РМАТ, Москва. – 2015. – №4. – С.22-26.

общее образование направлено на становление и формирование личности обучающегося (формирование нравственных убеждений, эстетического вкуса и здорового образа жизни, высокой культуры межличностного и межэтнического общения, овладение основами наук, государственным языком Российской Федерации, навыками умственного и физического труда, развитие склонностей, интересов, способности к социальному самоопределению)» [2].

Изменение приоритетов современного образования должно найти свое отражение в подготовке будущих педагогов. Необходимым компонентом образовательных программ должны стать вопросы воспитания учащихся, методы и приемы достижения указанных личностных результатов освоения образовательных программ. В связи с этим авторам представляется важным более подробно разобраться в том, что такое ценности и социальные нормы и как можно способствовать их формированию.

Рассматривая личность растущего человека в контексте его отношений с миром и другими людьми, необходимо отметить, что основной структурной единицей для понимания его внутренних психологических побуждений выступают ценности и нормы. Э. Фромм отмечает, что понимание человеческой души должно основываться на анализе человеческих потребностей, вырастающих из условий его существования [3]. Одной из важнейших потребностей каждого является потребность в системе ориентаций, то есть в наличии определенной системы ориентиров, которые бы обеспечивали стабильный и последовательный способ восприятия и понимания мира. Эта система ориентаций представляет собой совокупность убеждений, служащая для человека системой координат, из которой он может извлечь ответ на вопрос, где его место и что ему делать [3].

Система ценностей отражает существенные цели и идеалы своей эпохи. Распад ценностей и несоблюдение норм приводит к состоянию отчуждения, потерянности, нестабильности, ощущению утраты понимания происходящего и будущего. Наличие стабильной системы ценностных ориентаций в семье, обществе является важнейшим фактором развития личности в подростковый период. Обретение подростком своего Я также заключается в формировании отношения к миру, собственной системы координат. Отсутствие идеалов, которое часто сопровождает социальные преобразования, крайне неблагоприятно для подрастающих детей, так как приводит к возникновению у них чувства неопределенности, тревоги и разрыва связей с миром. Переживаемый ими в этот период кризис, связанный с решением таких вопросов, как: «Что я собой представляю?», «Куда я иду?» – может проявляться в различных нарушениях поведения подростков.

Основные принципы и направления организации воспитательной деятельности образовательного учреждения представлены в «Концепции духовно-нравственного развития и воспитания гражданина России», которая стала одной из основ создания федеральных государственных образовательных стандартов второго поколения [1].

В рамках данной концепции современный воспитательный идеал, к достижению которого следует стремиться современной российской школе, определяется как высоконравственный, творческий, компетентный гражданин России, принимающий судьбу Отечества как свою личную, осознающий ответственность за настоящее и будущее своей страны, укорененный в духовных и культурных традициях многонационального народа Российской Федерации [1].

Как отмечают авторы указанной концепции, важнейшей целью современного образования и одной из приоритетных задач общества и государства является воспитание нравственного, ответственного, инициативного и компетентного гражданина России. Но можно констатировать, что часто ценности как идеалы, одобренные и пропагандируемые обществом, подростки усваивают хаотично, отсутствует их критическое осмысление. Поэтому сегодня перед школой как общеобразовательным и воспитательным учреждением, занимающимся социализацией детей и подростков, стоит важнейшая задача – формирование у них системы ценностей, которая позволит учащимся стать личностями, «осознающими и принимающими ценности человеческой жизни, семьи, гражданского общества, многонационального русского народа, человечества» [1].

В данной статье представим результаты внедрения воспитательных мероприятий в систему подготовки студентов педагогического вуза. Целью исследования являлось выявление представлений студентов первого курса об экстремизме и их отношения к данному явлению.

В исследовании приняли участие 46 студентов (26 юношей и 20 девушек) Педагогического института физической культуры и спорта (г. Москва). Средний возраст опрошиваемых составил 18 лет. Исследование включало несколько этапов. На первом этапе студентам предлагалось ответить на вопросы анкеты. В анкете использовались вопросы открытого типа. Анкетирование проводилось анонимно. На следующем этапе было проведено обсуждение данной проблемы со студентами в форме интерактивного семинара с использованием элементов групповой дискуссии. В рамках интерактивного семинара обсуждались следующие вопросы: сущность понятия и формы экстремизма; психологические и социальные причины вступления молодых людей в экстремистские организации; уголовная ответственность за подобную деятельность; возможные «зоны риска» быть вовлеченным в экстремистскую деятельность, технологии вербовки и способы противостояния им. После интерактивного семинара было проведено повторное анкетирование студентов.

Полученные результаты показывают, что ответы студентов после участия в интерактивном семинаре изменились. Так, ответы на вопрос «Что такое экстремизм?» до семинара распределились следующим образом: 56% опрошенных ответили, что это «противоправная форма деятельности», «приверженность крайним взглядам» – 4%, «опасность для населения» – 15%, «опасно, но интересно» – 2%. 23% опрошенных ответили «не знаю». После проведенного занятия ответы студентов распределились иначе: 74% указали, что

это «незаконная, противоправная деятельность», 14% – «приверженность крайним взглядам», по 2% студентов указали, что это «опасное для общества явление» и «конфликты на национальной и религиозной почве», 8% указали, что это «хулиганство». Анализ результатов показывает, что после участия в интерактивном семинаре у большего числа студентов сформировалось представление о том, что экстремизм – это незаконная, противоправная деятельность. Ответов «не знаю» на повторном этапе анкетирования не было. По мнению авторов, тот факт, что после участия в работе семинара большее число студентов определились с содержанием данного понятия, уяснили его противоправный характер, является важным моментом в профилактике данного явления среди молодежи, так как именно «непонятное» обладает привлекательным потенциалом и побуждает молодых людей к совершению необдуманных поступков.

Ответы на вопрос: «Какие формы экстремизма Вы знаете?» распределились следующим образом: 43% ответили «не знаю», остальные ответы распределились так: 15% – «национализм», по 2% опрошенных указали «рисование на стенах; фашизм и антифашизм; секты; скинхэды; зацепинг; ИГИЛ; боевики» и др. Повторный опрос показал, что студенты смогли классифицировать формы экстремизма по трем основным группам: религиозный (93%), политический (21%), национальный (97%). Положительным моментом авторы считают отсутствие ответов «не знаю» на этот вопрос после участия в интерактивном семинаре.

На вопросы анкеты о том, есть ли угроза быть втянутым в экстремистскую деятельность для вас или ваших друзей и знакомых, существенных изменений в ответах студентов не произошло. Как до, так и после участия в семинаре 65% опрошенных считали, что такой угрозы не существует. Лишь 19% считали такую угрозу реальной, а 16% выбрали ответ «возможно». Полученные данные могут говорить о некоторой самоуверенности, свойственной данной возрастной группе молодежи, возможно, о недооценке степени риска.

Интерес представляют ответы студентов на вопрос: «Что нужно делать, чтобы не быть втянутым в экстремистскую группировку?» Так, до участия в семинаре 41% опрошенных студентов ответили «не знаю», 23% – «думать своей головой», «не поддаваться на провокации», «иметь свое мнение», 22% – «не поддерживать контакты», остальные ответы набрали по 1, 2% – «поднять свой интеллект», «быть индивидуалом», «заняться спортом», «поддерживать отношения с хорошими людьми» и др.

Как мы видим из примеров, большинство ответов носит достаточно общий характер. После проведенного семинара содержание ответов на эти вопросы качественно изменилось. Не было выявлено студентов, которые бы ответили «не знаю». 62% студентов указали ответ «не вступать в контакт с незнакомыми людьми, не общаться с теми, кого не знаешь». В отличие от результатов первого анкетирования, ответы стали более конкретными и стали содержать четкие поведенческие алгоритмы. Например, наиболее популярными

были следующие ответы: «не отвечать незнакомым людям»; «не публиковать личную информацию о себе в социальных сетях»; «осторожно использовать социальные сети», «не общаться с незнакомыми людьми»; «не знакомиться с людьми в социальных сетях или на улицах»; «с осторожностью относиться к очень дружелюбно настроенным незнакомым людям, их предложениям помочь» и др. В представленных ответах возможные поведенческие реакции на опасные ситуации четко определены.

Полученные результаты позволяют сделать следующий вывод: участие в интерактивном семинаре позволило студентам разобраться в содержании понятия «экстремизм», видах этого явления, узнать о возможных последствиях участия в деятельности экстремистских организаций и сформировать представление о возможных действиях в случае опасности быть завербованным со стороны представителей подобных организаций.

Результаты анкетирования позволяют говорить о том, что включение подобных мероприятий является необходимым компонентом организации воспитательной деятельности образовательного учреждения и способствует, с одной стороны, выработке определенных ценностных ориентиров у студентов, с другой стороны, готовит их к решению подобных задач в будущей профессиональной деятельности.

Реализация задачи духовно-нравственного воспитания подрастающего поколения представляется возможной только при условии подготовки будущих педагогов к ее реализации, что требует включения дополнительных образовательных программ в систему подготовки студентов по психолого-педагогическим направлениям.

Литература

1. Данилюк А.Я., Кондаков А.М., Тишков В.А. Концепции духовно-нравственного развития и воспитания гражданина России. – М.: Просвещение, 2009.

2. Федеральный закон от 29 декабря 2012 г. № 273-ФЗ «Об образовании в Российской Федерации».

3. Фромм Э. Человек для себя. Исследование психологических проблем этики / пер. с англ. Л.А.Чернышевой. – Минск: Коллегиум, 1992.

3.3.2. К вопросу о профилактике экстремизма среди несовершеннолетних

Н.С. Чукарина, С.А. Кучерова²⁷

Экстремизм (от латинского *extremus* – крайний) – это теория и практика достижения социально-политических, религиозных, национальных целей посредством «крайних», запрещенных способов **148**. Под этими способами

²⁷ Актуальные проблемы уголовного и уголовно-процессуального права: современное состояние и перспективы развития. Москва. – 2016. – С.154–159.

понимается не дозволенное законом применение силы, насилие, посягательство на права и свободы человека и гражданина. В некоторых странах такого рода деяния называют преступлениями по мотивам вражды и ненависти, но в данном случае вражда и ненависть испытывается не просто к человеку как к личности, а как к представителю определенной национальной, религиозной, социальной группы, как к носителю тех или иных политических и идеологических взглядов и убеждений. Экстремист – это не просто убийца или хулиган, это «идейный» преступник, убежденный в своей правоте.

Наиболее значимым дестабилизирующим фактором в современный период в общественной жизни страны является деятельность молодежных националистических и экстремистских группировок, а именно: сторонников Движения против нелегальной иммиграции, «антифа», «скинхедов» и др.

«Антифа» – неформальное молодежное объединение, члены которого, прикрываясь идеями антифашистского движения, совершают преступления в отношении «скинхедов» и других националистических группировок. Несмотря на то что эти группировки пока не многочисленны и есть только в крупных городах, их деятельность вызывает значительный общественный резонанс.

Как правило, «скинхеды», «антифа» и другие неформальные молодежные группировки совершают хулиганство, умышленное причинение телесных повреждений, побои, т.е. преступления, предусмотренные ч. 2 ст. 213, пп. «а» и «б» ч. 2 ст. 115, пп. «а» и «б» ч. 2 ст. 116 УК РФ. Эти преступления совершаются по мотивам идеологической вражды и ненависти в отношении членов противоборствующей группировки, а также лиц «неславянской национальности».

Также отмечаются проявления сторонников запрещенной судом общественной организации «Национал-большевистская партия» (далее – НБП) в различных регионах страны, которые активно участвуют в несанкционированных шествиях, митингах, распространяют листовки, материалы, литературу экстремистской направленности, в том числе с использованием ресурсов сети Интернет.

Важнейшей причиной экстремистского, интолерантного, агрессивного отношения выступает психологический барьер «свой – чужой», страх перед «непохожим на себя» – ксенофобия. Это обусловлено наличием особенностей психики человека, которые служат почвой для формирования установки на агрессию по отношению к «другому».

Ксенофобия – это иррациональный, постоянный или чрезмерный страх перед иностранцами или незнакомыми людьми, не обязательно оформленный, поощряемый, терпимый или стимулируемый властями. Ксенофобия имеет биологическое объяснение как инстинкт самосохранения, желания сохранить себя и свой будущий род. Подобное явление можно наблюдать и у животных в межвидовом поведении, когда проявляется сильная нетерпимость к особям, не принадлежащим данному виду, стаду и т.п. Последние несколько лет ксенофобия в России держится на стабильно высоком уровне; ксенофобские

призывы поддерживают 55–60% опрошенных социологами российских граждан. Все это чревато значительными проблемами для страны, так как в молодежной среде появляются уже не только группировки, но и партии, исповедующие ксенофобские взгляды. Ксенофобия как психологическая основа страха перед чужой культурой является центральным психологическим механизмом формирования и проявления интолерантных установок и предрассудков. Это важная психологическая причина межнациональных конфликтов и войн, так как она всегда порождает жесткую ответную реакцию. Ксенофобия – удобное орудие манипуляции, которым успешно пользуются националистические движения

Значительную роль в профилактике экстремизма в молодежной среде играют образовательные организации (школы, колледжи, высшие учебные заведения). Результаты проведенных прокурорских проверок свидетельствуют о том, что руководство многих образовательных организаций самоустраняется от работы по недопущению среди учащихся и студентов возникновения конфликтов на почве межнациональной и межконфессиональной неприязни. Прокурорские проверки свидетельствуют, что не во всех образовательных организациях на компьютерах установлена система фильтрации, а там, где установлена, она не всегда обеспечивает полную защиту от доступа к информации, содержащей материалы экстремистского характера. Выявляются факты неприятия локальных нормативных актов, определяющих порядок проведения работ по блокированию доступа с компьютеров, оснащенных выходом в сеть Интернет и предназначенных для пользования несовершеннолетними обучающимися, к сайтам и электронным документам, включенным в «Федеральный список экстремистских материалов».

По данным Генеральной прокуратуры РФ, в 2014 г. только в Уральском федеральном округе территориальные прокуроры в суд направили 588 заявлений, которые содержали требования об ограничении доступа к экстремистским материалам, об обязанности установить в образовательных учреждениях контентные фильтры и т.п.¹⁵¹. В рамках надзорной деятельности в рассматриваемой сфере прокурорам следует обеспечить устранение и недопущение нарушений закона в работе библиотек образовательных организаций, создающих возможность попадания в библиотечные фонды печатных материалов экстремистского характера и ознакомления с ними учащихся. Прокуроры в различных субъектах Федерации продолжают выявлять многочисленные нарушения закона в рассматриваемой сфере. К числу наиболее типичных следует отнести: отсутствие официального списка экстремистских материалов, непроведение сверок библиотечного фонда с этим списком и т.п.

Наиболее эффективным средством массового информационного воздействия на молодежь в последнее время становится Интернет. Причины его популярности – легкий доступ к аудитории, обеспечение анонимной коммуникации, глобальное распространение, высокая скорость передачи информации, дешевизна, простота в использовании и мультимедийные возможности. В связи с этим важнейшее направление борьбы с проявлениями

экстремизма в молодежной среде – противодействие свободному доступу несовершеннолетних к информационным материалам экстремистского характера.

Отметим, что в 2014 г. только по требованиям Генеральной прокуратуры РФ более чем с 3 тыс. страниц в сети Интернет удалена противоправная информация с призывами к экстремистской, террористической деятельности и массовым беспорядкам, заблокировано 160 веб-ресурсов, созданных для сбора средств на поддержку незаконных вооруженных формирований в Сирии. Прокуроры на основании материалов правоохранительных органов подготовили заявления в суды, решениями которых запрещена деятельность на территории нашей страны 8 экстремистских организаций.

Решение проблем молодежного экстремизма требует реализации комплекса организационных, правовых, профилактических мероприятий, совершенствования взаимодействия государственных органов, общественных организаций. Полагаем, что в целях эффективного противодействия экстремистским проявлениям в молодежной среде необходимо широкое участие государства и общества в создании комплекса превентивных мер, который включал бы в себя такие меры, как:

- совершенствование законодательства в области межнациональных, межконфессиональных отношений и противодействия экстремистской деятельности;

- проведение культурно-просветительской работы, направленной на формирование общественного мнения по неприятию идеологии экстремизма;

- разработка и введение в программы обучения общеобразовательных и специальных учреждений, а также учреждений высшего профессионального образования специальных курсов по вопросам толерантности в современном российском обществе;

- проведение в средствах массовой информации молодежных программ;

- участием представителей различных религиозных конфессий по разъяснению смысла духовных вероучений, освещением вопросов толерантного отношения к представителям других вероисповеданий и национальной принадлежности;

- освещение в СМИ негативных последствий экстремистской деятельности, результатов работы правоохранительных органов по пресечению противоправной деятельности экстремистских формирований, объединений и группировок, а также деятельности государственных органов и общественно-политических объединений по предупреждению экстремизма;

- принятие мер по недопущению распространения экстремистской идеологии в сети Интернет;

- разработка, совместно с зарегистрированными религиозными организациями, системы мер государственного регулирования процесса получения религиозного образования в других государствах, дальнейшей преподавательской и иной трудовой деятельности лиц, его получивших.

Литература

1. Борисов С., Вагурин Д. Надзор за исполнением законов о противодействии экстремизму в молодёжной среде // Законность. – 2013. – № 4.
2. Ережипалиев Д. Надзор за исполнением законов о профилактике экстремизма в молодёжной среде // Законность. – 2016. – № 6.
3. Информационное письмо Генеральной прокуратуры РФ от 10 марта 2015 г. – № 33-15 – 2015.
4. Официальный сайт Генеральной прокуратуры РФ // <http://genproc.gov.ru/smi/news/genproc/news684690/>
5. Профилактика экстремизма среди несовершеннолетних: сборник информационно-методических материалов / Государственное бюджетное образовательное учреждение Свердловской области «Центр психолого-педагогической реабилитации и коррекции «Ладо». Полевской: ГБОУ СО ЦППРиК «Ладо», – 2014.

3.3.3. Воспитание толерантности школьников как педагогическая проблема

Г.С. Алексеев²⁸

Воспитание современного человека, способного к толерантному общению, самостоятельного, готового к активному взаимодействию с окружающим миром, является одной из важнейших задач современного школьного пространства. Воспитание культуры межкультурного общения и толерантного поведения обучающихся в образовательном процессе и за его рамками является актуальной проблемой педагогического сообщества.

Формирование личности, способной к эффективному осуществлению межкультурного взаимодействия, полноценного общения, решению коммуникативных задач, обеспечивает в будущем ее адаптацию в мире детей и взрослых.

Проблема воспитания толерантности на протяжении многих десятилетий является предметом изучения многих ученых: Ш.А. Амонашвили, В.А. Кан-Калика, А.А. Леонтьева, М.И. Лисиной, Ф. Хопкинса и др.

В отечественной психологии в основе терминологического понимания толерантности – классическое положение о единстве и взаимосвязи всех сторон духовной жизни человека: разума, чувств, побуждений, стремлений (Л.С. Выготский, С.Л. Рубинштейн).

Толерантность – это комплекс взаимосвязанных свойств личности, формируемый в процессе общения на основе той системы ценностей, в основе которой лежат такие понятия, как «согласие», «понимание», «сопереживание», «сочувствие», «взаимное приятие», «терпимость к иным мнениям» [1].

Можно сказать, что толерантность лежит в основе понимания. Г.И. Богин, проводя мысль об абсолютной переводимости языков и культур, с

²⁸ Понимание и рефлексия в культуре, науке и образовании. – Тверь. 2016. – С.1–3.

очевидностью указывал на то, что понять означает принять другое как свое, близкое, нечуждое [3; 83].

Особенность толерантности детей связана с тем, что она складывается с рано проявляющейся у них способностью не только восприятия окружающего, но и своеобразной ценностной селекцией социальных впечатлений, оценкой различных факторов окружающего [4].

Воспитание толерантности – сложный многофакторный, многоаспектный и длительный процесс, основы которого закладываются в общественном и семейном воспитании при взаимодействии с другими социальными институтами.

Такие ученые, как Л.С. Выготский, И.А. Зимняя, И.Б. Котова и др. в своих научных трудах говорят о том, что на воспитание толерантности обучающихся влияет целый ряд факторов: особенности окружающей действительности, индивидуально-психологические и возрастные характеристики личности, характер межличностных отношений и т.д. Одним из условий и важнейших факторов воспитания толерантности подрастающего поколения – педагогическое общение, представляющее собой многоплановый процесс взаимодействия учителя и ученика, содержанием которого является обмен информацией и ценностями между участниками образовательного процесса, оптимизация обучения и развитие личности учащихся, создание наилучших условий для решения учебных, воспитательных и личностных задач.

Сегодня особую актуальность и интерес представляет изучение возможностей педагогического общения в воспитании толерантности обучающихся. Педагог для ученика обладает авторитетом, является примером толерантного отношения к себе и другим людям, его поведение становится нормой, эталоном.

Многие ученые, такие как А.А. Леонтьев, А.К. Маркова, А.В. Мудрик и др., в своих работах выделяют основные условия воспитания толерантности у детей:

- все работники образовательной учреждения и родители в общении с детьми должны проявлять к ним доброжелательность, терпение, уважение;
- педагоги должны относиться к ученикам с одинаковым уважением, не возвышая одних за счет унижения других;
- оценки должны способствовать развитию ребенка, стимулировать получение знаний и умений;
- процесс обучения невозможен без продуктивного позитивного общения, в ходе которого закладываются нормы и правила поведения, формируется отношение к людям и к жизни [2].

Важнейшими критериями определения толерантности выступают: сотрудничество, готовность мириться с чужим мнением, уважение человеческого достоинства, уважение прав других, принятие другого таким, какой он есть, способность поставить себя на место другого, уважение права быть иным, признание многообразия, признание равенства других, терпимость к чужому поведению, отказ от доминирования причинения вреда и насилия. В

школе при воспитании обучающихся большое влияние оказывают учителя. От профессионализма и культуры самого учителя зависит то, как будет проходить становление личности учеников, какими нравственными качествами они будут обладать. Педагогу необходимо научить детей умению сочувствовать, сопереживать, выражать свои чувства без агрессии и насилия. Помимо этого, учитель должен научить детей конструктивно решать конфликтные ситуации, взаимодействовать с другими учениками на основе равенства и согласия.

Воспитание толерантности настолько длительный процесс, что он не может быть ограничен рамками школьного возраста. В данный возрастной период необходимо начинать воспитание толерантности, но окончание этого процесса зависит от очень многих факторов.

Каждый ребенок неповторим и прекрасен. Только неповторимость поможет ребенку выбрать свой жизненный путь и пройти его. Необходимо делать так, чтобы ребенок участвовал в делах, предлагаемых учителем не из-за страха быть наказанным, получить неодобрение, а из-за желания добиться личного успеха, испытать удовольствие, ощутить важность этих дел для себя. То, насколько ребенок будет толерантен, во многом зависит от учителя, от присутствия толерантности в его действиях, поступках и суждениях. Надо уважать в ребенке человека со всем хорошим и плохим, что в нем есть. Уважать – значит понимать, поддерживать, верить.

Литература

1. Асмолов А.Г., Солдатова Г.У., Шайгерова Л.А. О смыслах понятия «толерантность» // Век толерантности. – №1–2. URL:<http://www.tolerance.ru/vektol/1-0-asmolov2.html>
2. Безюлева Г.В., Шеламова Г.М., Толерантность в педагогике. – М.: Изд. центр АПО, 2002. – 92 с.
3. Богин Г.И. Субстанциальность понимания текста. – Тверь: Твер. гос. ун-т, 1993. – 140 с
4. Вульф Б.З. Воспитание толерантности: сущность и средства // Воспитание толерантности и профилактика экстремизма. – URL:http://bank.orenipk.ru/Text/t43_26.htm

3.3.4. Экстремизм в современном интернет пространстве

О.С. Зубкина²⁹

В условиях острого социокультурного кризиса, переживаемого российским обществом после крушения советской идеологической парадигмы условиях, на обломках разрушенного тоталитаризма и несостоятельности стихийной демократизации с ее вседозволенностью, на политическую авансцену выступили не менее опасные феномены – национализм, экстремизм и терроризм [1]. Начиная с 90-х годов прошлого века, экстремизм испытывает в

²⁹ Ростовский научный журнал, электронный доступ: <http://rostjournal.ru/?p=4314#more-4314> – Дата обращения: 20.10.2019.

нашей стране эволюционный подъем. Так, по данным Судебного департамента Верховного суда РФ в 2017 году за преступления экстремистского характера было осуждено в России 785 человек, что на 16% больше, чем годом ранее (662 человека). Причем, 658 из них были осуждены по статьям, карающим за разного сорта публичные высказывания (282, 280, 2801, 2052, 3541, чч. 1 и 2 148 УК) еще 127 (2821, 2822, 2054, 2055) – за создание экстремистских или террористических сообществ и продолжение деятельности организаций, которые были запрещены как экстремистские или террористические [2].

Как совокупность условий и факторов, создающих прямую или косвенную возможность нанесения ущерба национальным интересам, экстремизм, согласно Стратегии национальной безопасности Российской Федерации, отнесен к числу основных угроз государственной и общественной безопасности [3].

Согласно статистике Министерства внутренних дел и Федеральной службы безопасности, более 90% членов экстремистских организаций – молодые люди в возрасте от 16 до 30 лет. Они же составляют 80% всех, совершивших преступления экстремистской направленности, в том числе убийства по мотивам национальной, расовой или религиозной ненависти. В настоящее время на территории Российской Федерации насчитывается примерно 150 молодежных экстремистских организаций с проработанной идеологией, четкой иерархией, строгой дисциплиной, со своими вождями или лидерами [4]. По разным оценкам, суммарная численность таких движений составляет около 20 тысяч человек. Существует несколько факторов обосновывающих уязвимость молодёжи к приверженности к крайним взглядам и методам:

1) Молодым людям необходимо ощущать себя не только частью большого мира, но и его особенной и необыкновенной составляющей. «Ты незаменим!» – часто пишут подросткам организаторы террористической деятельности.

2) После распада Советского Союза и упразднения пионерской и комсомольской организаций, государство и общество не выработали внятную стратегию развития и воспитания молодёжи» [5].

3) У молодых людей, в силу отсутствия жизненного опыта, не сформировано четкое представление о мире, о добре и зле. Именно поэтому им легко навязать чужое мнение и жизненную позицию. В результате часть молодежи попадает под влияние чуждых нам идеологических установок, что приводит в большинстве случаев к восприятию государственных органов как врага, а не партнера [6].

4) Наиболее значимым фактором является навязывание идеологии экстремистского характера молодежи экстремистскими проповедниками посредством социальных сетей.

Конфликтные отношения в семье, алкоголизм родителей, острое чувство одиночества, неудовлетворенность в потребности самореализации и эмоциональная неустойчивость – такова совокупность субъективных и

объективных факторов, порождающих участие молодежи в экстремистских объединениях, представляющих собой как закрытые, так и открытые группы в социальных сетях [7]. Мобильная связь, мультимедиа и компьютерные технологии изменили межличностные отношения, превратив их в общение масс, благодаря этому экстремисты стали иметь доступ к аудиториям сотен, а порой даже тысяч человек.

В своей работе экстремистские проповедники делают упор на людей с нездоровым психическим состоянием из малообеспеченных семей, попавших в трудную жизненную ситуацию. Первоочередное внимание уделяется юношам и девушкам, обладающим повышенной внушаемостью, а также лицам с психическими расстройствами, не исключаяющими вменяемости. Эти молодые люди, не находя понимания в социуме, ищут возможность самовыражения в неформальном общении с подобными себе сверстниками в экстремистских и террористических группах, где четко определяется образ врага, якобы, виновного в их проблемах и насилие воспринимается как предпочтительный и наиболее быстрый способ достижения цели [8].

Экстремисты входят в доверие к этим лицам, начинают манипулировать ими. В поисках жертвы они тщательно исследуют личные данные со страницы пользователей в социальных сетях. Группы и сообщества, в которых состоит лицо, его фотографии, страницы друзей и даже музыка – всё это даёт представление об интересах человека, круге его общения, комплексах и проблемах. Поэтому необходимо ограничивать доступ к своим страницам, чтобы участникам экстремистских организаций был затруднен выход на потенциальных жертв. Порой вербовщикам даже не нужно кого-то искать, люди сами присоединяются к организациям крайних взглядов. Так, по данным крупнейшей поисковой системы Google, ежемесячно около 50 000 человек ищут в поисковиках информацию о том, как присоединиться к ИГИЛ (организации запрещённой на территории Российской Федерации).

Отдельно стоит обратить внимание на Исламское государство Ирака и Леванта. Так как это одна из самых больших и многочисленных международных террористических организаций. Она действует на территории Сирии и Ирака, исповедует радикальный ислам и пытается распространять свои идеи и влияние по всему миру. Так, ей на верность присягнули 34 вооружённые группировки. Подавляющее большинство стран ведёт активную борьбу с террористами-экстремистами, как реальную, так и информационную.

Российская Федерация, чтобы помешать ИГИЛ развиваться и вербовать новых членов в свои ряды, запретила деятельность данной организации на своей территории, заблокировала все информационные материалы, по типу видео, аудио и текстовых файлов, а также проводит информационное противодействие деятельности ИГ. По данным «Левада-Центр» от 5 сентября 2015 года, 58% россиян считает, что Исламское государство создаёт угрозу безопасности в регионе и в мире.

Интернет-ресурсы не только относятся к альтернативным СМИ, но и занимают ведущее место по охвату аудитории. Большинство молодых людей

вообще рассматривают социальные сети как истинный, авторитетный источник информации. Хотя и существуют обязательные требования верификации пользователей в крупных социальных сетях (например, указание оформленного по паспортным данным номера телефона), однако такой метод помогает лишь в поимке участников экстремистских сообществ, но не главного корня проблемы – администраторов и руководителей. Это происходит потому, что последние используют различные методы обхода: регистрация с номеров ворованных телефонов, общение через «серые сим-карты», использование услуг зарубежных виртуальных операторов. Это позволяет координаторам распространять идеи анонимно, без особого риска [9]. Другие способы поимки «последователей» экстремистских идей, такие как отслеживание IP- и MAC-адреса сети уже более эффективны, но также не гарантируют стопроцентного результата. И всё же администрация социальных сетей и правоохранительные органы хорошо справляются с блокировкой противозаконного контента. Главной особенностью распространения экстремистских идей в виртуальной среде, в частности в социальных сетях, является способность быстро и эффективно контактировать с аудиторией без значительных финансовых затрат. Это можно делать, используя соответствующие приложения (в основном, собственной разработки) для ПК или смартфонов, а также форумы DarkNet. Именно это позволяет экстремистам не только продвигать свои идеи, но и организовывать массовые акции в реальной жизни [10].

Согласно Федеральному Закону №114-ФЗ «О противодействии экстремистской деятельности»[11] можно выделить несколько признаков экстремизма, которые отслеживаются в сети Интернет:

Стремление к насильственному изменению основ конституционного строя Российской Федерации;

Возбуждение расовой, религиозной, национальной или иной социальной неприязни;

Публичное оправдание, восхваление и пропаганда терроризма, фашизма и национализма.

В то время как веб-сайты и блоги используют коммуникационную модель, более близкую к традиционным медиа, на форумах активно ведется экстремистская пропаганда. Поскольку в этих средствах массовой информации разговор идет во всех направлениях и одновременно, он связан с различными хэштегами, которые позволяют идентифицировать экстремистские организации. Некоторые из них, такие как #whitepride, #whiteface или #blackgenocide, являются абсолютными присвоениями этих групп и ещё раз подтверждают секретность, с которой они перемещаются. В других случаях они также используют ключевые слова более общего характера с международным влиянием, чтобы увеличить охват их сообщениями. Для нашей страны свойственны те же самые хэштеги, только уже адаптированные под русский язык, например #фашизм, #обыкновенный_расизм.

Используя ключевые слова и комбинируя их, я провела собственный эксперимент по выявлению групп, приверженных ультралевым взглядам в

социальной сети «ВКонтакте». Результаты поиска показали более 500 различных групп, но как ни странно, только две из них пропагандировали экстремизм. Первая – «ФАШИЗМ и Третий Путь», в ней было 2 866 подписчиков. Но, зайдя в неё, я обнаружила, что данное сообщество заблокировано на территории Российской Федерации на основании решения районного суда Краснодарского края в 2018 году. Следующая, найденная мною группа, «Потрясающий расизм» имела 26 566 подписчиков и также была заблокирована, судом Тюменской области. Но она была восстановлена под таким же названием, однако, уже другими людьми. Жанр повествования сообщества был юмористическим. Но разве можно смеяться над жертвами Гитлеровского режима? Я считаю, что нет, потому что не одобряю «чёрный» юмор, а вот 3440 участников группы, наверное, видят мир по-другому.

Однако стоит вернуться к тому, чему же были посвящены все остальные 500 групп. В данных источниках информации велась пропаганда анти-экстремизма. Сообщества людей с самыми разнообразными названиями «Товарищ Сталин – победитель фашизма», «Добром победим фашизм», «Мир без расизма» и даже «Язычество против фашизма». Более одной тысячи групп, общее количество подписчиков которых составляет примерно 3,5 миллионов граждан нашей страны, готовы бороться с экстремизмом.

К числу способов совершения противозаконных действий в социальных сетях следует отнести:

изготовление и распространение с помощью глобальной сети Интернет информационной продукции, запрещённой законодательством РФ, в целях оказания психологического влияния на пользователей сети;

использование различных компьютерных и информационных средств для того, чтобы организовывать деятельность экстремистских групп, руководить ею, при этом создавая условия для совершения преступлений экстремистской направленности [12].

Проблема экстремизма имеет особое значение для Юга России, где проживают многочисленные народы Кавказа, имеющие разную культуру и обычаи. Из-за столкновений характеров и менталитета национальных групп, проявляются идеи национализма и сепаратизма, которые порождают создание экстремистских веб-сайтов, на которых ведётся агрессивное обсуждение и критика народов Кавказа.

Отдельное внимание стоит обратить на комментарии пользователей, даже в группах, не связанных с экстремизмом появляются фразы, побуждающие совершать противоправные действия.

Подводя итог вышеизложенному, хотелось бы отметить, что проблема распространения экстремизма в Интернете лишь возрастает и усугубляется с каждым годом, поэтому не только правоохранительные органы, но и обычные законопослушные граждане страны должны бороться с экстремизмом. Президент России В.В. Путин четко сформулировал ключевую цель противодействия экстремизму: создание обстановки общественного неприятия, укрепления гражданского иммунитета к распространению экстремистских,

радикальных идей. Для достижения этой цели необходимо объединить усилия государства, общества, всех государственных и общественных структур [13].

Литература

1. Воронцов С.А. Особенности взаимодействия политической и религиозной систем (философско-методологический анализ) // диссертация на соискание ученой степени кандидата философских наук / Ростов-на-Дону, 2000. – С. 3–6.
2. Официальная статистика правоприменения в сфере борьбы с экстремизмом за 2017 год. Доступ: <https://www.sova-center.ru/racism-xenophobia/news/counteraction/2018/04/d39283/>
3. Воронцов С.А. О характере угроз национальной безопасности России // Наука и образование: хозяйство и экономика; предпринимательство; право и управление. – 2016. – № 3 (70). – С. 92–95.
4. Тхакохов А.А. К проблеме молодежного экстремизма: факторы распространения, особенности, способы борьбы [Текст] / А.А. Тхакохов // Молодой ученый. – 2015. – № 4. – С. 481–482.
5. Воронцов С.А. О причинах и факторах, снижающих эффективность оперативно-розыскного противодействия идеологии и практике экстремизма // Философия права. - 2015. – № 3 (70). – С. 40–44.
6. Мельниченко, О. В. Молодежный экстремизм в России: современные проблемы и пути разрешения: моногр. / О. В. Мельниченко, Г.В. Синцов, Д.Е. Феоктистов. – Пенза: ПГУ-ПИРО, 2012.
7. Кубякин Е.О. Молодежный экстремизм в сети Интернет как социальная проблема // Историческая и социально-образовательная мысль. 2011. № 4.
8. Воронцов С.А. Высокий образовательный уровень и гражданская активность молодежи – залог успеха в противодействии идеологии терроризма // Наука и образование: хозяйство и экономика; предпринимательство; право и управление. – 2016. – № 7 (74). – С. 137–140.
9. Глухарев Дмитрий Сергеевич. Противодействие экстремизму в современном медиапространстве // Вестник ЮУрГУ. Серия: Социально-гуманитарные науки. – 2012. – № 10 (269).
10. Воронцов С.А. О СЛАБЫХ ЗВЕНЬЯХ В СИСТЕМЕ ПРЕДУПРЕЖДЕНИЯ ЭКСТРЕМИЗМА И ТЕРРОРИЗМА // Наука и образование: хозяйство и экономика; предпринимательство; право и управление. – 2018. – № 9 (100). – С. 108–114.
11. Федеральный закон от 25 июля 2002 г. N 114-ФЗ «О противодействии экстремистской деятельности».
12. Беликов С. Антифа. Молодежный экстремизм в России. – М., 2012.
13. Заседание Совета Безопасности. Доступ: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/47045>. – Дата обращения: 20.12.2018.

**ПРОФИЛАКТИКА ДЕСТРУКТИВНОГО ПОВЕДЕНИЯ
В МОЛОДЕЖНОЙ СРЕДЕ**

ХРЕСТОМАТИЯ

Лиц. на издат. деят. Б848421 от 03.11.2000 г. Подписано в печать 28.02.2020.
Формат 60X84/16. Компьютерный набор. Гарнитура Times New Roman.
Отпечатано на ризографе. Усл. печ. л. – 10,5. Уч.-изд. л. – 10,3.
Тираж 100 экз. Заказ № 801

СП ИКЦ БГПУ 450000, г.Уфа, ул. Октябрьской революции, 3а